

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского»

На правах рукописи

Полищук Татьяна Ивановна

**КОНЦЕПТ *ГЛУПОСТЬ* В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)**

Специальность 10.02.19 – теория языка

Диссертация
на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор Л.Г. Васильев

КАЛУГА

2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ОСНОВНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	
1.1. Понятие <i>языковая картина мира</i>	11
1.2. Концепт как объект лингвистических исследований	21
1.2.1. Современные подходы к изучению концепта	21
1.2.2. Терминологический статус концепта	29
1.2.2.1. Концепт и понятие	29
1.2.2.2. Концепт и значение	32
1.2.3. Типология концептов	35
1.2.4. Структура концепта	43
1.2.5. Методы исследования концепта	50
Выводы по Главе 1	56
ГЛАВА 2. АНАЛИЗ КОНЦЕПТА <i>ГЛУПОСТЬ</i> В РУССКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА	
2.1. Концепт <i>глупость</i> в лексикографических источниках	58
2.1.1. Словарные дефиниции ядерных компонентов концепта <i>глупость</i>	59
2.1.2. Этимология имён концепта <i>глупость</i>	63
2.1.3. Производные слова от имён концепта <i>глупость</i>	66
2.1.4. Лексическая сочетаемость ключевого слова	71
2.1.5. Синонимические ряды, реализующие концепт <i>глупость</i> в русском и французском языках.	74
2.2. Анализ паремий, объективирующих концепт <i>глупость</i>	93
2.3. Концепт <i>глупость</i> в афоризмах	117
2.4. Концепт <i>глупость</i> в анекдотах	130
Выводы по Главе 2	151
Заключение	154
Список литературы	160

Словари	176
Источники иллюстративного материала	180
Список сокращений	181
Приложение	182

ВВЕДЕНИЕ

Одной из наиболее ярких особенностей современного языкознания является возникновение и интенсивное развитие новых лингвистических направлений в рамках антропоцентрической парадигмы, отличительной чертой которой является рассмотрение языковых явлений в тесной взаимосвязи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью, что определило активное и многостороннее исследование процессов концептуализации и категоризации действительности в разных отраслях современной лингвистики. Основной формой категоризации и главным средством концептуализации многие учёные признают *концепт*, выступающий в качестве предмета описания в зарубежных и отечественных трудах [А.П. Бабушкин, А. Вежбицкая, С.Г. Воркачëв, М. Джонсон, В.И. Карасик, Г. Кларк, В.В. Колесов, Е.С. Кубрякова, Дж. Лакофф, М. Минский, Р. И. Павилёнис, А. Пайвио, В.А. Пищальникова, З.Д. Попова, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, А.А. Уфимцева, В. Чейз, А.П. Чудинов, Ч. Филлмор].

Несмотря на активное изучение природы концепта, учёным не удаётся однозначно решить все проблемы, связанные с этим многоаспектным явлением. Дискуссионными являются вопросы о статусе концепта, его структуре, типах, особенностях вербализации, соотношении концепта и понятия, соотношении концепта и значения, а также вопросы, касающиеся методов исследования концепта. Отсутствие единой точки зрения на проблему концепта связано как с относительной новизной концептуальных исследований, так и со сложностью, полифункциональностью и многогранностью этой ментальной сущности.

Настоящее исследование посвящено изучению объективации концепта *глупость* в русской и французской языковых картинах мира (далее – ЯКМ) и его комплексному анализу, описанию системы релевантных признаков концепта *глупость* в сравниваемых культурах на материале различных типов текстов.

Актуальность настоящей диссертационной работы обусловлена рядом факторов:

1) растущим интересом к проблеме взаимоотношения языка и культуры, что вызвано развитием культурных, научных и экономических контактов между народами и странами;

2) выраженным интересом исследователей к языковой репрезентации феномена человеческого интеллекта;

3) высокой значимостью концепта *глупость* для русской и французской культур;

4) слабой изученностью варьирования концептов ограниченной ментальной способности человека в разных лексикографических источниках и разных типах дискурса, в частности, отсутствием анализа концептов на материале анекдотических текстов, хотя исследования анекдотов в существенной мере отражают концептуальную картину мира;

5) тем фактом, что подавляющее большинство исследований, посвящённых концептам, проводятся на материале русского и английского языков, французский язык находится в поле зрения гораздо реже.

Объектом исследования является лингвокультурный концепт *глупость* в русской и французской ЯКМ.

Предметом исследования в зависимости от этапа работы становятся:

1) лексические средства вербализации концепта *глупость* в русском и французском языках;

2) паремии, афоризмы, анекдоты, описывающие глупость.

Цель данной работы заключается в многоплановом исследовании и описании семантико-прагматических и национально-культурных характеристик концепта *глупость* в русской и французской ЯКМ.

В соответствии с поставленной целью выдвигаются следующие *задачи*:

1) уточнить понятие концепта как базового междисциплинарного термина когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, психолингвистики; описать его структуру, типологию и методики исследования;

2) установить конститутивные признаки концепта *глупость* в русском и французском языках; выделить языковые единицы, реализующие в своей семантической структуре значение *глупости*; структурировать элементы соответствующих концептуальных полей;

3) провести сопоставительную интерпретацию русских и французских лексических, паремических, афористических единиц, объективирующих названный выше концепт;

4) исследовать особенности репрезентации рассматриваемого концепта на материале текстов анекдотов.

Теоретико-методологической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных учёных в области лингвистики, лингвокультурологии, психолингвистики, концептологии [Вежбицкая 2001; Воркачѳв 2007; Карасик 2009; Караулов 2006; Кубрякова 2004; Степанов 2001; Стернин 2001; Телия 1999; Уфимцева 2002; Caron 1989; Delbecque 2002; Delmas 2006; Dubois 1993; Gaudin 1996; Kleiber 1993; Le Ny 2004; Vignaux 1992].

Для изучения концепта *глупость* в данной работе применялся комплекс *методов и приёмов исследования*: метод сплошной выборки, дефиниционный и компонентный анализ, этимологический анализ и элементы словообразовательного анализа; контекстуальный анализ и интерпретативный анализ.

Материалом исследования выступают данные сплошной выборки из толковых, энциклопедических, синонимических, этимологических словарей русского и французского языков, письменные тексты паремий, афоризмов, анекдотов, представленные в сборниках, а также на сайтах сети Интернет. Общее количество текстовых репрезентаций исследуемого концепта *глупость* – по 1500 примеров в русском и французском языках.

Рабочая гипотеза исследования состоит в том, что концепт *глупость* является сложным ментальным образованием, обладающим определённой структурой, отражается в языковых единицах разного типа, характеризуется национальной спецификой и связан с важнейшими ценностными ориентирами поведения.

Научная новизна работы заключается в определении ядерных и периферийных характеристик концепта *глупость* в русской и французской ЯКМ, в изучении прецедентных текстов массовой культуры как источников языкового воплощения исследуемого концепта. Настоящей работой заполняется определённая лакуна концептуальных исследований посредством описания концепта *глупость* как компонента национальных картин мира.

Теоретическая значимость выполненной работы заключается в дальнейшей разработке положений лингвокультурологии и когнитивной лингвистики, уточнении ценностных доминант французского и русского языкового сознания. Полученные результаты могут служить теоретической базой для дальнейших научных исследований в области национальных (русского и французского) языков и культур.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования результатов исследования в процессе преподавания теоретических курсов по языкознанию, при разработке и чтении курсов по лексикологии и стилистике русского и французского языков, спецкурсов и семинаров по когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, сопоставительной лингвистике, межкультурной коммуникации, а также в практике обучения русскому и французскому языкам.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Концепт *глупость* является одним из основных концептов для любого национального сообщества и представляет собой сложное многослойное образование, имеющее высокую значимость для русской и французской культур. В вербальной манифестации концепта *глупость* проявляются как универсальные, так и национально-специфические аспекты, отражающие культурно-историческую детерминированность формирования соответствующей когнитивно-прагматической области бытия и языковой картины мира двух лингвокультур.

2. Концепт *глупость* гибок и неустойчив по своей природе, так как в разных текстах он обладает неодинаковым набором концептуальных призна-

ков. Неравномерная трансляция концептов – одна из онтологических характеристик концептов, которые могут проявлять себя в разных текстах по-разному.

3. В текстах словарных дефиниций наблюдается значительное сходство в толкованиях имён соответствующих концептосфер в русской и во французской лингвокультурах; в паремиях и афоризмах находят выражение традиционные ценностные установки русских и французов с присущими этим установкам этнокультурными различиями; в анекдотических текстах в значительной мере проявляются новые тенденции понимания ценностных компонентов интеллектуальной несостоятельности.

4. Средства репрезентации концепта *глупость* представляют собой систему, в которой можно выделить ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию:

а) ядерными средствами экспликации *глупости* в номинативно-функциональном поле являются прямые номинанты *глупости*. Слова *глупость/bêtise* являются доминантами синонимического ряда слов с семантикой интеллектуальной несостоятельности;

б) ближнюю периферию поля *глупости* образуют номинации интеллектуальных состояний с семантикой *глупости*, составляющие синонимические ряды, и многообразные способы описания *глупости*;

в) дальнюю периферию номинативно-функционального поля *глупости* составляют экспрессивно окрашенные, чаще всего просторечные образования, слова, редко используемые носителями современного русского и французского языков;

г) на крайней периферии поля *глупости* помещаются диалектные, просторечные и жаргонные слова, роль которых в вербальной передаче семантики *глупости* крайне мала. К этой же части поля относятся контекстные синонимы *глупости*.

5. Универсальный концепт *глупость*, несмотря на длительное существование, нельзя считать сформировавшимся, поскольку социально-

экономические, идеологические и культурные изменения ведут к трансформации концепта и, следовательно, к возникновению новых средств его вербализации.

Апробация. Результаты исследования получили апробацию на Международных научно-практических конференциях: «Лингвистика в современном мире» (Таганрог, 2011), «Актуальные вопросы филологии, искусствоведения и культурологии» (Новосибирск, 2011); на региональных научно-практических конференциях: «Проблемы повышения эффективности обучения иностранному языку в вузе: теория и практика», «Оптимизация преподавания лингвистики и иностранного языка в вузе: теория и практика», «Диалог культур – культура диалога», «Кадры XXI века: гуманитарно-экономическое образование и пути его развития», «Язык-культура-человек-этнос» (Калуга, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011). Диссертация обсуждалась на аспирантских семинарах и кафедре лингвистики и иностранных языков КГУ. По материалам диссертации опубликовано 17 работ, в том числе статья в издании, рекомендованном ВАК РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, списка сокращений и приложения.

Общий объём диссертации составляет 187 страниц, из них 159 страниц основного текста.

Основное содержание работы

Во введении обосновывается выбор темы исследования, его актуальность и научная новизна; определяются цели и задачи работы; характеризуются используемые методы; раскрываются теоретическая значимость и практическая ценность результатов исследования, а также предполагаемая область их применения и сведения об апробации научных результатов проведённой работы.

В *главе 1* – «Основная проблематика концептуальных исследований» – рассматриваются теоретические и методологические вопросы когнитивной лингвистики, проблемного поля *языковая картина мира* в отечественной и зарубежной лингвистике; определяется понятие *концепт*, а также приводятся основные точки зрения на его понимание и подходы к его изучению.

В *главе 2* – «Анализ концепта *глупость* в русской и французской языковых картинах мира» исследуется концепт *глупость* на материале русского (концепт *глупость*) и французского (концепт *bêtise*) языков по данным лексикографических источников, анализируются способы репрезентации концепта *глупость* на материале паремий, афоризмов, анекдотов.

В *Заключении* подводятся итоги проведённой работы по реализации цели и решению задач, излагаются результаты диссертационного исследования, намечаются перспективы дальнейшего исследования.

В рамках каждой главы выделяются разделы. Для достижения большей наглядности предлагаются таблицы. В конце диссертации приводится список теоретических трудов по проблематике исследования, состоящий из 203 наименований, из них 29 на иностранных языках, и источников, послуживших материалом для анализа.

ГЛАВА 1. ОСНОВНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

1.1. Понятие *языковая картина мира*

Гуманизация научного знания поставила перед лингвистами задачу раскрытия природы и роли человеческого фактора в языковой коммуникации. Если лингвистика первой половины XX века имела классификационный и дефиниционный уклон, то сейчас «язык рассматривается в своей погружённости в жизнь, в отображении действительности. Всё больше укрепляется мысль о том, что понять природу языка можно лишь исходя из человека и его мира в целом. Всё это свидетельствует о важнейшем методологическом сдвиге, который наметился в современной лингвистике – о переходе от лингвистики имманентной к лингвистике антропологической» [Рузин 1996: 48].

Акцентирование «человеческого фактора» привело к появлению в разных науках целого ряда понятий, представляющих лингвистические, психические, философские и логические модели объективного мира. К ним относятся такие понятия, как *картина мира*, *концептуальная картина мира*, *языковая картина мира*, *концептуальная система*, *индивидуальная когнитивная система* и другие, которые позволяют говорить о процессе обработки и усвоения информации с помощью языковых средств.

Несмотря на внешние различия дефиниций данных понятий, их объединяет ориентация на представление моделей как «исходного глобального образа», как субъективного образа объективного мира, как упрощённого и сокращённого отображения, таким образом, они подводятся под понимание «идеального». Кроме того, за редким исключением, в дефинициях выделяются два обязательных компонента: деятельностная природа *картины мира* (далее – *КМ*) (познающая деятельность человека, опыт человека, духовная активность) и *мировидение* (видение мира, отражающая способность мышления, сумма представлений о мире, знания о мире) [Яковлева 1994: 9].

Понятие *мировидение* встречается ещё в лингвофилософских концепциях В. фон Гумбольдта, Й.Л. Вайсгербера, Л. Витгенштейна, Э. Сепира, Б. Уорфа.

Так, В. фон Гумбольдт рассматривал язык как *промежуточный мир* между мышлением и действительностью, при этом он акцентировал разницу между понятиями *промежуточный мир* и *картина мира*. Первое – это статичный продукт языковой деятельности, определяющий восприятие действительности человеком. Единицей его является «духовный объект» – понятие. *КМ* – это подвижная, динамичная сущность, так как образуется она из языковых вмешательств в действительность, и её единицей является *речевой акт* [Гумбольдт 1984: 78]. По В. фон Гумбольдту именно язык оказывает влияние на формирование системы понятий и системы ценностей. Эти его функции, а также способы образования понятий с помощью языка, считаются общими для всех языков. В основе различий лежит своеобразие духовного облика народов – носителей языков, но главное несходство языков между собой состоит в форме самого языка, «в способах выражения мыслей и чувств» [Гумбольдт 1984: 79].

Идеи В. фон Гумбольдта нашли своё отражение в трудах А.А. Потебни. Он считал, что «мысль и язык неразделимы, что язык без мысли так же невозможен, как мысль без языка; они относятся друг к другу как душа и тело, сила и функция, сущность и форма» [Потебня 1989: 252]. Исследователь не отождествляет язык и мышление, но признает диалектический характер их отношений. Мысль объективируется в языке, подвергается обработке, что служит её дальнейшему развитию. А.А. Потебня не использовал термин *концепт*, но многие положения его теории легли в основу современного понимания концепта.

Заслуга Й.Л. Вайсгербера заключается в том, что он ввёл в научную терминологическую систему понятие *ЯКМ*. Учёный подчёркивал её мировоззренческую, субъективно-национальную, «идиоэтническую» сторону, происходящую из факта, что в каждом языке представлена особая точка зрения на

мир – та точка зрения, с которой смотрел на него народ, создавший данный язык. Сам же мир, по его мнению, всегда будет оставаться в тени этой точки зрения. Восприятие мира осуществляется мышлением, но с участием средств родного языка [Вайсгербер 1993: 114].

В трудах Л. Витгенштейна язык также рассматривается как деятельность. По мнению учёного, мышление имеет речевой характер и является деятельностью со знаками. Жизнь знаку даёт его употребление. При этом «значение, которое присуще словам, не является продуктом нашего мышления» [Витгенштейн 1994: 17]. Значение знака есть его применение в соответствии с правилами данного языка и особенностями той или иной деятельности, ситуации, контекста. Предложение – модель действительности, копирующая её структуру своей логико-синтаксической формой. Отсюда следует, что уровень владения языком определяет степень знаний человека о мире. Языковая единица, по мнению автора, представляет понятие, а не некое лингвистическое значение, поэтому в целом Л. Витгенштейн не разграничивает *ЯКМ* и *КМ*.

Большой вклад в разграничение понятий *ЯКМ* и *КМ* внесён Э. Сепиром и Б. Уорфом, утверждавшими, что «представление о том, что человек ориентируется во внешнем мире, по существу, без помощи языка и что язык является всего лишь случайным средством решения специфических задач мышления и коммуникации, – это всего лишь иллюзия. В действительности “реальный мир” в значительной мере неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы» [Сепир 1993: 261].

Представления о *ЯКМ* в изложении Ю.Д. Апресяна выглядят следующим образом: «Каждый естественный язык отражает определённый способ восприятия и организации (концептуализации) мира. Выражаемые в нём значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка». Свойственный языку способ концептуализации действительности в известной степени универсален и одновременно национально

специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков» [Апресян 1995: 39].

В основе концептуалистской дефиниции исследуемой категории лежит понимание концептуальной системы, данное Р.Й. Павилёнисом. По его мнению, «естественный язык сам по себе не является концептуальной системой, он, образно говоря, «вплетён» в эту систему, он служит для дальнейшего строения и символического представления содержания определённой концептуальной системы» [Павилёнис 1983: 117]. В концепции Р.Й. Павилёниса нет однозначного соответствия между единицей концептуальной системы и единицей языка: форма словесной символики, соотносимая с осмысляющими её концептами, может варьироваться от слова до предложения или даже множества предложений. То, что выражается одним словом, может быть соотнесено с определённой структурой концептов и, наоборот [Павилёнис 1983: 109]. При всей индивидуальности содержания концептуальных систем люди понимают друг друга благодаря социализации концептуальной системы, которая осуществляется с помощью языка.

Мы вполне разделяем точку зрения о том, что сами по себе языковые выражения не имеют значения и их содержание определяется только содержанием концептуальной системы. Наша вербальная способность базируется на способности восприятия объектов и состояний мира, следовательно, проблема понимания языка/речи тесно связана с проблемой понимания мира.

В логико-лингвистических исследованиях под *КМ*, вслед за В.И. Постоваловой, называют «исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировоззрения человека, репрезентирующий сущностные свойства мира в понимании её носителей и являющийся результатом всей духовной активности человека, а не какой-либо одной её стороны» [Постовалова 1988: 20]. Таким образом, *КМ* является субъективным образом объективной реальности и входит в класс идеального, которое опредмечивается в знаковых формах, не запечатлеваясь полностью ни в одной из них.

Существуют две точки зрения по вопросу о способности языка отражать окружающую действительность. Согласно первой, язык отражает мир. Подобный взгляд присутствует, например, в работе Г.Г. Почепцова, утверждающего, что «мы отражаем мир с помощью языка. Именно отражаем, а не описываем или, точнее, не только описываем, поскольку описание – это лишь одна из форм языкового отражения мира» [Почепцов 1990: 110].

Иной взгляд на данную проблему содержится в коллективной монографии «Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира». В предисловии Б.А. Серебренников подчёркивает, что утверждение многих лингвистов и философов, будто бы язык отражает действительность, основано на «непонимании того, что в действительности происходит в языках. Имманентные законы изменения словесного знака не зависят от изменений, происходящих в человеческом обществе» [Серебренников 1988: 4]. Поскольку язык связан с действительностью через знаковую соотнесённость, то он не отражает действительность, а отображает её знаковым способом. Таким образом, язык, в понимании большинства исследователей, представляет собой инструмент, с помощью которого происходит концептуализация мира человеком.

Поскольку концептуализация мира осуществляется через язык, возникает вопрос о соотношении мира, его образа, существующего в сознании, и образа, зафиксированного в языке. Г.А. Брутян одним из первых чётко разграничивает *ЯКМ* и концептуальную (в иной терминологии – когнитивную) картину мира (далее – *ККМ*). Под *ККМ* Г.А. Брутян понимает «не только знание, которое выступает как результат мыслительного отражения действительности, но и итог чувственного познания, в снятом виде содержащийся в логическом познании». *ЯКМ* трактуется исследователем как «информация о внешнем и внутреннем мире, закреплённая средствами живых, разговорных языков» [Брутян 1973: 108].

Существует несколько точек зрения на соотношение *ККМ* и *ЯКМ*.

Согласно первой зрения *ЯКМ* и *ККМ* во многом совпадают, являются взаимозависимыми. Г.В. Колшанский утверждает, что нет оснований ставить вопрос об особом «языковом мире», об особом членении мира через язык, что «языковые формы не образуют своего “особого царства”» [Колшанский 2006: 78]. «В гносеологическом плане действительно не отношение "язык-мышление", а "языкомышление – мир"» и «поэтому правильно говорить не о *ЯКМ*, а о языково-мыслительной картине мира». Автор признаёт, что «*ЯКМ* есть вторичное существование объективной картины мира» [Колшанский 2006: 37-40], а такая вторичность означает зависимость языка от мышления.

Согласно второй точке зрения, сторонником которой является Г.А. Брутян, *ЯКМ* шире *ККМ*. Исследователь считает, что *ККМ* совпадает «с основной частью» *ЯКМ*, т.е. «основное содержание языковой модели мира покрывает всё содержание концептуальной модели мира». За пределами *ККМ*, по мнению учёного, остаются периферийные участки, являющиеся носителями дополнительной информации о мире. При этом информация, которая входит как в *ККМ*, так и в *ЯКМ*, является инвариантной, а информация, содержащаяся в периферийных участках *ЯКМ*, т.е. в тех участках, которые остаются за пределами *ККМ*, варьируется от языка к языку [Брутян 1973: 109-110].

Исследователи, разделяющие третью точку зрения [Попова, Стернин 2002, Почепцов 1990, Серебренников 1988], считают, что *ККМ* более масштабна по сравнению с *ЯКМ*. Эта точка зрения присутствует в работах большинства лингвистов. Так, З.Д. Попова и И.А. Стернин определяют *ЯКМ* как «совокупность представлений народа о действительности на определённом этапе развития народа, зафиксированных в единицах языка» и отмечают, что «*ЯКМ* существует в виде значений языковых знаков, образующих совокупное семантическое пространство языка» в отличие от *ККМ*, которая существует в виде концептов, образующих концептосферу народа. И хотя *ЯКМ* отражает концептосферу отрывочно, язык является самым удобным доступом к концептосфере [Попова, Стернин 2007а: 6].

Г.Г. Почепцов утверждает, что языковое представление мира «информационно неполно и / или неточно», и причину этого он видит в том, что «отражению подвергается не мир в целом, а лишь его составляющие, которые представляются говорящему наиболее важными, наиболее релевантными, наиболее полно характеризующими мир» [Почепцов 1990: 111-112].

Многие учёные придерживаются точки зрения, что язык не может полностью определить содержание мышления народа, поскольку последнее всегда богаче любого языкового выражения. Так Б.А. Серебренников полагает, что «*ККМ* богаче *ЯКМ*, поскольку в её образовании участвуют разные типы мышления» [Серебренников 1988: 107].

Схожую точку зрения о соотношении *ККМ* и *ЯКМ* высказывает Е.С. Кубрякова. *ККМ* – это то, каким в своём воображении человек рисует себе мир – феномен более сложный, чем *ЯКМ*, то есть та часть концептуального мира человека, которая имеет привязку к языку и преломление через языковые формы. «Не всё воспринятое и познанное человеком, не всё прошедшее и проходящее через разные органы чувств и поступающее извне по разным каналам в голову человека, имеет или приобретает вербальную форму» [Кубрякова 1992: 38].

В поисках ответа на вопрос, в каком виде существуют в человеческом сознании единицы хранения информации об окружающей действительности, А.А. Леонтьев утверждает, что *ЯКМ* обозначает «мир в зеркале языка», а *ККМ* оказывается противопоставленной *образу мира* на основании того, что последний понимается как отображение в психике человека предметной окружающей действительности, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами, и поддается сознательной рефлексии [Леонтьев 1993: 18].

Представляется, что различия *ККМ* и *ЯКМ* можно проследить по следующим параметрам.

1. Отображение действительности: *ККМ* является более близким образом действительности, нежели *ЯКМ* (как это было рассмотрено выше). Одна-

ко необходимо помнить, что ни когнитивная, ни языковая картины мира не выступают в качестве зеркального отражения мира, они всегда представляют собой некую интерпретацию. С каждой *КМ* связан определённый способ мировосприятия и определяемые им различного рода мыслительные операции.

2. Характер восприятия действительности: непосредственное восприятие при формировании *ККМ* и опосредованное языковыми знаками – при формировании *ЯКМ* [Пименова 2011: 35].

3. Участие типов мышления в формировании каждой из картин: в отличие от *ЯКМ*, в создании *ККМ* принимают участие разные типы мышления, в том числе и невербальные [Постовалова 1988: 33; Серебренников 1988: 6].

4. Степень подвижности, изменчивости: *ККМ* регулярно обновляется, *ЯКМ* отличается большей стабильностью, она достаточно медленно реагирует на изменения, происходящие в осознании мира человеком и поскольку «познание мира человеком не свободно от ошибок и заблуждений, его *ККМ* постоянно меняется, «перерисовывается», тогда как *ЯКМ* ещё долго хранит следы этих ошибок и заблуждений» [Маслова 2001: 65]. Данную точку зрения разделяют Н.С. Новикова и Н.В. Черемисина, рассматривая *ЯКМ* как наиболее долговечную, устойчивую и во многом стандартную, так как производятся именно стандартные единицы языка, ставшие узуральными [Новикова, Черемисина 2000: 45].

5. Основные единицы (структурные элементы). «Сердцевиной *ККМ* является информация, данная в понятиях, в *ЯКМ* главное – это знание, закреплённое в словах и словосочетаниях конкретных разговорных языков» [Брутян 1973: 108].

Данный тезис получает развитие и в работах других исследователей. Так, Е.С. Кубрякова указывает, что «*ККМ* содержит информацию, представленную в понятиях, а в основе *ЯКМ* лежат значения, закреплённые в семантических категориях, семантических полях, составленных из слов и словосочетаний, по-разному структурированные в границах этого поля разных языков» [Кубрякова 1988: 56-63].

Аналогичная позиция представлена и в работе З.Д. Поповой и И.А. Стернина, утверждающих, что *ККМ* «существует в виде концептов, образующих концептосферу народа, *ЯКМ* – в виде значений языковых знаков, образующих совокупное "семантическое пространство языка"» [Попова, Стернин 2007а: 6].

В.Б. Касевич определяет *ЯКМ* как совокупность знаний, закодированных оппозициями словаря и грамматики, языковые знания [Касевич 1996: 179]. Таким образом, он отождествляет *ЯКМ* с семантическим устройством словаря и семантикой грамматических оппозиций. Поскольку *ЯКМ* консервативна, как консервативен сам язык, то со временем она может оказаться «реликтовой, лишь традиционно воспроизводящей былые оппозиции в силу естественной недоступности иного языкового инструментария» [Касевич 1996: 211]. Возникают расхождения между архаической и семантической системой языка и той актуальной моделью мира, которая действительна для языкового коллектива в данный момент.

ЯКМ может быть определена, как «специфическое представление значения средствами родного языка». *ЯКМ* трактуется как многослойное образование, которое включает фонетический слой, лексический слой, грамматический слой, фразеологический уровень как «свод законов народа», дискурсивный слой уровня речевых актов. Таким образом, *ЯКМ* – многоярусная семантическая система языка, сложившаяся под действием социокультурных факторов [Михалёв 2007: 383-388].

Следовательно, лингвистические данные при изучении проблем национального содержания культуры играют первостепенную роль, поскольку язык одновременно является её продуктом и важной составляющей частью культуры. Более того, язык представляет специфический способ существования культуры. Так как каждый носитель языка одновременно остаётся и носителем культуры, то языковые знаки приобретают способность выполнять функцию знаков культуры, и тем самым служат средством представления основных установок культуры.

Выделяя в составе *ЯКМ* ценностную, юмористическую, эмотивную и другие *КМ*, В.И. Карасик отмечает, что ценностная *КМ* является наиболее значимой для понимания этнокультурной специфики социума, так как она моделируется «в виде взаимосвязанных оценочных суждений, соотносимых с юридическими, религиозными, моральными кодексами, общепринятыми суждениями здравого смысла, типичными фольклорными, литературными сюжетами» [Карасик 2002: 171].

Итак, понятие *ЯКМ* включает следующие связанные между собой, но различные идеи.

1) *ЯКМ* есть вербализованная часть *ККМ*, её материализация, при этом между ними нет полного соответствия. Взаимосвязь индивида и языка заключается в том, что человек вербализует только те фрагменты реального мира, которые представляются ему наиболее важными.

2) *ЯКМ*, являясь общекультурным достоянием, сокровищницей культуры нации, обладая определённой структурой, отражает способ речемыслительной деятельности, характерный для той или иной эпохи, с её духовными, культурными и национальными ценностями.

3) Знаковость *ЯКМ* и её отражательный характер являются универсальными свойствами для всех языков, но это не исключает специфичность каждого из них. Языковое членение мира отличается у разных народов.

Под *ЯКМ* в настоящей работе понимается исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отражённая в языке совокупность образов, понятий, стереотипов, представляющих собой знания определённого народа об окружающем мире, которые на уровне сознания хранятся в виде концептов. Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой *ККМ* шире, чем *ЯКМ*, поскольку язык не в состоянии отразить всё богатство содержания концептосферы, так как далеко не все концепты имеют языковое выражение. Реконструкция *ЯКМ* составляет одну из важнейших задач современной лингвистики и поскольку единицей *ККМ* является концепт, который эксплицируется в первую очередь языковыми средствами, то,

изучая концепты, можно выявить соотношение *ЯКМ* и *ККМ*, что позволит продвинуться в решении проблемы взаимодействия языка и мышления.

1.2. Концепт как объект лингвистических исследований

1.2.1. Современные подходы к изучению концепта

Связь языка, мышления, культуры находит отражение в базовом термине современной когнитивной лингвистики – концепте.

Исследованию концепта посвящены труды как отечественных, так и зарубежных учёных: Н.Д. Арутюновой, С.А. Аскольдова, А.П. Бабушкина, В. фон Гумбольдта, В.В. Колесова, Е.С. Кубряковой, Дж. Лакоффа, Д.С. Лихачева, М. Минского, Р.И. Павилёниса, З.Д. Поповой, А.А. Потебни, Э. Сепира, Ю.С. Степанова, И.А. Стернина, Б. Уорфа, Ч. Филлмора и многих других.

В статье «Концепт и слово», опубликованной ещё в 1928 г., С.А. Аскольдов-Алексеев определяет концепт как «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределённое множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов 1997: 267]. В силу ряда причин понятие *концепта*, использованное С.А. Аскольдовым, на длительное время исчезло из отечественной лингвистики, уступив место более привычному для русского языка термину *понятие*.

Выделяя главенствующие направления в истории становления теории словесности, В.П. Нерознак отмечает, что именно с работы С.А. Аскольдова-Алексеева «Концепт и слово» начинается развитие концептуально-культурологического направления российской филологии [Нерознак 1998: 32]. И только в 80-х гг. в связи с переводами работ англоязычных авторов на русский язык понятие *концепт* адаптировалось как термин в научной литературе наряду с терминами *концептуальные сущности*, *концептуализация*.

К настоящему времени написано много работ, посвящённых концептам. Однако концепт как сложный когнитивный лингвосоциальный феномен не имеет однозначного толкования и варьируется в концепциях различных научных направлений. Этим объясняется большое количество терминологи-

ческих единиц, являющихся аналогами термина *концепт*: «эмбрион мыслительной операции» [Аскольдов 1997: 273], «смысловый ген значения языкового знака» [Алефиренко 2003: 4], «мифологема» [Базылев 1999: 130-134], «логоэпистема» [Верещагин, Костомаров 1999: 7], «лингвокультурема» [Воробьев 2008: 44-56], «зародыш слова, ментальный генотип, атом генной памяти» [Колесов 2006: 24], «оперативная единица в мыслительных процессах» [Кубрякова 2004: 316], «некая потенция значения» [Лихачёв 1993: 6], «ген культуры» [Ляпин 1996: 16].

Термин *концепт* как наиболее употребительный утвердился в качестве основополагающего понятия в когнитивной лингвистике.

К основным вопросам, решаемым в рамках концептуальных исследований, можно отнести:

- проблему природы концепта [Залевская 2001; Кубрякова 2004; Слышкин 2004; Соломоник 1995; Степанов 2001];
- проблему соотношения концепта и его репрезентаций [Чернейко 1996; Проскуряков 2000; Красных 2003];
- вопрос о структуре концепта и возможности его моделирования [Степанов 2007; Попова, Стернин 2007];
- вопросы соотношения концепта и значения языковых единиц, проблему их вербализации [Кубрякова 2004; Нерознак 1998; Карасик 2009];
- вопросы типологии концептов [Бабушкин 2001; Болдырев 2001; Вежбицкая 2001a; Воркачëв 2001; Карасик 2009];
- методы их исследования [Степанов 2001; Попова, Стернин 2001].

Существующие на сегодняшний день подходы к определению концепта можно свести к следующим направлениям: *лингвокогнитивному*, *лингвокультурологическому*, *лингвистическому* и *психолингвистическому*.

Лингвокогнитивный подход определяет концепт как мыслительное образование, закрепляющее и моделирующее познавательный опыт человека, «термин, служащий объяснению ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и

опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отражённой в человеческой психике» [КСКТ 1997: 90]. Согласно данному подходу, вербализация мысли представляет собой процесс перекодирования концептуальной информации.

Сторонниками лингвокогнитивного подхода являются, в частности, Н.Ф. Алефиренко, А.П. Бабушкин, Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин и другие. Они считают, что концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения значения слова с личным и народным опытом человека, таким образом, концепт является посредником между словами и действительностью.

Так, З.Д. Попова и И.А. Стернин дают следующее определение: «концепт – дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека». Концепт обладает относительно упорядоченной внутренней структурой и представляет собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества, содержит комплексную информацию об отражаемом фрагменте реальности, об интерпретации данной информации общественным сознанием, а также об отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин 2007а: 32].

Данную точку зрения разделяет Н.К. Рябцева, которая определяет концепт как «единицу познания мира, имеющую различную степень информативной насыщенности». При этом концепт остаётся целостным образованием, способным пополняться, изменяться и отражать человеческий опыт [Рябцева 2005: 77].

Интересны также работы А.П. Бабушкина и Н.Ф. Алефиренко, выполненные в русле когнитивной семантики. В исследовании А.П. Бабушкина «Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка» [Бабушкин 1996] концепт рассматривается как дискретная содержательная единица коллективного сознания, отражающая предмет реального или идеального мира,

хранимого в национальной памяти человека в виде субстрата [Бабушкин 1996: 30-35].

Н.Ф. Алефиренко при изучении концепта делает акцент на нём как на элементе языкового сознания и определяет его как «первичную оперативную единицу когнитивной семантики – семантический эмбрион, или смысловой ген значения языкового знака». Концепт как мыслительный образ характеризуется широким структурным диапазоном: по горизонтальной оси – от обобщённых наглядных образов до логических понятий; по вертикальной – с разной степенью эксплицирования его глубинных смысловых слоёв [Алефиренко 2003: 4].

Суммируя вышесказанное, мы можем сказать, что концепт в когнитологии – это обобщённо-целостная мыслительная единица, т.е. единица памяти, которая отражает опыт и результаты всей человеческой деятельности в процессе постижения мира.

Отличительной чертой лингвокогнитивного подхода является использование понятия *концепт* при описании семантики языка, при этом значения языковых выражений приравниваются к выражаемым в них концептам или концептуальным структурам.

Характерной чертой *лингвокультурологического* подхода является рассмотрение концепта в качестве не только ментального образования, но обязательно отмеченного этносемантической спецификой. Концепт понимается как результат, итог культурных знаний. Основоположниками данного направления считаются Н.Д. Арутюнова, С.Г. Воркачёв, В.И. Карасик, В.Н. Телия. При рассмотрении концепта большее внимание уделяется культурологическому аспекту, вся культура понимается как совокупность концептов и отношений между ними, а концепт как основная ячейка культуры в ментальном мире человека.

По мнению В.Н. Телия, концепт – это «всё то, что мы знаем об объекте во всей экстенсии этого знания» [Телия 1996: 97]. Концепт представляет собой семантическую категорию наиболее высокой степени абстракции, вклю-

чающую в себя частные значения конкретизации общей семантики. В.Н. Телия подчёркивает, что концепту онтологически предшествует категоризация, которая создаёт типовой образ и формирует «прототип». В.Н. Телия представляет концепты как часть европейской культуры «в момент их ответвления от европейского культурного фонда и фона» [Телия 1996: 99]. Они занимают ядерное положение в коллективном языковом сознании, а потому их исследование становится чрезвычайно актуальным. При таком понимании термина *концепт* роль языка второстепенна, он является лишь вспомогательным средством – формой «оязыковления» сгустка культуры, концепта.

По мнению С.Г. Воркачёва, концепт – вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализаций, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму, единица коллективного знания, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой. Лингвистической характеристикой концепта как мыслительной единицы является его закреплённость за определённым способом языковой реализации [Воркачёв 2005: 10].

Схожая мысль высказывается Н.Д. Арутюновой, считающей концепт понятием практической философии, которое складывается из взаимодействия таких факторов, как фольклор, традиция, национальная традиция, идеология, фрагменты искусства, переживаний и системы ценностей. «Мировоззренческие понятия (концепты) личностны и социальны, национально специфичны и общечеловечны». Они образуют своего рода культурный слой, который является посредником между человеком и миром [Арутюнова 1993: 3].

В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин считают лингвокультурный концепт условной ментальной единицей, направленной на комплексное изучение языка и / или речи (сфер, в которых концепт опредмечивается), сознания (область пребывания концепта) и культуры (детерминирует концепт) [Карасик, Слышкин 2001: 75-80].

Некоторые учёные, как например, А. Вежбицкая и А.Д. Шмелёв, вводят в качестве заместителя термин *ключевое слово* – слово, которое служит

своего рода ключом к пониманию важных особенностей культуры народа [Вежбицкая 2001a: 75; Шмелёв 2002: 48].

Западные исследователи также используют термин *ключевое слово*. «Il est parfois possible d'identifier un ensemble de mots très saillants comme étant des *mots clés* dotés d'une charge culturelle spéciale et porteurs de valeurs communaires» [Delbecque 2006: 173]. Развивая идеи А. Вежбицкой, учёные считают, что *ключевым словом* является такое слово, частотность которого высока не только в обычном словоупотреблении, но и в устойчивых выражениях, пословицах, песнях, названиях книг и фильмов. «Ces mots sont non seulement fréquemment utilisés dans leur domaines respectifs, ils apparaissent aussi couramment dans des expressions figées, des proverbes, des dictons, des chansons populaires, des titres de livres et de films» [Delbecque 2006: 173].

Несмотря на достаточно явные различия, лингвокогнитивный и лингвокультурный подходы к пониманию концепта, по мнению В.И. Карасика, не являются взаимоисключающими. Они различаются «векторами по отношению к индивиду: лингвокогнитивный подход – это направление от индивидуального сознания к культуре, лингвокультурный – направление от культуры к индивидуальному сознанию» [Карасик 2002: 142].

Концепт в *лингвистическом направлении* понимается как «конструкт, репрезентирующий ассоциативное поле имени, но не равный ему» [Чернейко 1997: 314]. Концепт – это парадигматическая модель имени, включающая логическую и сублогическую структуру его содержания. Эти структуры выводятся соответственно из свободной сочетаемости имени и из несвободной, то есть из синтагматических отношений имени, зафиксированных в тексте. «Содержание концепта включает в себя содержание наивного понятия, но не исчерпывается им, поскольку охватывает всё множество прагматических элементов имени, проявляющихся в его сочетаемости» [Чернейко 1997: 287-288].

С.Х. Ляпин предлагает считать концептами «идеализированные формообразования, опирающиеся на понятийный (или псевдо-, или предпонятийный) базис, закреплённый в значении какого-либо знака: слова (словосо-

четания) обыденного языка, научного термина, сложной лексико-грамматико-семантической структуры, невербального предметного (квазипредметного) образа, предметного (квазипредметного) действия» [Ляпин 1997: 18]. Таким образом, концепты лингвистически выражены, но наличие вербализованных форм не является обязательным условием их существования, так как они могут эксплицироваться и невербально, например, «предметными действиями».

Рассматривая концепт как продукт общества и как продукт отдельного индивидуума, представители *психолингвистического направления* отмечают, что в основе концепта лежит комплекс сенсорных и моторных репрезентаций, которые формируются в зависимости от степени знакомости объекта, его ценности для индивида, характера опыта действий с ним. Они извлекаются из памяти с помощью вербальных и невербальных стимулов и в разное время могут отличаться друг от друга [Лурия 1998; Выготский 1982; Залевская 2001].

К проблеме исследования концепта А.А. Залевская подходит с точки зрения нейрофизиологии и психосоциолингвистики и определяет концепт как «спонтанно функционирующее в речемыслительной деятельности индивида базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера» [Залевская 2001: 39]. Она выделяет два типа концептов, в сумме составляющих конструкт как объект научного исследования и продукт его описания: *концепт как достояние личности*, продукт познания и общения, как результат психических процессов, и *концепт как продукт взаимодействия*, который функционирует в сверхбольшой системе. При таком подходе происходит расчленение единого – того, что происходит «в голове индивида» и внешнего проявления этого процесса. А.А. Залевская подвергает критике саму возможность изучения концепта, так как «концепт – это то, что функционирует в голове индивида... Конструкт – продукт научного, в том числе лингвистического исследования» [Залевская 2001: 39]. Таким образом,

высказывается предположение о том, что происходящее в голове индивида не может быть объектом лингвистического исследования.

Современные французские когнитологи придерживаются мнения о вербальности мышления и исследуют, в основном, языковые средства выражения ментальных представлений. Однако терминологический аппарат французских представителей когнитивной лингвистики отличается от русскоязычного как по составу, так и по изучаемым понятиям.

Для обозначения ментальных представлений о мире во французских когнитивных исследованиях иногда используется термин *concept*, под которым понимается вербализованное обобщённое представление об объектах окружающего мира: «on donne le nom de concept à toute représentation symbolique, de nature verbale» [Otman 1996: 187], «concept – l'idée que nous avons de quelque chose, de sa façon d'être dans le monde» [Delbecque 2006: 34].

Во многих французских исследованиях для обозначения ментальных представлений вместо термина *concept* чаще используется термин *catégorie mentale* (ментальная категория), под которым понимается совокупность конкретных или абстрактных образов объектов окружающего мира, объединённых на основе общих признаков [Демьянков 1994: 37]. По мнению французского когнитолога Ж. Клебера, подобные ментальные категории выражены в языке отдельными словами: «un même mot peut regrouper plusieurs sens différents, c'est-à-dire peut renvoyer à plusieurs types de référents ou de ... catégories» [Kleiber 1993: 112].

Подводя итог сказанному выше, следует отметить, что различные трактовки термина *концепт*, обусловленные различными методами и различным аппаратом исследований этого явления, дополняют друг друга и подчёркивают комплексный характер данной ментальной сущности. В них отражается понимание двусоставной природы концепта: как значения языкового знака (лингвокультурологическое и лингвистическое направления) и как содержательной стороны знака, представленной в ментальности (лингвокогнитивное и психолингвистическое направления).

В данном диссертационном исследовании осуществляется попытка интегрировать достижения лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. Подобный подход используется во многих работах [Железнова 2009; Здановская 2010; Кондратьева 2004; Красавский 2001; Крияк 2009; Мензаирова 2010; Подлесова 2009; Соловьёва 2009; Ширшиков 2005; Юровицкая 2005], поскольку соответствует закономерностям антропоцентрической парадигмы, детерминирован её экспансионизмом, тенденцией к объединению усилий смежных дисциплин в достижении единой цели, и представляется весьма продуктивным [Пименова 2011: 30].

В соответствии с особенностями лингвокультурологического и лингвокогнитивного рассмотрения концепта в данном исследовании под термином *концепт* мы принимаем следующее определение: *концепт* – базовая единица культуры, междисциплинарное, многоаспектное образование, соединяющее в себе элементы сознания, действительности и языкового знака.

Стремление дать комплексное описание концепта, выявить его специфику, определяет стремление установить его взаимоотношения с терминами *понятие* и *значение*. Задача разведения названных терминов осложняется тем, что данные термины получили в научной литературе широкий диапазон трактовок.

1.2.2. Терминологический статус концепта

1.2.2.1. Концепт и понятие

Концепт и понятие до сих пор не имеют однозначных трактовок в лингвистике. Наличие проблемы их дифференциации объясняется тем, что «при анализе концепта мы имеем дело с сущностями плана содержания, не данными исследователю в непосредственном восприятии, судить об их свойствах и природе возможно лишь на основе косвенных признаков» [Худяков 1996: 37]. И хотя данная проблема не получила общепринятого решения, можно сказать, что большинство лингвистов не отождествляют концепт и понятие, определяя их как сущности разного порядка. Не вызывает споров

лишь то положение, что концепт принадлежит сознанию и включает, в отличие от понятия, не только описательно-классификационные, но и чувственно-волевые и образно-эмпирические характеристики. Концепт, в отличие от понятия, «окружён эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом» [Маслова 1997: 56].

В решении этой проблемы сколько исследователей – почти столько же и точек зрения. В книге «Концепты. Тонкая пленка цивилизации» Ю.С. Степанов сравнивает концепт с понятием в логике, психологии и философии. «Концепт можно определить как понятие, но понятие, расширенное в результате всей современной научной ситуации. Понятие без такого расширения – это предмет науки логики, описание наиболее общих и существенных признаков предмета. Концепт же – предмет иной науки – культурологии и описание типичной ситуации культуры» [Степанов 2007: 19]. Подчёркивая различие между понятием и концептом, Ю.С. Степанов утверждает: «Понятие “определяется”, концепт же “переживается”» [Степанов 2007: 20].

Сходную мысль высказывает и Н.Ф. Алефиренко: «понятие – прежде всего набор необходимых и достаточных существенных признаков, отвечающих требованиям истинности и лишённых какого бы то ни было эмоционально-оценочного содержания за счёт его высокого абстрагирования от нашего предметно-чувственного опыта» [Алефиренко 2010: 152].

Таким образом, термин *концепт* обладает более объёмным содержанием по сравнению с понятием. Одним из первых ученых, заметивших, что концепт нечто большее, чем понятие, был С.А. Аскольдов. Он обратил внимание на то, что концепт замещает нам в процессе мысли неопределённое множество предметов одного и того же рода [Аскольдов 1997: 269]. Концепт включает в себя само понятие, являющееся, в свою очередь, его обязательным ядерным компонентом [Красавский 2001: 43]. Архитектоника концепта как структурно-смыслового образования сложнее архитектоники понятия. По мнению С.Х. Ляпина, «в глубине концепта мерцает понятие» [Ляпин 1997: 16]. Если при различении понятия и концепта за основу брать определение

«концептуализации» как процесса формирования индивидуального восприятия и понимания предмета или явления, то можно сказать, что понятию может быть дано определение, а концепту приписана интерпретация [Костюнина 2002: 91].

Если, в трактовке Ю.С. Степанова, понятие – совокупность познанных существенных признаков объекта, то концепт – это ментальное национально-специфическое образование, планом содержания которого является вся сумма знаний о данном объекте, а планом выражения – совокупность языковых средств (лексических, фразеологических, паремиологических). Концепт – это не любые понятия, а лишь наиболее сложные, важные из них, без которых трудно себе представить данную культуру. Есть и другие отличия: понятие включает существенные и необходимые признаки; концепт же – и несущественные признаки [Степанов 1993: 16-20].

А.П. Бабушкин считает термины *концепт* и *понятие* тождественными и заявляет о вытеснении из научного обихода термина *понятие* [Бабушкин 1996: 12].

Н.Н. Болдырев, напротив, разводит их, считая, что концепт предполагает содержание понятия, а также понятийную часть значения, смысл слова. Рассматривая соотношение понятия и концепта, учёный к выводу, что «понятие – это рациональный, логически осмысленный концепт. Оно возникает на основе выделения и осмысления существенных характеристик предметов и явлений, в результате постепенного отвлечения от их второстепенных, индивидуальных признаков, т.е. в результате теоретического познания» [Болдырев 2001: 24].

Мы будем придерживаться точки зрения В.А. Масловой, согласно которой концепт включает понятие, но не исчерпывается только им, а охватывает всё содержание слова – и денотативное, и коннотативное, отражающее представления носителей данной культуры о явлении, стоящем за словом во всем многообразии его ассоциативных связей. Концепт относится к повседневной реалии в отличие от понятия (логической структуры) как совокупно-

сти существенных признаков означаемого. Понятие для определения открыто, концепт определяется с трудом.

Однако перед лингвистами стоит не только проблема разграничения концепта и понятия, но и проблема выявления соотношения концепта и значения языковой единицы, концептуальной и лексико-семантической информации.

1.2.2.2. Концепт и значение

Впервые вопрос о соотношении концепта и значения был поднят С.А. Аскольдовым [Аскольдов 1997: 271]. На современном этапе развития науки, данная проблема исследуется в работах многих лингвистов [Колесов 2006; Никитин 1988; Пименова 2003; Попова, Стернин 2002, 2007].

Как отмечает И.М. Кобозева, «термин *значение*, один из главных в семантике, печально известен своей неоднозначностью» [Кобозева 2000: 43].

Одно из самых существенных различий значения и концепта связано с их внутренним объёмом, содержанием. «Концепт значительно шире, чем лексическое значение» – такова точка зрения, высказанная С.А. Аскольдовым [Аскольдов 1997: 270, 275].

Д.С. Лихачёв предлагает считать концепт «алгебраическим» выражением значения, «ибо охватить значение во всей его сложности человек просто не успевает, иногда не может, а иногда по-своему интерпретирует его...» [Лихачёв 1993: 4]. Каким из словарных значений слова репрезентируется концепт, выясняется обычно из контекста, а иногда даже из общей ситуации общения. Возникает концепт не непосредственно из значения слова, а является «результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» [Лихачёв 1993: 4]. Слово, таким образом, «служит этикеткой для концепта» [Cadiot 2002: 54]. В этом смысле, объём концепта прямо пропорционален культурному опыту человека. Концепт тем богаче, чем богаче национальный, сословный, классовый, профессиональный, семейный и личный опыт человека, пользующегося концептом.

Таким образом, очевидно, что в трактовке Д.С. Лихачева концепт также получает лингвокультурологическое наполнение, поскольку из приведённых выше определений следует, что исследуемое понятие включает в себя помимо денотативной отнесённости коммуникативно значимую информацию, связанную с тем или иным объектом.

Соотношение концепта и значения определяется также их категориальным статусом. «Концепт – единица концептосферы, информационной базы человека, значение – единица семантического пространства языка. Значение своими системными семами передаёт определённые признаки, образующие концепт, но это всегда лишь часть информационного содержания концепта. Для полной экспликации концепта нужны многочисленные лексические единицы, а значит – многие значения» [Попова, Стернин 2007а: 19].

Сходная точка зрения на соотношение концепта и значения высказывается А.А. Худяковым: «...соотношение концепта и значения определяется их онтологическим статусом. Концепт – явление мыслительное. Значение – феномен языковой. Формируясь на основе соответствующих концептов, имеющих универсальную природу, языковое значение конституирует десигнатную часть словесных знаков, носящих идиоэтнический характер и обусловленных типологическими особенностями конкретных языков» [Худяков 1996: 102-103]. Таким образом, А.А. Худяков противопоставляет концепт и значение как мыслительное и языковое, как универсальное (наднациональное) и национально-специфическое.

Концепты – это посредники между словами и экстралингвистической действительностью, поэтому значение слова не может быть сведено исключительно к образующим его концептам. Значением слова становится концепт, «схваченный знаком». «В этом смысле трудно согласиться с мнением А. Вежбицкой, что значения в определённом отношении независимы от языка. Независимы от языка именно концепты, идеи, и не случайно, что только часть их находит свою языковую объективацию» [Кубрякова 1997: 92].

Оба явления – значение и концепт – когнитивной природы, оба представляют собой результат отражения и познания действительности сознанием человека, но концепт – это результат логического осмысления, эмоционального переживания, оценивания человеком явлений окружающего его мира. Содержание концепта включает сведения о том, что человек знает, думает, предполагает, воображает об объектах мира. Концепт соотносится со значением как целое с фрагментарным, как общее с частным. Это две стороны одной и той же ментальной сущности.

В.А. Маслова считает, что значение и концепт – это разные термины, которые не находятся во взаимодозначном соответствии. Концепт является собой относительно стабильный и устойчивый когнитивный слепок с объекта действительности, так как он связан с миром более непосредственно, чем значение. Слово же своим значением всегда представляет лишь часть концепта. Однако получить доступ к концепту лучше всего через средства языка, через слово, предложение, дискурс [Маслова 2007: 37].

Таким образом, отметим, что концепт и значение – это явления мыслительной, когнитивной природы, представляющие собой результат отражения действительности сознанием. Однако значение – элемент языкового сознания, концепт – когнитивного сознания, соответственно, значение есть единица семантического пространства языка, а концепт – концептосферы. Содержание концепта намного шире и глубже лексического значения слова, так как включает не только актуальные для сознания смысловые компоненты, но и информацию, отражающую общую информационную базу человека, его энциклопедические знания о предмете или явлении, которые могут и не обнаруживаться в его речи. Значение – квант семантического пространства – прикреплено к языковому знаку. Концепт как элемент концептосферы с конкретным языковым знаком не связан. В концептах аккумулируется культурный уровень каждой языковой личности, а сам концепт реализуется не только в слове, но и в словосочетании, высказывании, тексте, дискурсе.

Помимо встречающихся в научной литературе различных интерпретаций термина *концепт*, исследователь сталкивается и с существующими разнообразными подходами к типологии концепта.

1.2.3. Типология концептов

Неоднородность действительности, реалий, знаний, отражаемых концептами, влечёт за собой неоднотипность выражающих их концептов. Разработка типологии концептов находится в центре внимания исследователей, при этом в качестве основания для классификации предлагаются самые разнообразные параметры.

Для лингвокогнитивного анализа важной оказывается типология концептов по характеру их «наблюдаемости» для человека. Так, по характеру выражения в языке концепты могут быть *вербализованными* (концепты, для которых в системе есть регулярные языковые средства выражения) и *невербализованными* (скрытые) (невербализуемые или вербализуемые искусственно только в условиях принудительно поставленной задачи (например, в условиях эксперимента)). З.Д. Попова и И.А. Стернин используют в этом смысле термины *устойчивые* (регулярно вербализуемые в стандартной языковой форме) и *неустойчивые* (нерегулярно или совсем не вербализуемые, нестабильные, ещё формирующиеся, глубоко личностные). Наличие языкового выражения для концепта и его регулярная вербализация поддерживают концепт в стабильном, устойчивом состоянии, делают его общеизвестным [Попова 2002: 28].

В работе «Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях» З.Д. Попова и И.А. Стернин рассматривают концепты по характеру концептуализируемой информации: *представление, схема, понятие, фрейм, сценарий, геишталт* [Попова, Стернин 1999: 120].

Представление – это обобщённый чувственно-наглядный образ предмета или явления. Концепты-представления объективируются в языке преимущественно лексическими единицами конкретной семантики. Словарные

дефиниции таких единиц практически целиком состоят из перечисления чувственно воспринимаемых признаков предмета номинации (например, «клён», «ласточка»).

Схема – концепт, представленный некоторой обобщённой пространственно-графической или контурной схемой; это гипероним с ослабленным образом (например, «дерево»). Схемы можно нарисовать, что говорит о реальности существования данной формы структуризации знаний. Схема – промежуточный тип концепта между представлением и понятием, определённый этап развития абстракции.

Понятие – концепт, который состоит из наиболее общих, существенных признаков предмета или явления, результат их рационального отражения и осмысления (например, «квадрат»). Понятие возникает на базе представления или схемы путём поэтапного отвлечения от второстепенных, случайных, индивидуальных чувственно воспринимаемых признаков обобщаемого предмета или явления действительности (например, «фрукт», «овощ», «птица»), либо путём соединения в понятийном образе мыслительных компонентов других концептов.

Фрейм – мыслимый в целостности его составных частей многокомпонентный концепт, объёмное представление, некоторая совокупность стандартных знаний о предмете или явлении (например, «магазин», «стадион»).

Сценарий (скрипт) – последовательность нескольких стереотипных эпизодов с признаком движения, развития (например, «посещение кино»).

Гештальт – комплексная, целостная функциональная мыслительная структура, упорядочивающая многообразие отдельных явлений в сознании (например, «школа», «любовь», «игра», «быт»). Гештальт представляет собой целостный образ, совмещающий чувственные и рациональные элементы, а также объединяющий динамические и статические аспекты отображаемого объекта или явления. Гештальты образуют семантическое содержание абстрактной лексики [Попова, Стернин 1999: 120].

Выделяя структурные виды концептов, И.А. Стернин говорит о существовании трёх типов моделей:

– *одноуровневый концепт* – включает только чувственное ядро, фактически – один базовый слой (концепты «жёлтый», «ложка», «тарелка»);

– *многоуровневый концепт* – включает несколько когнитивных слоёв, различающихся по уровню абстракции, отражаемому ими и последовательно наслаивающихся на базовый слой (например, концепт «грамотный»);

– *сегментный концепт* – представляет базовый чувственный слой, окружённый несколькими сегментами, равноправными по степени абстракции (например, концепт «толерантность») [Стернин 2001: 27].

Эта идея развивается в существовании *микрконцептов, базовых концептов, макрконцептов и суперконцептов* [Убийко 1999: 15-31]. Такая типология концепта проявляется в процессе анализа языкового материала в рамках концептосферы. *Микрконцепты* ориентируются на лексическое значение отдельного слова и поэтому имеют небольшой смысловой объём, выполняя при этом функцию идентификации [Кильдибекова, Гафарова 2003: 37]. *Концепты базового уровня* в иерархии от общего к конкретному занимают промежуточное положение. *Макрконцепты* (которые часто характеризуют как *суперконцепты*) служат для выявления и систематизации больших по объёму иерархически организованных разрядов лексики. *Макрконцепты* «обладают наиболее протяжёнными семантическими связями в рамках образуемой ими концептосферы» [Убийко 1999: 15-31]. *Суперконцепт* «выражает наиболее абстрактное глобальное значение», в котором «представлена вся совокупность знаний об объектах и ситуациях во всем многообразии связей и отношений» [Кильдибекова, Гафарова 1998: 85]. Таким образом, можно сделать вывод о существовании концептов внутри более объёмных ментальных структур, т.е. концептуальных полей – когнитивных аналогов функционально-семантических полей.

В рамках лингвокультурологии с точки зрения типологических параметров Ю.С. Степанов выделяет два типа концептов – *рамочные понятия* и

понятия с плотным ядром. Рамка – «основное содержание концепта, в силу которого концепт и является культурно и социально значимым» [Степанов 2001: 81]. Содержание *рамочных понятий* подобно устоявшейся схеме, матрице может применяться к другим общественным явлениям. *Понятия с плотным ядром* отличаются «целостностью во всём составе признаков», например, концепты «вера», «любовь» [Степанов 2001: 78]. Учёный отмечает возможность использования одного из компонентов *понятия* в качестве *рамки*, хотя признает искусственность и алогичность подобных попыток.

Также Ю.С. Степанов говорит о существовании *констант* – «неких постоянных принципов культуры», которые присутствуют в культурном пространстве социума в течение достаточно длительного времени и определяют его экзистенциальные ценности. Константы подразделяются на *априорные* (доопытные) и *апостериорные* (опытные, эмпирические), обнаруживая в основе разделения критерий способа когнитивного формирования [Степанов 2001: 82]. Оба типа констант учёный полагает возможным считать *абсолютными*, так как в целом они характеризуются постоянством содержания и значимостью для ментальности общества.

Г.Г. Слышкин разрабатывает ассоциативную модель лингвокультурного концепта, основанную на «принципе неслучайности именованя в культуре». Данный принцип, по предположению лингвиста, является ключевым для развития лингвокультурной концептологии. По мнению автора, концепт представляется системным образованием и, как всякая система, имеет *вход (input)* и *выход (output)*. Вход системы определяется как точки приложения воздействия среды (взаимодействующих систем), выход системы – точки, из которых исходят реакции системы, передаваемые среде (взаимодействующим системам). Средой, в которой существует концепт, является национальная концептосфера, взаимодействующими системами – другие концепты. Взаимовлияние систем и среды происходит путём ассоциативного обмена языковыми единицами, в которых опредмечиваются концепты.

Ассоциативная структура лингвокультурного концепта включает «интразону» – совокупность ассоциативных входов в концепт, и «экстразону» – совокупность ассоциативных выходов из концепта. В «экстразону» рассматриваемого концепта входят ассоциации, опредмеченные во вторичных значениях лексем, фразеологических и паремиологических единицах, содержащих данную лексему.

Типология концептов может быть построена и по принципу их востребованности. По этому признаку М.В. Пименова подразделяет концепты на *ведущие* (ключевые) и *второстепенные*. *Ведущие концепты* широко представлены в паремиологическом фонде, фольклоре, художественной литературе (например, концепты «душа», «мир», «солнце»). *Второстепенные концепты* находятся на периферии, они вторичны, их репрезентанты менее частотны (например, концепты «чиновник», «консультант», «демонстрация») [Пименова 2010: 145].

С точки зрения динамики развития Г.Г. Слышкин предлагает следующую классификацию концептов:

- *пропорциональные концепты*, т.е. концепты, у которых активно функционируют как интразона, так и экстразона;
- *формирующиеся концепты*, т.е. концепты, обладающие развитой интразоной, экстразона которых еще не сформирована;
- *сформировавшиеся концепты*, т.е. концепты, у которых завершилось формирование интразоны, но продолжает функционировать экстразона;
- *предельные концепты*, т.е. концепты, интразона которых постоянно расширяется, а экстразона отсутствует по причине высокой степени абстрактности концептуализируемых понятий;
- *рудиментные концепты*, т.е. концепты, почти или полностью утраченные интразону и сохранившиеся лишь в составе отдельных единиц своей экстразоны [Слышкин 2004: 21].

В.И. Карасик говорит о том, что содержательно все концепты можно противопоставить как *параметрические* и *непараметрические ментальные*

образования. К первым относятся те концепты, которые выступают в качестве классифицирующих категорий для сопоставления реальных характеристик объектов (например, концепты «пространство», «время», «количество», «качество»). Ко вторым относятся концепты, имеющие предметное содержание (например, концепты «стул», «дом») [Карасик 2005: 30].

По соотношению с этическими и эстетическими категориями непараметрические концепты можно разбить на *регулятивные* и *нерегулятивные*. К первым относятся те ментальные образования, в содержании которых главное место занимает ценностный компонент («счастье», «долг», «щедрость»), ко вторым - синкретичные ментальные образования разного характера («путешествие», «подарок», «здоровье»). В составе *регулятивных концептов* выделяются *телеономные концепты* - «вербализованные смыслы, отправляющие к универсалиям духовной культуры и создающие для человека смысл жизни» [Воркачѳв 2007: 10], такие, как «счастье» и «любовь», и более частные *регулятивные концепты* - «гордость», «милосердие», «пунктуальность», «пошлость» и др. Концепты-регулятивы представлены в прецедентных текстах. Именно *регулятивные концепты* представляют наибольший интерес для выявления особенностей ментальности определённого народа или той или иной группы в его составе [Карасик 2005: 31]. В *телеономных концептах* ценностная составляющая доминирует, в *регулятивных* она значима, в *нерегулятивных* является фоновой, осложняясь дополнительными признаками.

В психологии концепты различаются по уровню абстрактности содержания. *Абстрактные концепты* (например, концепты «воля», «судьба», «быт», «управление») сложны для описания и классификации. *Конкретные концепты* (концепты «стул», «ручка», «кислый», «гладкий») легко опознаются и относительно легко различаются и классифицируются, так как сохраняют чувственный, эмпирический характер. Содержание таких концептов раскрывается преимущественно остенсивно – через демонстрацию предмета или явления (кислый – это лимон, попробуй; яма – это вот то, что сейчас перед нами) [Болдырев 2007: 17].

Детально разработана типология концептов А.П. Бабушкиным, которым предложена также и методика обнаружения концептов. Утверждая, что идеальная сущность концепта «улавливается» словом и дублируется в его определении, ученый предлагает различать концепты, стоящие за конкретными языковыми единицами, по характеру сем, эксплицируемых в словарном определении. Он выделяет следующие типы концептов: *мыслительные картинки* (предметные реалии или мифемы, например, «ромашка»); *концепты-схемы* (слова с «пространственным» значением, например, концепт «дорога»); *концепты-гиперонимы* отражают гипо-гиперонимические связи в лексике («обувь»: «туфли», «ботинки», «сандалии»); *концепты-фреймы* соотносятся с некоторой ситуацией или образом ситуации (концепты «базар», «больница», «музей»); *концепты-инсайты* содержат информацию о структуре, функции предмета (*зонтик, барабан, ножницы*); *концепты-сценарии* реализуют в себе идею развития (*драка, лекция*); *калейдоскопические концепты* развёртываются в виде той или иной структуры, упоминавшейся выше и «представляют концепты абстрактных имён социальной направленности» (*долг, порядочность, совесть*). Такая классификация как бы разграничивает концепты, соответствующие разным словам.

Между концептами разных типов не существует резко очерченных границ. Они обладают относительной подвижностью, способны «стираться» со временем и формироваться заново. Важно заметить, что концепты абстрактных имён не имеют стабильного характера. Они более подвижны, индивидуальны, обладают модально-оценочным признаком и определяются морально-нравственными критериями, а также традициями языкового сообщества [Бабушкин 2001: 54-57].

Таким образом, концепты различных типов являются достоянием человеческого сознания и находятся в нем в «свёрнутом» виде. В процессе коммуникации они активизируются и получают свое развитие в соответствии со своим типом. Вероятно, подобная их вербализация будет характеризоваться индивидуальными особенностями в рамках общепринятого стереотипа.

Исходя из теоретических положений, изложенных выше, концепт *глупость* можно определить как многоуровневый, устойчивый, обладающий социальной обусловленностью макроконцепт, который репрезентирует «концептуальную универсалию» (термин А. Вежбицкой) в картине мира человечества. Концепт *глупость*, являясь одним из общечеловеческих концептов, присутствует во всех известных языковых культурах и является актуальным, коммуникативно релевантным и регулярно вербализующимся.

В рамках концептосферы отдельно взятой лингвокультуры концепт *глупость* может быть определён как «автостереотип» [Кармин 2005: 70], то есть, будучи важной составляющей национального самосознания, он отражает представления членов этих лингвосоциумов о нормативной форме существования индивидуумов в обществе. Данные представления актуализируются в национально-специфических характеристиках концепта, обусловленных историческими, этническими, экономическими и другими факторами развития социума.

С точки зрения типологических параметров, концепт *глупость* в терминологических обозначениях Ю.С. Степанова может быть рассмотрен как «понятие с плотным ядром», поскольку отличается «целостностью во всем составе признаков». Также рассматриваемый концепт может быть определён как «абсолютная апостериорная константа», так как его содержание отличается постоянностью значимости для мировосприятия общества.

Используя ассоциативную модель Г.Г. Слышкина, представляется возможным детерминировать концепт *глупость* как формирующийся концепт, поскольку исследуемый концепт продолжает получать новые обозначения, продолжает служить источником вторичной номинации. Применительно к классификации А.П. Бабушкина концепт *глупость* представляет собой калейдоскопический концепт, в силу обширного круга ассоциаций, возникающих при его лексикализации. Относительно регулярности вербализации концепт является устойчивым, поскольку общеупотребительность языковых единиц, экспонирующих его, очень высока.

Принципиально важным для определения универсальных типологических характеристик концепта *глупость* в русской и французской ЯКМ, на наш взгляд, также является вопрос о структуре концепта, поскольку данные о структурных характеристиках концепта играют важную роль в процессе исследования, так как определяют процедуру анализа.

1.2.4. Структура концепта

Несмотря на то, что термин *концепт* достаточно давно и успешно используется в лингвистике, проблема его исследовательских возможностей, а в связи с этим и его структурных характеристик остаётся актуальной. Учёные единогласно отмечают, что концепты структурированы, но их структурную организацию некоторые авторы называют парадоксальной и условно определяют как относительную структурированность. Под парадоксальностью структурной организации имеется в виду диффузность, недискретность категориальных ментальных репрезентаций. Внутренняя неоднородность проявляется во множественности способов номинации концепта, отражающей «не столько неединичность точек зрения на него, сколько множественность его сторон, которые, собственно, и открываются с этих точек зрения» [Берестнев 1997: 48].

Неоднозначная трактовка внутренней организации концепта вполне оправдана. Поскольку концепт – это сложная и уже по своей природе многослойная и многогранная ментальная категория [Степанов 2001; Ляпин 1997], то и его структура не может быть жёстко детерминированной. Прежде всего, важно заметить, что диффузность концепта и его слабая структурированность являются бытийной (онтологической) необходимостью, поскольку человеческое сознание находится в постоянном развитии, отражая явления всё время меняющегося окружающего мира. Следовательно, «форма нашего знания должна быть легко приспособляемой к этим изменениям, а единица хранения и передачи знания должна быть достаточно гибкой и подвижной» [Болдырев 2001: 30].

Трудность определения структуры концепта также связана с тем, что она отражает знания разной степени абстракции. Признавая всю сложность структуры концепта, большинство исследователей утверждают, что ей свойственна иерархичность и прототипичность [Попова, Стернин 2007; Рахилина 2008; Чернейко 1997].

Поскольку для современной лингвистической науки характерно представление о концептах как о квантах именно структурированного знания, представляется возможным выявить у концепта разные признаки, вычленив образующие его слои, выделить несколько качественно отличных составляющих. С.Г. Воркачѳв подчѳркивает, что разногласия в данном направлении концептуального анализа касаются «количества и характера семантических компонентов» концепта [Воркачѳв 2003: 10], а также их терминологического обозначения.

К настоящему времени существует несколько подходов к выявлению структуры концепта.

Н.Н. Болдырев, признавая за концептом, как «квантом структурированного знания», способность иметь «определѳнную, хотя и нежѳсткую структуру», выделяет в этой структуре *ядро*, состоящее из конкретно-образных характеристик денотата, и *менее конкретизированную часть*, сформированную абстрактными признаками. Последние «отражают специальные знания об объектах, полученные в результате теоретического, научного познания». При этом признаки, входящие в структуру концепта, не располагаются в строгой последовательности, и их взаиморасположение носит индивидуальный характер, так как это зависит от условий формирования концепта у каждого отдельного человека. Структура концепта подобна снежному кому: «объѳм концепта увеличивается за счѳт новых концептуальных характеристик, обволакивается новыми слоями» [Болдырев 2001: 30].

Данную мысль не раз высказывали в своих работах З. Д. Попова и И.А. Стернин, которые сравнивали концепт с «облаком», обладающим расплывчатыми границами, или неким «плодом», имеющим косточку и окружающую

её мякоть. Они подчёркивают изменчивость концепта, поскольку он постоянно «функционирует, актуализируется в разных своих составных частях и аспектах, соединяется с другими концептами и отталкивается от них» [Попова, Стернин 1999: 60-61].

По определению Ю.С. Степанова, концепт имеет «слоистое» строение, его слои являются результатом, «осадком» культурной жизни разных эпох, следовательно, они различны по времени образования, по происхождению и по семантике. Ю.С. Степанов выделяет в концепте три основных слоя: *основной, актуальный признак*, известный каждому носителю культуры и значимый для него; *пассивный слой*, актуальный для отдельных групп носителей языка и содержащий один или несколько дополнительных признаков; *внутреннюю форму*, т.е. этимологический признак, важный лишь для исследователей [Степанов 2001: 43]. Ю.С. Степанов также подчёркивает, что «концепты существуют по-разному в разных своих слоях, и в этих слоях они по-разному реальны для людей данной культуры» [Степанов 2001: 52]. Данное утверждение означает, что один и тот же концепт может быть по-разному интерпретирован разными людьми, принадлежащими к разным социальным группам одной лингвокультуры, таким образом акцент делается на социальную сущность концептов. Идея о различном существовании концептов является очень важной, так как значительно расширяет функциональные и исследовательские границы концепта.

С.Г. Воркачëв, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, признавая наличие у концепта трёхслойной структуры, конкретизируют точку зрения Ю.С. Степанова и предлагают выделять в структуре концепта *ценностную* (значимостную, деятельностьную), *понятийную* и *образную* составляющие [Воркачëв 2004: 45; Карасик 2009: 26; Слышкин 2000: 12-13].

Образная составляющая совместно с её когнитивными признаками, по мнению С.Г. Воркачëва, образует *базовый слой концепта*. *Понятийная составляющая* представляет собой совокупность существенных признаков

объекта или ситуации и итог их познания, но не сводится просто к информации о существенных признаках [Воркачѳв 2004: 45].

В.И. Карасик предлагает рассматривать выделяемые Ю.С. Степановым слои концепта как отдельные концепты различного объѳма, а не как компоненты единого концепта. *Активный слой* («основной актуальный признак, известный каждому носителю культуры и значимый для него») входит в общенациональный концепт, *пассивные слои* («дополнительные признаки, актуальные для отдельных групп носителей культуры») принадлежат концептосферам отдельных субкультур; *внутренняя форма* концепта («не осознаваемая в повседневной жизни, известная лишь специалистам, но определяющая внешнюю, знаковую форму выражения концептов») для большинства носителей культуры является не частью концепта, а одним из детерминирующих его культурных элементов [Карасик 1996: 3].

С лингвокультурологической точки зрения *ценностная составляющая* является доминирующей, поскольку она более всего культурно обусловлена.

Согласно Г.Г. Слышкину, в структуре концепта выделяются четыре зоны: основные – *интразона* (признаки концепта, отражающие собственные признаки денотата), *экстразона* (признаки концепта, извлекаемые из паремий и переносных значений) и дополнительные – *квазизона* и *квазиэкстразона*, связанные с формальными ассоциациями, возникающими в результате созвучия имени концепта с другим словом [Слышкин 2004: 17-18].

Комплексная природа концепта отмечается во многих других исследованиях. Так, С.Х. Ляпин относит концепт к первичному культурному социопсихическому образованию в коллективном сознании, опредмеченному в той или иной языковой форме. Концепт рассматривается как совокупность его *внешней*, категориальной отнесенности и *внутренней*, смысловой структуры, имеющей строгую логическую организацию. «Внешняя» и «внутренняя» стороны выходят на его центральный, *базисный элемент*. Для внутренней структуры он служит основой прототипического значения всех словоупотреблений данного слова, для внешней – моделью категоризации всех его

значений. Структура концепта может быть *цепочечной, радиальной и смешанной* [Ляпин 1997: 11-35].

Е.В. Лукашевич, моделируя внутреннюю структуру концепта, выделяет в его составе следующие составляющие: *тело знака* (звуковая оболочка слова); *понятие* (совокупность наиболее существенных признаков предмета); *представление* (наглядно-чувственные картины действительности, которые зависят от индивидуальных особенностей человека); *эмоции и оценка*; *индивидуальные ассоциации* (субъективный опыт индивида, не поддающийся интерпретации с помощью лексикографических средств) [Лукашевич 2004: 45].

По мнению Н.Ф. Алефиренко, структура концепта (его структурные слои) может быть соотнесена с различными по своему характеру семантическими компонентами слова: *суперкатегориальный*, наиболее абстрактный *слой* концепта, соотносится с классемой; *категориальный* (или групповой) *слой* концепта соотносится с архисемой; *понятийный слой* – с субкатегориальными (первичными денотативными) семами; этнокультурный *слой*, отражающий специфическое видение мира членами одного этноязыкового сообщества, – с семами вторично-денотативного характера; наконец, образно-ассоциативный *слой* концепта соотносится с широким спектром первичных и вторичных коннотативных сем. Н.Ф. Алефиренко справедливо, на наш взгляд, подчёркивает: «Наличие образно-ассоциативного слоя – один из важнейших признаков концепта, по которому он отличается от понятия и благодаря которому он обладает необходимой коммуникативно-смысловой вариативностью» [Алефиренко 2003: 28]. Согласно Н.Ф. Алефиренко, концепт лишён чёткой структуры и внутренней организации компонентов, так как «смысловые признаки находятся в нежёстко детерминированных отношениях; они способны видоизменяться, угасать или актуализироваться в зависимости от социокультурного опыта личности» [Алефиренко 2005: 184].

А. Вежбицкая считает, что любой концепт, реализованный в языковой единице, представляет собой конфигурацию семантически неразложимых и универсальных элементарных смыслов [Вежбицкая 2001a: 8]. При сравни-

тельном рассмотрении многих языков некоторые наборы элементарных смыслов могут совпадать и являться идентичными. С точки зрения А. Вежбицкой, подобные наборы представляют универсальную совокупность фундаментальных человеческих концептов, которые являются врождёнными.

Данный подход дополняет, как представляется, концепция З.Д. Попова и И.А. Стернина, которые предлагают полевую модель концепта по аналогии с полевой организацией значения слова (развивая идеи Е.В. Рахилиной, Э. Рош, Л.О. Чернейко). Исходя из того, что значение слова имеет полевую структуру (архисема в ядре, дифференциальные семы на ближней периферии, скрытые семы на дальней периферии), предполагается, что и концепт имеет многослойную организацию, которая может быть выявлена через анализ языковых средств её репрезентации [Попова, Стернин 2007а: 18]. *Ядром*, базовым слоем концепта является чувственный образ – единица универсального предметного кода, кодирующего данный концепт для мыслительных операций, а также некоторые дополнительные концептуальные признаки. Базовый слой окружён конкретно-чувственным по своему происхождению когнитивным слоем, отражающим чувственно-воспринимаемые свойства, признаки предмета. Этот слой вместе с базовым относится к бытийному слою сознания [Попова, Стернин 2001: 58].

Кроме ядра, в концепте выделяется периферия – объёмная *интерпретационная часть* – совокупность слабо структурированных предикаций, отражающая интерпретацию отдельных концептуальных признаков и их сочетаний в виде утверждений, установок сознания, вытекающих в данной культуре из содержания концепта. Противоречивость установок, принадлежащих интерпретационному полю, объясняется их принадлежностью к разным когнитивным признакам. Интерпретационное поле концепта выявляется из анализа разнообразных определений, толкований, отраженных в поговорках, афоризмах, крылатых выражениях, притчах, публицистических, художественных и научных текстах, что позволяет обнаружить разнообразные смысловые признаки, скрытые от прямого наблюдения. «Выявленные семы отождеств-

ляются с концептуальными признаками, семемы – с концептуальными слоями. Способы категоризации интерпретируются как когнитивные признаки. Затем выстраивается структура концепта по данным лингвистики» [Попова, Стернин 2001: 98].

Таким образом, несмотря на то, что интерпретационное поле имеет довольно расплывчатую структуру, оно очень важно для понимания особенностей национального менталитета той или иной лингвокультурной общности, а его исследование и анализ выступают необходимым звеном при описании национальной концептосферы.

Мы намеренно столь подробно остановились на теории концепта, выдвинутой З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, так как организация экспериментальной части настоящего исследования, разработка приёмов анализа и моделирования концепта *глупость* базируются и вырастают из структуры концепта, предложенной этими исследователями.

Во франкофонных когнитивных исследованиях распространено понимание зафиксированного в словаре значения слова как «ядерной», общеизвестной части концептуальной категории (или прототипа). Однако общепринятое обозначение подобного понятия отсутствует. Н. Дельбек (N. Delbecque), как и Ж. Клебер (G. Kleiberg), использует термин *sens prototypique* [Delbecque 2002: 75; Kleiberg 103: 1993]. К. Фуш (C. Fuchs) предпочитает термин *signification typique* [Fuchs 1993: 161-170]. Несмотря на различия в выборе термина для обозначения ядерной части ментальной категории, французскими учёными признается существование её периферийной части. По мнению Б. Викторри (B. Victorri), ментальное представление, отражённое в языке в виде совокупности ядерных и периферийных значений слова, можно представить в виде окружности: «le sens du mot est [...] représenté par une région au centre de laquelle se trouvent les meilleurs exemplaires» [Victorri 2004: 82]. Данную точку зрения разделяет и М. Лемменс (M. Lemmens), согласно которому концепт представляет собой «un faisceau complexe de propriétés physico-culturelles structurées, qui a ses frontières mais également une structure interne

avec un centre attracteur et une périphérie» [Lemmens 2005: 17]. Подобное определение соответствует принятому в отечественной когнитивной лингвистике мнению о «полевой структуре концепта», упорядоченной по убыванию яркости отдельных компонентов [Попова, Стернин 2001: 58].

Итак, концепт обладает определённой нежёсткой структурой, которая может быть представлена разными конфигурациями (в основном трёхмерно), содержание концепта представляется в виде набора признаков, имеющих разную степень значимости.

Очевидно, что различные подходы к структурированию концепта не исключают, а скорее дополняют друг друга. Приоритетное использование того или иного типа структуры определяется целями и задачами проводимого исследования.

1.2.5. Методы исследования концепта

В настоящий момент не существует чётко разработанных окончательных методик исследования структуры и содержания концептов. К числу наиболее распространённых относятся следующие: компонентный анализ семантики ключевого слова – имени концепта, анализ синонимов и дериватов ключевого слова, анализ сочетаемости ключевого слова (как свободных, так и устойчивых словосочетаний), анализ паремий и афоризмов, объективирующих данный концепт, психолингвистический эксперимент (выявление ассоциативного поля концепта), анализ текстов в разных типах дискурса.

При анализе всей совокупности языковых средств выражения концепта, а также текстов, в которых раскрывается содержание концепта, исследователь может получить представление о содержании концепта в сознании носителей языка. Важно подчеркнуть, что данное представление никогда нельзя считать исчерпывающим, это всегда будет лишь часть этого концепта, так как никакой концепт не выражается в речи полностью. Причины этого заключаются в следующем: 1) концепт может содержать когнитивные признаки, не имеющие вербального выражения в языке; 2) концепт представляет

собой объёмную нежёстко структурированную ментальную единицу, целиком её выразить просто невозможно; 3) ни один лингвистический анализ не может выявить и зафиксировать все без исключения средства языковой и речевой репрезентации концепта в языке, что-то всегда остаётся не зафиксированным и, следовательно, неучтённым; 4) всегда есть возрастная, профессиональная, гендерная, а также индивидуальная составляющие концепта, которые далеко не во всём объёме вербализуются и их далеко не всегда удаётся обнаружить в полном объёме при описании концепта; 5) концепт величина динамичная, зависящая от состояния общества, общественной ситуации [Попова 2007б: 164].

На первом этапе применяется метод *сплошной выборки, дефиниционный анализ*. Источниками извлечения материала выступают данные словарей различного типа (толковые, синонимические, двуязычные, фразеологические). Для изучения исторического развития лексических единиц используется *этимологический анализ* и элементы *словообразовательного анализа*. Лексикографические данные представляются необходимыми, поскольку изучение лексем, являющейся основным средством вербального оформления концепта, позволяет вскрыть понятийную составляющую концепта. В определениях часто сконцентрирована важная характеристика концепта, его ядро.

Достаточно распространённым является также *метод анализа сочетаемости слов*, выражающих концепт. Сам факт употребления лексической единицы, через которую репрезентирован концепт, с другими лексическими единицами позволяет выявить его сущность. На наш взгляд, лексическая сочетаемость конкретного слова – важный показатель природы лингвокультурного концепта. Примеры употребления в речи слова, в котором выражен концепт, обнаруживают его «сочетаемость» с иными концептами в семиотическом пространстве национального языка. Этот метод активно используется лингвокультурологами и когнитивистами [Бабушкин 2001; Вильмс 1997; Заикина 2000; Кошелёв 2000; Панченко 1999; Покровская 1998; Прохвачева 2000; Рахилина 2008].

Интерпретативный анализ текстов относится к числу основных исследовательских методов изучения концептов [Карасик 2009; Куссе 2000; Пеппель 2000; Слышкин 2004]. При этом важным материалом для исследователя является и паремиологический фонд языка, и афоризмы, и анекдоты [Бабаева 1997; Вильмс 1997; Дмитриева 1997; Карасик 2002; Курганов 2002].

Пословицы относятся к уникальным объектам языка и культуры, так как в них фиксируется и сохраняется историческая, социально-значимая, житейская информация, к которой обращаются носители языка. Паремиологический фонд языка в наибольшей степени, как считает ряд исследователей, отражает особенности мировосприятия его носителей, обусловленные национальной культурой [Алефиренко 2009; Гудков 2003; Телия 1996].

Выявление культурно-национального своеобразия и ценностной составляющей концепта невозможно без анализа афоризмов, репрезентирующих данный концепт, поскольку наряду с пословицей афоризм обладает способностью отражать ценности народа, его историю, картину мира носителей языка, и, соответственно, национально-культурную специфику той или иной лингвокультуры.

Выбор анекдота в качестве материала исследования обусловлен многогранностью анекдотического текста, как источника культурологического знания, хранящего в себе отражение той культуры, которая его создала. По мнению В.И. Карасика, юмористические тексты, имеющие анонимный характер и не подлежащие цензуре, наиболее открыты для передачи ценностных установок [Карасик 2002: 299]. Представляя собой классический жанр юмористического дискурса, анекдот играет роль своеобразного индикатора, который чутко и быстро реагирует на изменения в жизни и сознании людей, а, следовательно, и на изменения в аксиологической парадигме, отражая тем самым специфику ценностных элементов концепта *глупость*.

Таким образом, пословицы, афоризмы и анекдоты выступают в роли языковых формул, которые отражают этнокультурные стереотипы и являются воплощением народного коллективного миропонимания.

Для изучения концепта *глупость* в данной работе применяется комплекс методов и приёмов исследования, направленных на его моделирование, выявление семантических и структурных особенностей номинирующих его единиц, а также рассмотрение национально-культурной специфики одноименных фрагментов русской и французской лингвокультур.

Как уже было отмечено выше, организация экспериментальной части данного исследования базируется на идее о полевой структуре концепта, предложенной З.Д. Поповой и И.А. Стерниным.

Строение поля предполагает наличие таких структурных компонентов, как ядро, ближняя, дальняя и крайняя периферия. Ядро поля представляют наиболее типичные для выражения его инвариантного значения (функции) языковые единицы, имеющие максимальную концентрацию признаков, образующих поле. Количество языковых единиц, входящих в состав ядра, как правило, немногочисленно. Ядро включает языковые средства, специализированные для выражения определённых категориальных значений и максимально воплощающие базовую семантику. Ядерные единицы наиболее частотны по сравнению с другими конститuentами поля. Как правило, в ядро семантического поля входят стилистически нейтральные единицы с наиболее абстрактным значением, которые претендуют на право обозначить название полевой структуры в целом. Значимым признаком ядра является актуальность языковой единицы для современной общественной жизни. Ядро поля формируется вокруг доминантного компонента поля, наиболее полно выражающего значение или функцию, общую для всех его единиц.

Ядро семантического поля постепенно переходит в периферию, при этом граница между ядром и периферийной частью поля остаётся, как уже было отмечено, размытой, нечёткой. Периферия поля состоит из низкочастотных единиц с неполным набором специализированных для данного поля признаков, имеющих конкретное значение и, следовательно, более богатый семный состав.

Периферия образуется несколькими зонами с разной степенью удалённости от ядра: ближней, дальней и крайней периферией [Попова, Стернин 2007а: 18]. К ближней периферии относятся высокочастотные языковые единицы, обладающие достаточно обобщенным, стилистически нейтральным значением, они находятся на границе между периферией и центром, ядром поля и выполняют функцию данного поля от случая к случаю, не регулярно. Такие единицы обладают минимальной зависимостью от контекста, высокой коммуникативной релевантностью.

Основными требованиями к единицам дальней периферии являются: невысокая частотность, многозначность, при этом основные значения в зоне дальней периферии не релевантны основным значениям многозначных лексем; наличие ограничивающей эмоциональной, стилистической семы, семантическая зависимость от контекста, принадлежность к другим лексико-семантическим группам и лексико-семантическим полям.

Языковые единицы, составляющие крайнюю периферию, как правило, имеют наиболее конкретное значение и в словарях современного русского языка характеризуются пометами «историческое», «устаревшее». Это крайне редко употребляемые носителями кодифицированного русского языка элементы поля. При этом единицы, которые в семантическом поле носителя кодифицированного русского языка (в общей системе языка) находятся в периферийной зоне поля, в поле носителя диалекта могут принадлежать ядру.

Семантические поля не являются замкнутыми структурами. Разные поля способны пересекаться, «накладываться» друг на друга, образуя зоны постепенных семантических переходов.

Мы разделяем точку зрения, согласно которой в структуре концепта можно выделить несколько когнитивных слоёв, которые формируются из отдельных смысловых компонентов – когнитивных признаков концепта, позволяющих обнаружить его национальную специфичность и приоритетность в той или иной культуре [Болдырев 2007: 17].

Под *когнитивным слоем* понимается «совокупность когнитивных признаков, отражающих дискретную единицу концепта определённого уровня абстракции, имеющую языковые способы объективизации» [Рудакова 2003: 131]. *Когнитивный признак* – это минимальный структурный компонент концепта, отражающий отдельную черту или признак концепта.

О специфической комбинаторике признаков, выделяемых у концептов, говорит В.И. Карасик. Он считает, что различие между культурами проявляется в количественном и комбинаторном предпочтении признаков при концептуализации мира [Карасик 2002: 136]. Кроме того, автор говорит о том, что признаки могут не находить однословного выражения. Соответственно, в качестве признаков концепта мы будем рассматривать как качества, которые можно сформулировать с помощью одного слова, так и качества, которые находят свое выражение в идеях и связях, присущих данному концепту.

Все отобранные пословицы, афоризмы, анекдоты мы анализировали путём когнитивной интерпретации значений, то есть смысл пословицы, высказывания о глупости, анекдота интерпретировали как отражение когнитивного признака, а выделенные когнитивные признаки унифицировали, приводя к единой формулировке.

Семантический анализ и когнитивная интерпретация («мысленное обобщение результатов описания значений языковых единиц, номинирующих концепт, для выявления когнитивных признаков, составляющих содержание данного концепта» [Попова, Стернин 1999: 53]) исследуемого материала позволили выделить в содержательной структуре концепта *глупость* 22 когнитивных признака, объединённых в 9 базовых когнитивных слоёв. Необходимо уточнить, что полисемантика многих лексических единиц отражает несколько концептуальных признаков, относящихся к разным когнитивным слоям, что говорит об их пересечении.

Выделенные когнитивные признаки распределяются по полевым зонам в структуре концепта исходя из степени их яркости в структуре концепта (по

процентному количеству языковых репрезентаций, объективирующих соответствующий когнитивный признак).

Подавляющее большинство признаков нашли своё отражение в пословицах, афоризмах, анекдотах. В этом случае можно говорить о том, что полученный список отражает *национальную концептосферу*. Зафиксированная объективация одного и того же когнитивного признака в разных языковых источниках свидетельствует о коммуникативно релевантном характере данного признака и является аргументом в пользу признания его ярким, существенным для когнитивного сознания народа.

Вместе с тем выявились когнитивные признаки, которые зафиксированы только в паремиях, только в афоризмах или только в анекдотах. Они рассматриваются нами как реальные, существующие в концепте, но относящиеся к периферии когнитивного сознания народа. Невыраженные признаки также будут указаны в тексте диссертации, поскольку, наличие или отсутствие признаков подтверждает «относительную автономность существования в сознании народа паремиологической, фразеологической и художественно-публицистической концептосфер, в рамках которых есть свои особенности категоризации предметов и явлений, отличающиеся от категоризации их национальной концептосферой» [Попова 2007б: 271].

Принимая во внимание тот факт, что концепт является динамичной величиной, неизменно пополняющейся новыми качествами и свойствами, выделенный список признаков, характеризующих концепт *глупость*, считаем открытым.

Выводы по Главе 1

Под *ЯКМ* в работе понимается исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отражённая в языке совокупность образов, понятий, стереотипов и символов, представляющих собой знания определённого народа об окружающем мире, которые на уровне сознания хранятся в виде концептов.

Концепт – базовая единица культуры, междисциплинарное, многоаспектное ментальное образование, соединяющее в себе элементы сознания, действительности и языкового знака, квант структурированного знания, репрезентирующий культурно-национальную ментальность его носителей.

Концепт представляется структурой более сложного порядка, чем понятие и лексическое значение слова, так как он включает в себя и невербальную информацию.

Концепты можно классифицировать по содержанию, по наличию в их структуре ценностного компонента, по функции в языке, по носителям.

Концепт как единица структурированного знания имеет полевою структуру, включающую ядро и периферию (ближняя периферия, дальняя периферия и крайняя периферия). К ядерной зоне относятся лексемы, экспонирующие ядро национального сознания, к периферии – индивидуальное сознание. Концепт состоит из компонентов (концептуальных признаков), объединяющихся в различные концептуальные слои.

Концепт не имеет строгой организации и является потенциально открытым для изменений.

Методика проведения исследования имела целью установление полевой структуры концепта *глупость* в русской и французской языковых картинах мира. Суть методики заключалась в проведении поэтапного анализа вербальной реализации каждого из изучаемых концептов: 1) исследование словарных дефиниций, 2) пословиц, 3) афоризмов, 4) анекдотов.

Методологической базой проводимого исследования является синтез достижений когнитивной лингвистики в области ментальных структур, категоризации и концептуализации действительности с достижениями лингвокультурологии, особенно с учётом роли культурного фактора в отражении действительности.

ГЛАВА 2. АНАЛИЗ КОНЦЕПТА *ГЛУПОСТЬ* В РУССКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

2.1. Концепт *глупость* в лексикографических источниках

Говоря о концепте, нельзя не затронуть проблему его выражения. С одной стороны, мы разделяем точку зрения З.Д. Поповой и И.А. Стернина, согласно которой «никакой концепт не выражается в речи полностью» [Попова 1999: 28]. Но, с другой стороны, мы считаем, и это не противоречит мнению, что признаки, заложенные в концепте, находят своё выражение в языке.

Как уже упоминалось выше, концепт – сложная структура, которая несёт в себе определённую культурологическую информацию. «В семантической структуре слова содержится богатейшая информация о системе ценностей того или иного народа, начиная с витальных и кончая общественно-социальными и культурологическими» [Вендина 1998: 6]. Как справедливо отмечает Т.В. Топорова, «именно лексика в наибольшей мере апеллирует к смысловым и ценностным параметрам модели мира» [Топорова 1994: 3]. Она раскрывает особенности видения и «прочтения» мира тем или иным народом и является своеобразным ориентиром в его освоении. Лексическая система языка, по сути, репрезентирует организованную классификацию человеческого опыта [Канцельсон 1972; Маковский 2006; Серебренников 1983; Скляревская 1993]. Но очевидно, что одно слово не может представлять цельное единство концепта во всём многообразии заключённых в нём оттенков и дополнительных смыслов. «Концепты репрезентируются словами, однако, вся совокупность речевых средств не даёт полной картины концепта. Слово своим значением в языке представляет лишь часть концепта, отсюда необходимость синонимии слова, потребность в текстах, совокупно раскрывающих содержимое концепта» [Хроленко 2004: 57]. «Когда концепты обнаруживают себя, получая то или иное выражение, они предстают как варианты. Поэтому один и тот же концепт может быть выражен рядом синонимичных имен (знаков), их сочетанием» [Зинченко, Зусман, Кирнозе 2003: 74].

В данной работе мы рассматриваем лингвокультурологический и лингвокогнитивный аспекты концепта *глупость*, что предполагает анализ лингвистического материала, а также материала, который несёт большую культурологическую нагрузку (в нашем случае – паремий, афоризмов и анекдотических текстов).

2.1.1. Словарные дефиниции ядерных компонентов концепта *глупость*

Неотъемлемой частью анализа концепта *глупость* в русской и французской лингвокультурах является изучение лексем – имён концепта *глупость* по данным лексикографических источников.

Прежде всего, важно установить значение основной лексемы, которая наиболее полно номинирует исследуемый концепт. В качестве такого слова в диссертации в ходе анализа словарных дефиниций для русского языка была выбрана лексема *глупость* как наиболее употребительное наименование, достаточно обобщённое по своей семантике, стилистически нейтральное слово. Данное ключевое слово является многозначным и даёт достаточно богатый материал для когнитивной интерпретации.

В «Толковом словаре» В.И. Даля *глупость* характеризуется как свойство *глупого*. *Глупый* – неразумный, недалкий, скудоумный, ограниченного ума; непонятливый, тупой, тупоумный; безрассудный, бестолковый, нерассудливый [Даль 1998: 358].

В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова понятие *глупости* также определено в значении прилагательного *глупый* – 1) с ограниченными умственными возможностями, несообразительный, бестолковый; 2) не обнаруживающий ума, лишённый разумной содержательности, целесообразности [Ожегов 2011: 137].

Глупость – недостаток ума, несообразительность; глупый поступок, глупая речь, мысль; вздор, нелепость, пустяки [СРЯ 1985: 112].

В «Большом толковом словаре русского языка» даётся следующее определение глупости: *глупость* – 1) недостаток ума, сообразительности. По-

ступил так по глупости. Иметь глупость сделать что-либо (поступить глупо, неосмотрительно). *С глупостью на лице кто-л.* 2) глупый поступок; глупые слова, мысли. *Сказать глупости. Кто же не делал глупостей! // обычно мн.:* глупости. *разг.* вздор, пустяки. *Отстань со своими глупостями! Брось читать всякую глупость. Не болтай глупостей.* 3) *разг.* о глупом положении, состоянии; нелепость. *Надо уходить и не уйти, вот глупость! Глупость получается: транспорт есть, а поставок сырья нет* [Большой толковый словарь русского языка 1998: 325].

Глупость – 1) только ед. отвлеч. сущ. к глупый. *Глупость этого человека забавна;* 2) глупый поступок, глупое слово (*разг.*). *Наделать глупостей. Брось эти глупости. Я глупостей не чтец, а пуще образцовых* (Грибоедов); 3) только мн., в знач. междом. употр. в реплике для выражения несогласия с чем-н., возражения против чего-н. (*разг. фам.*). *Глупости! Никогда этому не бывать!* [Толковый словарь русского языка 1989: 289].

Глупый – 1) умственно ограниченный, неумный // перен. *разг.* наивный, несведущий; 2) выражающий умственную ограниченность, свидетельствующий о недостатке ума; 3) перен. лишённый разумного содержания, бессмысленный [ЕФ 2003: 234].

Данные дефиниции наглядно показывают релевантность признаков «ограниченность ума» и «отсутствие разумной содержательности». Эти признаки являются ключевыми (наиболее частотными, смыслообразующими) для исследуемого концепта.

Во французском языке есть два слова – *bêtise* и *sottise*, потенциально претендующие на первенство. Но, в результате анализа дефиниций толковых словарей, мы обнаруживаем, что, несмотря на наличие интересующих нас значений в структуре обоих слов, значение *sottise* трактуется посредством отсылки к значениям слова *bêtise*. Это означает наличие необходимых и достаточных сем в структуре значений данной единицы для того, чтобы быть не только ядром концепта, но и доминантой синонимического ряда.

Согласно словарю Dictionnaire de l'Académie Française глупость (*bêtise*) имеет 2 значения: *bêtise* – 1) défaut d'intelligence, de jugement, de bon sens, ou des notions les plus communes. *Il est d'une bêtise extrême. C'est sa bêtise qui l'a perdu;* 2) il se dit aussi des actions et des propos bêtes. *Il a dit, il a fait une bêtise, une grande bêtise, une grosse bêtise, une lourde bêtise. Il passe sa journée à dire et à faire des bêtises* [Dictionnaire de l'Académie Française 1935: 87].

В словаре Le Petit Larousse *bêtise* более детализовано по содержанию и имеет 4 значения: 1) manque d'intelligence, de jugement: *Sa bêtise risque de tout compromettre* (imbécillité, stupidité; finesse, intelligence). *Une remarque d'une bêtise insondable* (idiotie; pertinence, subtilité); 2) parole, action dénuée d'intelligence, de réflexion: *J'ai fait une bêtise* (ânerie, bévue). *Dire des bêtises* (sottise). 3) action irréfléchie, imprudente ou condamnable: *Elle a commis une grosse bêtise qui a failli la mener en prison* (= un acte répréhensible). 4) objet sans importance: *Se disputer pour une bêtise* (brouille, vétille) [Le Petit Larousse 2007: 131].

Bêtise – 1) manque d'intelligence (*idiotie, imbécillité, ineptie, inintelligence, lourdeur, niaiserie, nullité, sottise, stupidité*; familier: *crétinerie, crétinisme, débilité, jobarderie*; littéraire: *ganacherie, nigauderie*); 2) action, propos irréfléchis (*absurdité, ânerie, bavure, bévue, calembredaine, erreur, folie, impair, insanité, maladresse, sottise*; familier: *blague, boulette, bourde, gaffe*; populaire: *connerie, couillonade*; vieux: *balourdise*); 3) chose futile (*babiole, bagatelle, brouille*; familier: *bricole*) [Le Grand Dictionnaire Synonymes & Contraires 2004: 124].

Согласно словарю Le Petit Robert *bêtise* имеет следующие значения: 1) défaut d'intelligence et de jugement => *crétinerie, idiotie, imbecilité, naïveté, niaiserie, sottise, stupidité: Faire preuve d'une bêtise. II est d'une rare bêtise. Une bêtise crasse. Il a eu la bêtise de les croire.* 2) action ou parole sottе ou maladroitе (bévue, sottise). *Faire des bêtises.* => *bourde, 2. gaffe. Élève qui répond une bêtise.* => *ânerie. Dire des bêtises.* => *absurdité, balourdise, connerie, ineptie, insanité, maladresse.* Action, parole, chose sans valeur ou sans importance.

=> babiole, bagatelle, baliverne, enfantillage, niaiserie, plaisanterie. *S'amuser, passer son temps à des bêtises.* => brouille, futilité. *Se brouiller pour une bêtise,* pour un motif futile. *«Vous dois-je beaucoup d'argent pour cette petite bêtise?»* (Balzac). 3) action déraisonnable, imprudente => folie. *Il faut l'empêcher de faire des bêtises.* – (En parlant d'un enfant) Acte inconsidéré, désagréable pour les adultes de l'entourage. *Quelle bêtise as-tu encore faite?* Antonymes: *intelligence, esprit, finesse, ingéniosité, subtilité* [Le Nouveau Petit Robert 2006: 248].

Bêtise – 1) défaut d'intelligence et de jugement. *Il y a tant de disproportion entre le mérite et la bêtise* [Pascal, *Pensées*]. *Il y a en moi, pauvre et simple homme de village, plus de bêtise que de méchanceté* [Courier, *Lettres de France et d'Italie*]; 2) action ou propos de bête. *Un des conjurés eut la bêtise de se confesser à un des prêtres de la fronde* [Voltaire, *Le siècle de Louis XIV*]; 3) propos léger et inconvenant. *Il échappa à Brissac quelque bêtise sur Mme de Mailly* [Saint-Simon, *Mémoires complets et authentiques du duc de Saint-Simon*]. Familièrement et populairement. *Quelle bêtise!* c'est-à-dire, vous faites ou vous dites une bêtise, une chose déraisonnable ou qui ne peut servir à rien [Littré 1963: 259].

Исходя из приведённых дефиниций, можно выделить следующие базовые, сущностные концептуальные признаки концепта *глупость*, которые и представляют ядро (его базовый сегмент) изучаемого ментального пространства в русской и французской ЯКМ: 1) отсутствие интеллектуальных способностей самого человека; 2) действия и поступки, лишённые разумной содержательности, целесообразности; 3) результаты интеллектуального труда – объекты (абстрактные и конкретные). Таким образом, можно говорить практически о «совпадении» сем в словах *глупость* и *bêtise* как в их основном значении, так и в производных.

Но при этом следует отметить, что во французском языке понятие *глупость* более широкое, чем в русском: оно включает дополнительно такие составляющие, как:

1) *action irréfléchie* – необдуманное действие, характеризующееся спонтанностью;

2) *action condamnable* – действие, которое подвергается критике, осуждению, порицанию;

3) *action imprudente* – неосторожный, необдуманный поступок, поведение вопреки рассудку, требованиям благоразумия.

Проведённый анализ словарных дефиниций концепта *глупость* позволил выявить обобщённый прототип концепта, его содержательный минимум, а также создать базу для дальнейшего изучения концепта на основе других методик.

2.1.2. Этимология имён концепта *глупость*

Необходимость выявления этимологии слова, являющегося именем концепта, объясняется тем, что в концепте наличное, стабильное, данное содержание нельзя оторвать от «памяти концепта», то есть динамического, подвижного процесса возникновения словесной формы, в которой заключался первоначально данный в концепте смысл – «внутренней формы» слова [Соснин 2011: 121].

Теория «внутренней формы» слова получила своё развитие в трудах Г.О. Винокура, В. фон Гумбольдта, А.А. Потебни, Г.Г. Шпета [Винокур 1959; Гумбольдт 1984; Потебня 1990, 1997; Шпет 2006].

А.А. Потебня определяет «внутреннюю форму» слова (его ближайшее этимологическое значение) как буквальный смысл, который складывается из содержаний морфем, образующих слово (из значений корня, приставки и суффикса). Внутренняя форма или ближайшее значение создаётся, таким образом, словообразовательными связями производного слова.

Н.Ф. Алефиренко указывает на то, что источником языковой номинации служит, как правило, тот признак, который бросается в глаза и глубже, чем другие, волнует наши «чувства и воображение» [Алефиренко 2004: 77]. Внутренняя форма определяется исследователем как «синхронный эпидигматический компонент семантической структуры языкового знака, служащий идиоэтнической основой косвенно-производной номинации, т.е. отражаю-

ший тот денотативный признак, по которому был наименован соответствующий фрагмент реальной действительности» [Алефиренко 2004: 79].

Интересно отметить, что современное значение слова *глупость* (недостаток ума) в русском языке связано с происхождением обсуждаемого слова: *глупый* – общеславянское суффиксальное производное от той же основы, что и *глухой*, диал. *глум* «расстройство умственных способностей», «суетливый и глупый человек», «дурь», *глума* «дурак, бестолочь», ср. также *глумак* «дурак» и т.д. Значение «глупый» = «непонимающий» (потому что плохо слышит) [Фасмер 1986: 256].

Праславянское *glup-*, по О.Н. Трубачеву, является родственным праславянского *glux-*, которое в свою очередь, возводится к корню *gel-* с семантикой «давить, притеснять, закрывать». Значение «закрытый, непроницаемый» является доминантным в семантической структуре праславянского *glux-*, «глухой» – «тот, у которого “закрыт” слух» [М. Войтыла-Свежовска, С.М. Толстая 1989: 215]. Следовательно, *glupъ* (*ǰь*) этимологически – «закрытый», т.е. не способный воспринимать.

Лексемы этимологического гнезда *glupъ* (*ǰь*) развивают следующую семантику: «слепой» (рус. диал. *глупый* «слепой»), «незрелый» (рус. диал. *глупой* «неспелый (плод)»), *глупенёк* волог. «несозревший плод»), «бессильный» (рус. диал. *глупый* «неспособный к действию, слабый, бессильный» (о руках, ногах и т.д.)), «некрасивый» (*С лица не глупый* костром. «красивый, привлекательный»), «примитивный» (*глупый* сиб. «плохой, примитивный» (о предметах или условиях быта)), (арх. бесполезный, ненужный, непригодный» (*Пурьш - глупый гриб, ни к чему его*)) [Турилова 2010: 178].

В «Этимологическом словаре русского языка» представлена следующая информация: «*глупый* (неумный) восходит к праслав. *glupъ* (глуп «неумный»), образованному посредством ныне утрач. суф. -р- > -п- от корня *glu-* (глу- «пустое»). *Глуп* - первонач. значило «пустой». Сравните: укр. *глупа* (или *глуха*) («глухая», «глубокая», «беззвучная») (ночь). В дальнейшем *глупый* перен. употребляется по отношению к уму (укр. диал. *глупий разум*

«пустой ум») и по отношению к существу – «с пустой головой», «существо, не обнаруживающее ума» [Цыганенков 1998: 131].

Таким образом, в ходе этимологического анализа лексемы *глупый*, входящей в современном русском языке в ядро концепта *глупость*, выясняется следующее: представление о несоответствии человека общим суждениям берёт своё начало в физических недостатках, а именно глухоте и слепоте, и вызывает у других людей определённую неприязнь, далее *глупость* характеризует неспособность воспринимать и только в современном языке связано с низкими интеллектуальными способностями человека.

Лексема *bêtise* во французском языке восходит к латинскому *bestia* «дикое животное». В дальнейшем во французском языке слова, образованные от этой основы (*abêtir* «притуплять», *beta* «дурачина», *bêtifier* «дурачиться, оглуплять», *embêter* «надоедать»), стали служить для обозначения человека и, в частности, для отсутствия ума [Dictionnaire étymologique de la langue française 1938: 85].

Le Nouveau Petit Robert даёт следующую информацию об этимологии лексемы *bêtise*: она происходит от латинского слова *bestia* «дикое животное» (ср. румынское *bestie*, итальянское, окситанское, каталонское и испанское *bestia*, немецкое *bestie*). Переход *bestia* в *bistia* (сравните: итальянское *biscia* «змея», португальское *bicho* «зверёк» и *bicha* «червяк, пиявка») приводит к появлению во французском языке *biche* «лань», которое под влиянием *bouc* «козёл» даёт *bique* «коза». Латинское происхождение имеют слова, относящиеся к миру животных (*bestiaire* «бестиарий», *bestial* «животное» и *bestiaux* «скот», *bestiole* «зверь», *bestialité* «скотоложство»), в то время как французские производные касаются, за исключением *bétail*, человека и обозначают, в частности, отсутствие интеллекта (*abêtir*, *bêtise*, *bêta*, *bêtifier* и *embêter*). *Bête* было заимствовано английским языком (*beast*, XIII в.) и немецким (*Biest*, XVI в.) [Le Nouveau Petit Robert 2006: 248].

Возможно, объяснение данной этимологии заключается в следующих строках: «L'animal, en tant qu'archétype, représente les couches profondes de

l'inconscient et de l'instinct. Les animaux sont des symboles des principes et des forces cosmiques, matérielles ou spirituelles» [Balestra 2004: 18] (дословно: Животное, в качестве прототипа, представляет глубокие слои бессознательного и инстинкта. Животные – символы принципов и космических сил, материальных или духовных).

Таким образом, на материале двух языков можно наблюдать, что внутренняя форма лексемы, репрезентирующей концепт *глупость*, может быть различной. Если при анализе французского языкового материала глупость оказалась связана с животным миром, для русского языка глупость этимологически оказывается связана с другими признаками, легшими в основу наименования данной характеристики. Этимология слова *глупый*, с одной стороны, отсылает нас к понятию «физические недостатки», с другой – к понятию «бесполезный». Этимологически общей для двух слов – *глупый* и *bêtise* – выступает сема «отсутствие интеллекта». Наличие одинаковой семы в этимологически разных по значениям корнях, которые дали наименование одному и тому же феномену, может свидетельствовать о том, что именно данный признак является наиболее значимым при номинации описываемой характеристики.

2.1.3. Производные слова от имён концепта *глупость*

Языковой объём концепта правомерно составляют и дериваты, значение которых определяется через значение исходного слова [Балакин 2008; Борисенкова 2007; Вендина 1998; Кузнецова 2010; Тихонова 2005]. Благодаря производному слову возможно обратиться к исследованию мышления человека, к его мировосприятию, так как именно производное слово помогает понять, «какое концептуальное или когнитивное образование подведено под «крышу» знака, какой квант информации выделен телом знака из общего потока сведений о мире» [Кубрякова 1988: 60].

Принято считать, что слои концепта находятся в отношениях производности друг к другу [Попова, Стернин 2007: 16]. Соответственно, чтобы

обеспечить более полный анализ всех структурных составляющих концепта, необходимо рассмотреть производные слова от слова, являющегося именем концепта. При этом важно установить, какая часть семантики мотивирующего слова используется в акте создания производного слова и продолжает жить в нём и ощущаться говорящим при его использовании, поскольку роль формальной операции словообразования тесно связана со смысловым заданием акта номинации и подчиняется требованию выразить в новой единице наименования новое значение. Рассмотрение производных слов также позволяет осуществить анализ способов вербализации концепта на морфемном уровне [Соснин 2011: 124].

Взаимосвязь двух сторон проявления разума, наличие разума – отсутствие разума, проявляется не только на лексическом уровне, но и на уровне морфем: лексические единицы, репрезентирующие отсутствие разума нередко являются дериватами от лексических единиц с позитивной оценкой, образованными с помощью отрицательных префиксов: *непонятливый, несообразительный, неумный, недогадливый*. В качестве производящих выступают единицы, репрезентирующие наличие разума, что позволяет сделать вывод, что, хотя разум и дан свыше, наличие разума у человека воспринимается носителями языка как норма, а отсутствие разума как отклонение.

Слова, составляющие словообразовательное гнездо лексемы *глупость*, достаточно многочисленны. Частеречная принадлежность словообразовательного гнезда представлена существительным, прилагательным, глаголом и наречием. В «Новом толково-словообразовательном словаре русского языка» приведены следующие продуктивные аффиксы, использующиеся при образовании номинации: *-ейш-* (наивысшая степень проявления признака (*глупейший*)), *-еньк-* (уменьшительно-ласкательное или пренебрежительное значение, указывается обычно на меньшую, смягчённую степень качества в субъективном понимании (*глупенький*)), *-оват-* (неполнота проявления признака (*глуповатый*)), *-ец-* (словообразовательная единица, образующая имена существительные, которые являются названиями лиц мужского пола – носи-

телей признака, заключённого в мотивирующем слове (*глупец*)), *пре-* (высокая степень качества (*преглупый*)), *не-* (словообразовательная единица, образующая имена прилагательные со значением признака, который характеризуется противоположностью – нередко с оттенком смягчения – или противопологаемостью – с какой-либо точки зрения – значению мотивирующего имени прилагательного, указывающие на отсутствие положительного качества (*неглупо*)), *с-* (однократно совершённое действие, названное мотивирующим словом (*сглупить*)), *-ыш-* (существо, характеризуемое каким-либо качеством и вместе с тем небольшое или представляемое в уменьшительном виде в силу сочувствия, фамильярного покровительства, пренебрежения (*глупыш*)), *архи-* (высшая степень проявления качества (*архиглупый*)) [Ефремова 2000: 199].

Согласно «Словообразовательному словарю русского языка» слова данной группы образуются также при помощи прибавления к основам трансформированной корневой морфемы *благо-*, являющейся примером энантиосемии (*благоглупость* – глупость, вздор, облечённые в серьёзную форму) [Тихонов 2008: 302].

Показательно в этом отношении, что положительная коннотация возникает за счёт использования словообразовательных средств у названий лиц детского возраста, мотивированных основами, имеющими отрицательно-оценочное значение. Например: *глупыш*, *глупышёнок*, *глупенький*. Прагматика подобных лексем связана с достижением эффекта сочувствия. Эффект усиления отрицательной оценки наблюдается при употреблении лексем *глупендяй*, *глуподурый* и т.д.

Деривационный анализ показывает, что наибольшее число лексем, относящихся к концепту *bêtise*, образуется во французском языке с помощью аффиксации (например, *a-* (приведение в какое-либо состояние (*abêtissant* «одуряющий, отупляющий», *abêtissement* «отупение»)), *bé-* (высокая степень качества (*bébête* «очень глупый»)), *é-*, *em-* (приведение в какое-либо состояние (*ébêtir* «отуплять», *embêtant*, *embêtement*)), *ra-* (возвращение в исходное положение (*rabêtir* «тупеть, становиться дураком»)), *-asse* (пейоративное зна-

чение (*bêtasse* «дурёха»)), *-ifier* (значение фактитивности, семантика данного суффикса может быть выражена перифразой «сообщить признак, подвергнуть действию» (*bêtifier* «оглуплять»)), *-issime* (наивысшая степень проявления признака (*bêtissime* «наиглупейший»)), далее по степени продуктивности во французском языке следует конверсия ([V → Adj.] *abêti*) и словосложение ([Adv. + V] *pense-bête* «памятка, записная книжка», *malebête* «монстр, опасный человек»).

Взяв за основу общее значение производного слова, мы можем представить данное словообразовательное гнездо следующим образом:

глуп		bête	
действие, процесс	признак, свойство	действие, процесс	признак, свойство
глупеть	глупый	abêtir	bêtise
сглупить	преглупо	abêtissant	bêta
глупить	глуподурый	abêtissement	bêtasserie
оглупление	глупендяй	bêtifier	bêtisier
наглупить	глупёхонький	bêtification	bébête
оглупеть	глупёхонько	bêtiser	bêtasse
оглупить	глупенький	ébêtir	bêtissime
оглуплять	глупец	embêtant	abêti
поглупеть	глупёшенький	embêter	malebête
поглупить	глупёшенько	imbête	bêtement
	глупо	rabêtir	embêtement
	сглупа		
	неглупо		
	глуповато		
	глуповатость		
	глуповатый		
	глупость		
	глупыш		
	глупышка		

благоглупость
 глупейший
 архиглупый
 неглупый

Данный анализ показывает различную структуру и несовпадение семантики производных в анализируемых языках при значительном количественном несовпадении производных единиц (35 – в русском языке и 22 – во французском). Наличие довольно продолжительного ряда однокоренных слов говорит о значимости концепта *глупость* в русской и французской лингвокультурах.

Примечательно, что в словообразовательном ряду французского языка отсутствует название человека, обладающего данным свойством (сравните, *глупец* в русском языке). Все производные полностью мотивированы (семантически прозрачны), кроме слова *pense-bête* в значении «памятка, записная книжка», которое является частично мотивированным.

глуп

<i>существительные</i>	<i>прилагательные</i>	<i>глаголы</i>	<i>наречия</i>
глупендяй	глупый	глупеть	преглупо
глупец	глуподурый	глупить	глупо
глуповатость	глупёхонький	сглупить	глуповато
глупость	глупенький	наглупить	глупёхонько
глупыш	глупёшенький	оглупеть	глупёшенько
глупышка	глуповатый	оглупить	неглупо
благоглупость	глупейший	оглуплять	сглупа
оглупление	архиглупый	поглупеть	
	глупейший	поглупить	
	неглупый		

bête

<i>существительные</i>	<i>прилагательные</i>	<i>глаголы</i>	<i>наречия</i>
abêtissement	abêtissant	abêtir	bêtement

bêtification	embêtant	bêtifier
bêtise	bébête	bêtiser
bêta	bêtissime	ébêtir
bêtasserie	abêti	embêter
bêtisier		rabêtir
bêtasse		
malebête		
embêtement		

Отметим, что распределение производных и общая структура значимых элементов ситуаций не совпадает. Например, во французском языке большее количество существительных, наречие представлено одной единицей, в русском языке единицы распределены по частям речи приблизительно одинаково. В русском словообразовательном гнезде фиксируется больше эмоционально-оценочных существительных: *глупыш, глупенький*. На аксиологическую ориентированность русского словообразования уже давно обратили внимание философы. Н.О. Лосский отмечал, что «у русских, как и всех славян, высоко развито ценностное отношение не только к людям, но и ко всем предметам вообще. Это выражается в обилии уменьшительных, увеличительных и уничижительных имён» [Лосский 1990: 7]. Признавая справедливость этих слов, можно уточнить, что не только эмоционально-экспрессивная лексика является выразителем ценностных отношений, но и стилистически нейтральная.

2.1.4. Лексическая сочетаемость ключевого слова

Особое значение, по мнению некоторых исследователей [Вежбицкая 2001б, Падучева 2001, Рахилина 2000, Jackendoff 1983], имеет сочетаемость имени. Так, по мнению Е.С. Падучевой, семантика слова определяет его сочетаемость, следовательно, анализируя информацию о сочетаемости языковой единицы, можно определить наиболее тонкие незаметные на первый взгляд нюансы в семантике слов [Падучева 2001: 26], а значит, и наиболее

полно описать структуру концепта, активирующегося этим словом. Рассмотрение сочетаемости лексемы, являющейся ключевой вербализацией концепта *глупость*, представляется необходимым в рамках настоящего исследования, поскольку, по И.А. Стернину, «анализ сочетаемости лексем, объективирующих концепт в языке, даёт возможность выявить некоторые составляющие концепта» и «из сочетаемости можно выявить способы категоризации концептуализируемого явления» [Стернин 2001: 62].

Согласно М.В. Пименовой, «выявление структуры концепта возможно через наблюдение за сочетаемостью соответствующих языковых знаков» [Пименова 2004: 82].

Е.С. Кубрякова указывает на то, что «участие слова в комбинациях с другими словами предопределяется как его лексическим значением, так и той концептуальной структурой, которую оно реализует: согласование слов происходит на двух этих разных уровнях, оно является результатом взаимодействия указанных факторов» [Кубрякова 2002:18].

Кроме того, как уже отмечалось выше, анализ отношения слова-имени концепта к другим словам, устойчиво связанным с ним синтагматически, даёт его частичное толкование, и, суммируя частичные толкования, можно получить достаточно полное семантическое описание исследуемого концепта.

Глупый – с ограниченными умственными способностями, неумный, несообразительный; неразумный (о детях, молодых существах); такой, который выражает умственную ограниченность; лишённый разумного содержания.

Глупый (-ая, -ое) + N: человек, ребенок, мальчик, девочка, животное, котенок, щенок, мышонок, вид, лицо, физиономия, выражение (лица, глаз), улыбка, ухмылка, слова, вопрос, ответ, совет, поведение, положение, поступок, ситуация, история, мысль, книга, шутка, юмор, анекдот, рассказ, статья.

Наречие + *глупый*: очень, довольно, совсем, слишком, необыкновенно, удивительно, ужасно (разг.), безнадежно, на редкость.

Глупо + глагол: глупо выглядеть, вести себя, поступить, улыбаться, шутить, ответить.

Глаголы: быть, стать, показаться кому-л., оказаться, прослыть (разг.), считать кого-что-л. ... *глупым* [Денисов 2006: 103].

Таким образом, глупость объекта проявляется посредством оценки продуктов его интеллектуальной деятельности, линии поведения. Иными словами, глупыми, несодержательными могут быть статьи, рассказы, решения, глупость проявляется также в общении, поведении человека.

Согласно *Petit Dictionnaire de style* во французском языке на синтагматическом уровне можно выделить следующие наиболее распространённые сочетания: *bêtise* может быть *grande, inconcevable, extrême, rare, sans pareille, incroyable, inimaginable, impayable, inouïe, grosse, forte, lourde, énorme, profonde, franche*. *Bêtise* можно *commettre, faire, dire, avancer* [*Petit Dictionnaire de style* 1953: 62].

В словарной статье *Dictionnaire des combinaisons des mots*, посвящённой *bêtise*, представлена более подробная информация: *bêtise* + *adjectif* 1) *ambiante, environnante, collective, générale, humaine, universelle; ordinaire, abyssale, consternante, hallucinante, incommensurable, incurable, infinie, insondable, monumentale, notoire, profonde, sans nom; accablante, affligeante, atroce, crasse, innommable, terrible, impardonnable; 2) gigantesque, grande, grosse, incommensurable, majeure, monumentale, irréparable; terrible, affligeante, innommable, impardonnable; petite*.

Bêtise + *verbe* 1) *régner; attrister, consterner; 2) coûter cher*.

Verbe + *bêtise* 1) *confiner à; être confronté à, être en butte à, souffrir de, subir; dénoncer, déplorer, fustiger, pourfendre, s'en prendre à; combattre, lutter contre, résister à, se battre contre, traquer; en finir avec, vaincre; 2) commettre, faire, dire, raconter, écrire, accumuler, multiplier; avouer, reconnaître; rire de; rattraper, réparer; en finir avec*.

Nom + *de* + *bêtises*: *accumulation, avalanche, flot, série, succession, suite, tas* [*Dictionnaire des combinaisons des mots* 2007: 88].

Так как эмоциональное содержание концептуального поля глупости по большей части отрицательно (глупость – качество определённо отри-

цательное), выражения, содержащие сему глупости, проявляют тенденцию к отрицательной эмоциональности. Это означает, что они употребляются в качестве пейоративов в разговорном языке. Данное значение усиливается при добавлении прилагательных или выражений, таких как *vieux, espèce de, tas de, une bande de*.

Таким образом, анализ сочетаемости лексемы *bêtise* выявляет следующие составляющие данного концепта: отрицательная эмоциональная составляющая (*accablante, atroce, crasse, terrible, impardonnable, attrister, déplorer, coûter cher, souffrir de*), количественная характеристика (*insondable, profonde, gigantesque, grande, grosse, incommensurable, petite*).

2.1.5. Синонимические ряды, реализующие концепт *глупость* в русском и французском языках

Поскольку одной из задач нашего исследования является анализ языковой реализации исследуемого концепта в двух языках, нами построены синонимические ряды, реализующие данный концепт в русском и французском языках.

Под синонимическим рядом понимается лексическое множество, выделенное внутри лексико-семантической группы, члены которого объединены общей семой в лексическом значении и отличаются дифференциальными семмами, способными нейтрализоваться в определенных позициях [Шмелёв 1973: 130]. В синонимической парадигме выделяется доминанта – слово синонимического ряда с самым объемным и нейтральным значением, поэтому оно определяет общее толкование словарной синонимической статьи и является точкой отсчета для других членов парадигмы.

По данным Словаря синонимов русского языка концепт *глупость* представлен синонимами: 1) бестолковость, кретинизм; идиотизм, идиотство (разг.) / о положении, решении, словах и т.п.: нелепость, неразумность, абсурдность, несуразность, несообразность, дикость / о человеке: недомыслие, тупость, тупоумие; туполобие, безмозглость, придурковатость, дурость

(разг.); отсутствие всякого присутствия (шутл.); несмыслие, неразумие, скудоумие, туполобие (уст.); 2) вздор [Александрова 2001: 90].

Из «Словаря русских синонимов и сходных по смыслу выражений» были выбраны следующие примеры.

I. *Существительные*: абсурдность, абсурд, балбес, балда, баран, безграмотность, бездарность, бездарь, безмозглость, беспечность, бессмысленность, бессмыслица, бестолковость, бестолочь, благоглупость, болван, бревно, ветренность, вздор, глупец, глуповатость, глупость, глупыш, глупышка, глухарёк, детскость, дуб, дубьё, дурак, дуралей, дурачество, дурачина, дурачок, дурашка, дурёха, дурость, дурочка, ерунда, идиот, идиотизм, инфантильность, истукан, кретин, кретинизм, легкомысленность, легкомыслие, лихач, лихачество, лопух, малоумие, маразм, межеумок, мелево, митрофанушка, наивность, невежество, недоумие, недоумок, недомыслие, недоразвитость, недоросль, недоумок, некумека, нелепость, неразумие, неразумность, нерассудительность, несмыслие, несмышлёныш, неуч, оболванивание, оболтус, оглупление, ограниченность, одурение, олух, отсталость, осёл, остолоп, остолопство, отупение, пень, поверхностность, придурь, простак, простодушие, простота, простофиля, профан, пустоголов, пустяки, разиня, ребячество, сумасброд, сумасбродка, сумасбродство, тетеря, тетёха, тугодум, тумак, тупица, тупость, тяжелодум, узколобость, финтифлюшки, чепуха, чурбан, чушь (108 единиц).

II. *Прилагательные*: абсурдный, архиглупый, бараний, безголовый, безграмотный, бездарный, бездумный, беззаботный, безмозглый, безрассудный, беспечный, бессмысленный, бесталанный, бестолковый, бесхитростный, бредовый, ветренный, взбалмошный, глупый, глупейший, глупенький, глупёхонький, глупёшенький, глуповатый, детский, дикий, дубоватый, дубинноголовый, дурашливый, дурий, дурной, дурацкий, дурковатый, зелёный, идиотский, крепкоголовый, крепколобый, легковерный, легкомысленный, лопаухий, малоосмысленный, малосознательный, малосообразительный, малоумный, наивный, неблагоприятный, невежественный, неглупый, неграмот-

ный, недалёкий, недогадливый, недоразвитый, нелепый, немудрый, необразованный, непонятливый, неразумный, нерассудительный, нерациональный, несерьёзный, несмышлёный, несообразный, неумный, неучёный, ограниченный, отсталый, отстающий, поверхностный, придурковатый, простоватый, простодушный, простой, пустоголовый, скудоумный, слабоголовый, слабообразованный, слабоумный, сумасбродный, твердолобый, тупой, тупоголовый, туполобый, тупоумный, узколобый (около 84 единиц).

Слово *глупый* – доминанта ряда – передаёт указанное значение в наиболее «чистом» виде, не осложняя его дополнительными семантическими оттенками. Оно осознаётся центральным еще и потому, что является производным по словообразовательной структуре, в то время как другие прилагательные образованы с помощью приставок *не-*, *без-* от слов, выражающих положительные свойства человека [Бахвалова 1993: 27].

Абсолютное большинство единиц, входящих в данную группу, относятся к экспрессивно-эмоциональным, оценочным, разговорно-просторечным словам.

«Обращает на себя внимание, что в русском языке отрицательная характеристика лица тяготеет к выражению существительными, в то время как одобрительность предпочтительно передаётся прилагательными. Сравним также: различие в коннотациях прилагательных *добрый*, *умный*, *простой*, *тихий* и существительных *добряк*, *умник*, *тихоня*. Существительное ставит клеймо, запечатлевает человека. Это приговор. Назвать значит обозвать. Прилагательное же – характеристика, и она может отрицаться» [Арутюнова 1999: 62].

Доминирование субстантивированного признака также подтверждается наличием в концептосфере ограниченной ментальной способности человека специфического для русского носителя языка концепта *дурак*, который определяется исследователями как «один из наиболее мощных в русской народной культуре» [Ковшова 1999: 166].

В Толковом словаре В.И. Даля *дурак* – глупый человек, тупица, тупой, непонятливый, безрассудный; малоумный, безумный, юродивый; шут, промышляющий дурью, шутовством [Даль 1998: 563].

«Глагол, образованный от имени-понятия, не станет скрывать отношение общества к подобным признакам, а глаголы выразительны.

Дурачить (ся) – прикидываться дурачком, забавляться дурачеством, озорничать – обычно в каком-то поступке, в деле» [Колесов 2006: 204].

В словарях [ЕФ 2003; МАС 2004; ОЖ 1987] слово *дурак* объясняется через лексему *глупый*.

Дурак – 1) а) разг. глупый, несообразительный человек; б) употр. как бранное слово; 2) устар. придворный или домашний шут 3) название карточной игры [ЕФ 2003: 394].

Дурак – 1) глупый, тупой человек; 2) (только с отрицанием: не дурак) любитель делать что-либо (*Не дурак поспасть*); 3) устар. помешанный, юродивый; 4) в старину: придворный или домашний шут; 5) род карточной игры [МАС 2004: 453].

Дурак – 1) глупый человек, глупец. *Дурак дураком* (очень глуп). *Век живи, век учишь дураком умрёшь* (посл. о бесконечных возможностях учиться, узнавать новое). *Ну и дурак же ты!* (бран.); 2) в старину: придворный или домашний шут; 3) о карточной игре [ОЖ 1987: 302].

Как видно из предлагаемых дефиниций, концепт *дурак* в понятийном аспекте отличается от концепта *глупость* следующими концептуальными признаками: «смешной», «обманывающий», «развлекающийся», «притворяющийся».

Можно сделать вывод, что концепт *дурак* входит частично в концепт *глупый* и детерминирован им.

III. *Глаголы*: глупить, глупеть, дурачить, дурачиться, дуреть, дурить, задурить, наглупить, накудесить, обдурить, оболванить, оглупеть, оглупить, оглуплять, одурачить, одуреть, отупевать, отупеть, отупить, отуплять, очертенеть, плести, поглупеть, поглупить, подурачить, подурачиться, придури-

вать, придуриваться, подурить, сглупить, сдуреть, смолоть, сморозить, смудрить, сумасбродить, сумасбродничать, сумасбродствовать, тупеть, удружить (около 39 единиц).

IV. *Наречия*: безрассудно, беспечно, бестолково, глупо, глупёхонько, глупёшенько, глуповато, дико, дурашливо, идиотски, легкомысленно, лихачески, маловразумительно, неблагоприятно, невежественно, неглупо, нелепо, необдуманно, неосмотрительно, неразумно, нерационально, несообразно, несуразно, неумно, поверхностно, по-дурацки, по недомыслию, преглупо, придурковато, простодушно, сглупа, сдуру, тупо (около 33 единиц).

По количественному параметру лексико-семантические группы наречий (33 единицы) и глаголов (39 единиц) далеко уступают прилагательным (84 единицы) и существительным (108 единиц), которые выполняют функцию характеристики человека. Все лексемы, входящие в эти группы, мотивированы (непосредственно или опосредованно) прилагательными или существительными, относящимися к этому концепту.

Во французском языке значение *глупость, умственная ограниченность* также передаётся с помощью слов, имеющих разную частеречную принадлежность.

I. Группой *синонимичных существительных*: *bêtise, aberration, abrutissement, absurdité, amusement, amusette, ânerie, astuce, attrape, babiole, badauderie, badinerie, bagatelle, baliverne, balourdise, baratin, baudet, bécasse, bécassot, béjaune, béotien, berlingot, bestiole, bévue, bibelot, blague, bonté, boulette, bougre, bourde, bourricot, bourrin, bourrique, bricole, broutille, brute, buffle, buse, calembredaine, calinotade, chanson, connerie, crétinerie, crétinisme, croque-mitaine, crucherie, dadais, détail, dommage, écart, enfantillage, épaisseur, erreur, étourderie, facétie, fadaise, fantaisie, farce, faute, faux pas, folie, fredaine, frivolité, futilité, gaffe, ganacherie, ganache, gars, gaudriole, gauloiserie, gourde, grivoiserie, guignol, histoire drôle, huître, idiotie, ignorance, ilotisme, imbécillité, impair, ineptie, inintelligence, insanité, insignifiance, jobarderie, jocrisse, loup, lourdeur, mâchoire, maladresse, maldonne, malavisé, mec, monstre, moule, mufle,*

méprise, naïveté, niaiserie, nigauderie, non-sens, nouille, nullité, paillardise, paon, pâte, pas de clerc, pauvreté d'esprit, pécore, pédantisme, perle, pesanteur, platitude, polissonnerie, propos, quiproquo, rien, sagouin, simplicité, simplicité d'esprit, sornette, sottise, stupidité, vanne, zig, zigoto (около 126 синонимов) [Le Grand Dictionnaire des Synonymes et Contraires 2004 : 125].

Столь объёмные группы существительных и прилагательных, вербализующие данный концепт в русском и французском языках, прекрасно иллюстрируют закон о номинативной дробности: «Чем выше дробность, расчленённость той или иной денотативной сферы, тем большую важность имеют репрезентируемые совокупностью этих средств концепты в сознании носителя языка в данный период, на данном этапе развития общества и мышления» [Попова, Стернин 2001: 98]. Следовательно, концепт *глупость* является одним из ключевых концептов русской и французской ЯКМ, поскольку представлен обширным лингвистическим материалом.

II. *Прилагательными и причастиями*: aberrant, abruti, absurde, ahuri, bête, bête, bêtant, bestial, bêta, bêtasse, bon, borné, bouché, bovin, crétin, cucul, demeuré, déraisonnable, dur, empoté, enfantin, enfoiré, ennuyeux, épais, étourdi, étroit, fâcheux, fada, gauche, godiche, grotesque, idiot, ignorant, ilote, imbécile, impardonnable, inattentif, inepte, inintelligent, innocent, insensé, inutile, lourd, lourdaud, lourdingue, naïf, niais, nigaud, niquedouille, nul, obtus, pauvre d'esprit, pédant, prétentieux, quinaud, regrettable, rétréci, ridicule, rustre, salaud, saligaud, serin, simple, simple d'esprit, solitaire, sosot, sot, stupide, vide (69 единиц).

III. *Глаголами*: abalourdir, abasourdir, abêtir, abrutir, accabler, affaiblir, affoler, ahurir, animaliser, bêtifier, bêtiser, crétiniser, déconner, dégrader, déménager, dérailler, diminuer, ébêtir, embêter, encroûter, engourdir, faire tourner en bourrique, fossiliser, gâtifier, hébéter, rabêtir, ramollir, rendre bête (28 единиц).

IV. *Наречиями*: bêtement, bonnement, gauchement, idiotement, imbécilement, inintelligemment, innocemment, lourdement, maladroitement, naïvement, niaisement, prétentieusement, ridiculement, simplement, sottement, stupidement (16 единиц) [Dictionnaire des Synonymes 2008].

Таким образом, существительные, обозначающие лиц с ограниченной ментальной способностью (126 лексем), составляют самую большую по численности группу, далее следуют прилагательные с семами «умственно ограниченный» и «нерациональный» (69 лексем). Обе эти категории намного превосходят по численности категорию глаголов и наречий. Глаголы позволяют выразить концепт *глупость* только в опосредованной форме, а именно как процесс, посредством которого человек становится глупым (например, *s'abêtir, s'enniaiser, abrutir* и т.д.). Значение наречий в вербализации данного концепта является минимальным и полностью зависит от прилагательного. Все лексеммы, входящие в эти лексико-семантические группы наречий и глаголов, мотивированы (непосредственно или опосредованно) прилагательными или существительными, относящимися к этому концепту.

Имена существительные характеризуют объект, выявляя основание оценки и делая оценочное суждение более категоричным: эмоциональные оценки непосредственно приписываются объекту (адресату), а не передаются опосредованно через характеристику его действий или свойств. Глагол относит оценочную характеристику к определённому временному промежутку, прилагательное переносит акцент с лица на его свойства, существительное же передаёт эмотивно-оценочную информацию о личности как постоянно ему присущую [Трипольская 1999: 196].

Таким образом, число единиц, репрезентирующих концепт *глупость*, оказывается достаточно большим (в современном русском языке – 264 лексем, во французском языке – 239). Как в русском языке, так и во французском существительные, номинирующие ментальное состояние человека, представляют наиболее разработанный и объёмный пласт лексики. Большинство из них являются синонимами или квазисинонимами, имеют яркую стилистическую окраску.

Большое количество отрицательных оценочных единиц имеет ряд приемлемых объяснений. Так, наше представление о норме применительно к оценочной деятельности базируется на абстрактном, усреднённом уровне

нормативной шкалы, но связывается с положительной величиной: нормально быть добрым, честным, умным и т.д., а отразить отступление от нормы и свое отношение к нему для говорящих всегда актуальнее [Арутюнова 1988; Лукьянова 1986; Николаева 1985].

Были проведены исследования с использованием поисковой системы Google как самого объёмного электронного носителя письменных источников, актуализирующего все изменения, происходящие в современных ЯКМ. На момент исследования выявлены следующие результаты поиска перечисленных ниже лексем, репрезентирующих значения концепта *глупость*: *глупость* – около 119.000.000 текстов; *глупый* – около 12.800.000 текстов; *тупость* – около 6.200.000 текстов; *дурак* – 4 360 000; *бестолковость* – около 577.000 текстов, *непонятливость* – около 306.000 текстов; *несообразительность* – около 108.000 текстов; *bêtise* – около 6.010.000 текстов; *sottise* – около 712.000 текстов; *imbécillité* – около 206.000 текстов; *stupidité* – около 1.270.000 текстов; *idiotie* – около 858.000 текстов.

Данные факты, несомненно, свидетельствуют об актуальности исследуемого концепта для носителей обоих языков, что совершенно закономерно, так как интеллектуальная неспособность является одной из важнейших характеристик человека и входит в более общий концепт *человек*.

На основе словарных дефиниций единиц, вербализующих концепт *глупость* и входящих в его различные смысловые зоны, можно сделать вывод, что содержание данного концепта в русском и французском языках составляют следующие характеристики:

1) глупость пересекается с идеей безумия (*кретинизм, сумасшествие, идиот; fou, insensé, déraisonnable, insane, demeuré*);

2) глупость пересекается с идеей невинности и простоты (*бесхитростный, простота; enniaiser, béjaune, blanc-bec, nigaud, nigauderie, bêta, bête, bêtot, simple d'esprit, ballot, balloter, serin*);

3) глупость пересекается с идеей доверчивости, наивности (*наивность, лопух, лопухий, простоватый, простодушный, простота; cornichon, oison, jean-jean, jocrisse, jobard, zozo, cavé, bonard, pigeon*);

4) глупость пересекается с идеей неуклюжести (*простофиля, недомена; dadais, gourde, godiche, tarte, gaffer, gaffe, lourdingue*);

5) глупость пересекается с идеей лени и инертности (*оболтус, рохля; épaisseur, veau, souche, bûche, nouille, moule, falourde, tronche*);

6) глупость пересекается с идеей ограниченной способности понимать (*ограниченность, отсталость, бестолковый, недалёкий, непонятливый, твердолобый; borné, bouché, obtus, limité, étroit, bourrique, branque, lourdeur*);

7. глупость представлена как результат процесса (*задурить, накудесить, обдурить, одурачить, сдуреть, оболванить, отупеть; abrutir* и его производные, *ensuquer*);

8) глупость как характеристика женщины (*дура, дурёха, дурочка; péronnelle, oie, pécore, dinde*);

9) отсутствие ясности в мыслях как свидетельство глупости (*бредовый; brouillon, obnubilation*);

10) смешное поведение как свидетельство отсутствия здравого смысла (*дурачество, дурашливый; loufoque, loufoquerie, facétie*);

11) глупость как неспособность к целенаправленным действиям (*бестолковость; balourdise, niaiserie*);

12) глупость как отсутствие образованности, проявление невежественности (*безграмотность, митрофанушка, невежество, неуч, неграмотный; ignorant, analphabetisme*);

13) глупость характеризуется признаком отрицания здравого смысла (*абсурдность, бессмыслица, бессмысленность, безрассудный; anormal, déphasé, inintelligence*);

14) глупость как недостаток ума (*малоумие, недоумие, неумный*);

15) глупость пересекается с болтливостью (*мелево; calembredaine*);

16) глупость как недостаточная обдуманность (*недомыслие; bévue*);

17) глупость пересекается с упрямством (*âne, ânerie, придурь*);

18) глупость как оценка чего-либо как не заслуживающего внимания (*пустяки, финтифлюшки, чепуха, чушь; bagatelle, bibelot, bourde, broutille, nigauderie*);

19) глупость пересекается с бесчувственностью (*чурбан, abrutissement*);

20) глупость пересекается с забывчивостью (*безголовый, étourderie*).

Рассмотрим базовую структуру концепта *глупость*, объективированного ключевым словом и его синонимическим рядом в русском языке. Обратимся к данным толковых словарей.

В концепт *глупость*, основное значение которого определяется как «отсутствие интеллектуальных способностей», «недостаток способности к пониманию», а также как «ограниченность», вошли в первую очередь имена *ограниченность* и *недалёкость*. Анализ словарного материала, представленного синонимическими рядами словаря З.Е. Александровой [2001], сделал возможным включить в структуру концепта *глупость* следующие лексемы: *бестолковость, непонятливость, тупость, несообразительность, недогадливость, придурковатость, простота, недомыслие, дурость*.

Данные имена описывают людей, умственные способности которых в том или ином отношении недостаточны. Стоит заметить, что все эти существительные описывают нормальных, не больных рассудком людей. По этому признаку они противопоставлены существительным ряда *сумасшедший, безумный, умалишенный, душевнобольной, помешанный*.

Существительное *глупость* — основной член ряда с наиболее широким значением, характеризует недостаток ума, проявляющийся как при формировании собственных мыслей, при самостоятельном анализе ситуации, так и при усвоении чужих мыслей или объяснений. Сравните: *Тебя зарезать мне не удастся, - ответил Левий, оскалившись и улыбаясь, я не такой глупый человек, чтобы на это рассчитывать* [Булгаков 2011: 176].

В некоторых случаях глупость может проявляться в ситуациях, в которых речь идет о молодости и неопытности субъекта. Ср. *Осторожным,*

охотничьим шагом подкрался он [мальчик] к бабочке, сидевшей на цветке львиного зева, и попытался накрыть ее горсткой. Он был глупым неуклюжим малолетком, а бабочка — зрелой красавицей во всеоружии ума и опыта, она легко и грациозно выпорхнула из-под маленькой ладони [Нагибин 1969: 284]. В данном случае употребления *глупый* сближается с *несмышлёный*.

Незрелость, неопытность, недостаток знаний и навыков человека, подразумеваемых при употреблении слова *глупость*, не обозначают ограниченности умственных способностей как таковой: *Я сделал это по глупости, по неопытности* [Салтыков-Шедрин, Эл. ресурс]. Такие умственные способности вполне могут быть развиты в дальнейшем, следовательно резко отрицательной оценки со стороны говорящего в таких контекстах не предполагается. Не случайно говорящий может применить слово *глупость* к самому себе, объясняя причину своего неразумного, неправильного, с общепринятой точки зрения, поведения.

Имя *тупость* указывает на крайне низкую способность субъекта к восприятию чужих мыслей или объяснений, неповоротливость, инерционность ума. Человек, обладающий таким свойством, часто не может теоретически усвоить мысль ни с первого, ни со второго раза: *Скажут, может быть, что Алёша был туп, неразвит, не кончил курса* [Достоевский, Эл. ресурс].

Наиболее привычно для обозначения чьей-то неспособности или слабой способности разобраться в практической ситуации, неспособности планировать свои действия, существительное *бестолковость*. Данное свойство может относиться как к одному из аспектов поведения личности, так и к личности в целом. Ср.: *Но я хотела было попросить тебя, Ипполит Сидорыч... Моя горничная сегодня какая-то бестолковая. – Волосы тебе убрать? – Да, да, пожалуйста* [Тургенев, Эл. ресурс].

Носитель свойства, именуемого *непонятливостью*, проявляет подобную низкую способность к пониманию в ситуации, непривычной для него, тогда как при других обстоятельствах он может оказаться и вполне понятли-

вым: *Мучил её [маму] подчас и папа по какой-то своей непонятливости в делах самых обыкновенных, но для него далёких* [Бенуа, Эл. ресурс]. Непонятливость – это такое свойство человека, которое, в отличие от тупости или недалёкости, считается наименьшим отклонением от нормы: это определённая способность понимать, но обычно очень замедленная, требующая больших усилий. Это свойство обычно относится только к одному из аспектов поведения личности.

Имя *недалёкость* акцентирует слабую способность человека усваивать чужие мысли из-за узости его кругозора, взглядов: *Князь же, вообразив по своей недалёкости, что его хотят купить вместе с титулом, возмущился* [Чехов, Эл. ресурс]. Оно также употребляется для обозначения низкой способности человека к формированию собственных суждений.

Носитель *ограниченности* может быть вполне самостоятельным в выражении мыслей, но у него сужена сфера интересов и т.п. В отличие от слова *недалёкость*, которое больше уместно в применении к обыденной ситуации, к формированию житейских мыслей, *ограниченность* может соотноситься с некими высшими сферами, в которых могли бы проявиться ум человека или его отсутствие (творчество, культурный досуг, философия и т.п.).

Наконец, имя *придурковатость*, в котором уже семантически заложена некоторая «неполнота», «частичность» способности понимать, может употребляться при указании на неполное усвоение чьих-то мыслей: *Кроме носителя того человечка – простого советского ханурика (от которого, несомненно, произошёл Петрович) с его загадочной придурковатостью и вечным куражом – Виталика по-настоящему вообще ничего не интересовало* [НГ 2002, 18 марта].

Рассмотрим семантику основных синонимов лексемы *bêtise*.

Sottise – 1) défaut d'intelligence, de jugement, de bon sens. *Un petit homme au regard pétillant de sottise (...) Il n'en est pas moins convaincu qu'il est spirituel et fort intelligent* [Green 1956: 163];

2) à propos du comportement, d'une manifestation de l'esprit humain. *L'Émile de Rousseau est arrêté par la police. (...) La sottise du système éclatait* [Guehenno 1920: 368];

3) [à propos d'un enfant] action, conduite peu sage, peu raisonnable. *Jusqu'à là, j'avais été fort mauvais écolier; des sottises d'enfance avaient décidé mes parents à me tenir auprès d'eux* [Delecleuze 1825: 198] [CNRTL, Эл. ресурс].

Существительное *sottise* указывает на умственную ограниченность субъекта, на отсутствие у него способности вырабатывать собственные суждения (значение 1). Это существительное уместно и тогда, когда оценивается адекватность действий человека в тех или иных обстоятельствах (значение 2). Данное существительное может употребляться в ситуациях, когда речь идёт о молодости и неопытности субъекта, для характеристики его неразумных действий, но не об ограниченности умственных способностей в собственном смысле слова (значение 3).

Imbécillité – 1) faiblesse des capacités physiques et intellectuelles. *La grande majorité du corps social restait (...) dans l'enfance, dans la primitive imbécillité* [Zola 1902: 63];

2) (méd) arriération mentale congénitale située entre l'idiotie et la débilité, correspondant à un âge mental situé entre 3 et 7 ans et à un quotient intellectuel compris entre 30 et 50, permettant l'acquisition tardive et imparfaite du langage parlé. *De leur mariage il n'y avait qu'un fils en état d'imbécillité depuis son bas âge, et qu'il fallut immédiatement placer sous tutelle* [Verne 1879: 15];

3) [en parlant d'une pers.] manque d'intelligence, de bon sens. *Il importait (...) que tout de même il fût préparé à l'imbécillité de son futur élève* [Mauriac 1951: 75];

4) [en parlant d'un inanimé concr. ou abstr.] caractère de ce qui est imbécile. *Il vient de me raconter le thème des aveugles, et, encore tout tremblant du frisson de la petite mort, nous parlons de la vie, de son imbécillité* [Renard 1890: 70] [CNRTL, Эл. ресурс].

Существительное *imbécillité* характеризует интеллектуальное недоразвитие, слабость интеллектуальных способностей человека (значение 1), используется для характеристики слабоумия (значение 2). Люди, обладающие данной характеристикой, понимают речь окружающих, сами могут произносить короткие фразы, но их речь бедна и неправильна, мышление конкретно и примитивно (значение 3). Данное существительное может использоваться и для характеристики предметов и в данном употреблении является синонимом к слову *неленый* (значение 4).

Stupidité – 1) état d'une personne stupide, paralysée, rendue muette par un choc profond. *Je regardai ses yeux éteints, dans un état de stupidité absolue* [Sand 1837: 300];

2) état d'apathie, de torpeur, d'affaiblissement de la sensibilité. *J'avais comme gagné, à force de marcher le long de ce mur, la stupidité d'un factionnaire qu'on ne relève pas* [Sainte-Beuve 1834: 87];

3) caractère d'une personne qui manque d'intelligence, d'ouverture, de vivacité d'esprit. *Le comte supportait la stupidité de madame Maloir, jouant au bésigue avec elle, malgré son odeur de rance* [Zola 1880: 1452];

4) défaut d'intelligence, lourdeur intellectuelle attribuée à un groupe humain, social. *Je la trouvai stupide, ainsi que je l'avais prévu, mais de cette stupidité sans prétention qui est un charme chez le sexe* [Montherl. 1929: 629];

5) action, parole stupide, qui manque de jugement. « *Mais non, mon vieux... C'est tout simple: nous nous aimons*». – «*Ah, ne dis pas de stupidités!*» *p – fit Antoine brusquement* [Martin du Gard 1936: 601] [CNRTL, Эл. ресурс].

В своём основном значении существительное *stupidité* используется для характеристики состояния глупого человека, ошеломлённого, обескураженного каким-то неожиданным событием (значение 1), состояния апатии, оцепенения (значение 2), характера человека, который не обладает живостью ума (значение 3), отсутствия интеллекта, присущего целой социальной группе (значение 4), а также для характеристики действий, слов, лишённых разумного содержания (значение 5).

Idiotie – 1) (мéd.) état le plus grave d'arriération mentale, souvent accompagné de malformations du système nerveux, des organes des sens, du squelette, et dû à des causes diverses: *On peut considérer que: (...) est atteint d'idiotie tout sujet adulte qui n'a pas l'usage du langage parlé, ne pouvant ni l'employer ni le comprendre* [Encyclop. Educ. 1960: 199];

2) absence d'intelligence, de bon sens. *Et moi donc, quand j'aimais Adolphe! Mais ça, c'était de l'idiotie consciente, presque voluptueuse* [Colette 1910:115];

3) [en parlant du caractère de qn] caractère qui dénote le manque d'intelligence, de jugement de quelqu'un. *Oh! Intensifier leur ascension, quel baragouin d'une solennelle idiotie; quel galimatias ampoulé* [Arnoux 1958: 122];

4) acte, parole, pensée, œuvre qui dénote un manque d'intelligence, de bon sens. *Une brochette d'imbéciles (...) disaient: «Cela nous change des idioties de Sartre, cette finesse de Molière»* [Green 1955: 136] [CNRTL, Эл. ресурс].

В значении 1 существительное *idiotie* является медицинским термином, обозначающим самую глубокую степень умственной отсталости, характеризующуюся почти полным отсутствием речи и мышления, при которой мышление не развивается, реакция на окружающее резко снижена.

В значении 2 данное существительное используется в значении «отсутствие ума, здравого смысла». В значениях 3 и 4 существительное *idiotie* характеризует слова, поступки, мысли, лишённые здравого смысла, неадекватные данной ситуации.

Таким образом, *bêtise* и его синонимы характеризуют интеллектуальные способности личности и личность в целом. И хотя основанием для суждения о человеке и его интеллекте, в конечном счете, служат его слова и поступки, связь оценки с конкретными поступками непрямая. Последние остаются в тени, а акцент делается на том, что данные способности даны нам от природы: *Si tu es bête, c'est pour longtemps* (поговорка).

Как уже было отмечено выше, особенностью французского языка является отсутствие субстантивированного прилагательного, которое служит для характеристики глупых людей. Что касается употребления *bête*

в выражениях *gros bête* или *grand bête*, такое употребление заставляет отодвигать слово от его ядерного положения на периферию так, что оно не способно заполнить эту лауну. Чтобы восполнить, по крайней мере, частично пробел в центре поля, язык начинает применять более или менее нейтральный и общий смысл к соседним лексемам в структуре. Таким образом, *l'homme bête* (глупый человек) назван *idiot*, *imbécile*, *sot*, так как это наиболее нейтральные единицы, служащие для обозначения глупых людей. Три вышеупомянутых прилагательных (или их субстантивированные формы) оказываются в прямой оппозиции к прилагательному *intelligent* (умный), центральному элементу противоположного концептуального поля, поля «ум».

Прилагательное (имя существительное) *imbécile* является самым нейтральным, его значение не осложнено значительными дополнительными признаками, в то время как *idiot* находится на отрицательной части оценочной шкалы. Прилагательное *sot* передает данное значение, смягчая его. Синонимичные отношения между прилагательными *imbécile*, *idiot*, *sot* могут быть проиллюстрированы следующим образом: *imbécile* ↔ *idiot* ↔ *sot*.

Исходя из изложенного выше, номинативное поле концепта *глупость* можно представить следующим образом (см. таблицу №1): ядро концепта *глупость* в русском языке составляют лексемы с высокой частотностью, наиболее общие по значению, в прямом значении, без эмоционально-экспрессивных и темпоральных ограничений, стилистически нейтральные, в минимальной степени зависящие от контекста, такие как *глупый*, *неумный*, *наивный*, *нелепый*.

В ядре отчётливо выделяется центр: *глупость*, *глупый*. Частотность лексем, входящих в центр ядра, намного превышает частотность других единиц. В качестве ядра концепта в русском языке слово *глупый* является несомненным лидером. Во-первых, собственно оно и дало название всему концепту, во-вторых, в ходе компонентного анализа было выявлено, что эти зна-

чения являются самыми нейтральными, а их семантическое наполнение самым точным, по сравнению с другими.

Основными признаками лексем, относящихся к ближней периферии являются: меньшая по сравнению с ядром частотность, стилистическая нейтральность, отсутствие ограничений в употреблении, минимальная зависимость от контекста: *бессмысленный, неграмотный, недалёкий, отсталый, ерунда, невежество* и т.д.

Дальняя периферия включает в себя языковые единицы с невысокой частотностью, как однозначные, так и многозначные. В эту группу слов, в отличие от предыдущих, вошли преимущественно лексем со стилистическими и эмоционально-экспрессивными ограничениями (*простак, отстающий, бесхитростный*). В дальнюю периферию входят также слова, указывающие на отношение человека к чему-либо (*беззаботный, легкомысленный, беспечность*) и лексем, обозначающие то, что не оправдывается здравым смыслом (*бездарность, чушь, абсурд, несуразность*).

Единицы крайней периферии характеризуются низкой частотностью. Большинство многозначных лексем входит в поле *глупость* не в основном значении: *бредовый* в значении ‘нелепый, фантастический’, *сумасбродный* в значении ‘поступающий безрассудно, по случайной прихоти, взбалмошный, неуравновешенный’. Большинство слов имеют яркие стилистические и эмоционально-экспрессивные семы. К крайней периферии относятся устаревшие слова, поскольку они малоупотребительны или же употребляются не в основном значении (например, лексема *оболтус* в значении ‘глупый, неотёсанный человек; бездельник’ ограничена употреблением в разговорной речи). К данной группе слов относятся также лексем, которые в основном значении входят в другую лексико-семантическую группировку, а ‘коммуникативное’ значение является периферийным в их смысловой структуре: *поверхностный, ребячество, пень, чурбан* и другие.

Согласно выявленному корпусу лексем для русского самосознания оказываются важными следующие признаки данного концепта: субъек-

том глупости чаще всего является человек (выражается умственная ограниченность), но глупыми могут также считаться неодушевленные объекты (т.е. лишенные разумного содержания).

Исходя из полученных данных и опираясь на данные Centre National de Ressources textuelles et lexicales, строение концепта *глупость* во французском языке можно представить следующим образом: ядерными компонентами концепта *глупость* выступают лексемы *bête* и её производное *bêtise*. Эти единицы являются нейтральными для описания исследуемого концепта, их суммарное значение можно определить как «недостаток интеллекта» и «отсутствие здравого смысла».

Правомерность выделения единиц *bêtise*, *bête* в качестве ядерных компонентов концептуального поля *глупости* подтверждается высказыванием Г. Бенак (H. Benac): «Bête, terme le plus général, se dit de celui qui manque d'intelligence, de finesse, ou en un sens atténué, d'un étourdi qui raisonne mal (que je suis bête!) et fam. de celui qui écoute trop son cœur au dépens de sa raison» [Benac 1967: 143]. В этом определении мы ориентируемся именно на формулировку «наиболее общий термин».

Единица, принадлежащая центру поля, обладает наиболее высоким уровнем абстракции и обобщения в рамках изучаемой структуры. Имеется единственное прилагательное, которое бы могло конкурировать с лексемой *bête* в его роли центрального члена, а именно, прилагательное *inintelligent*. Последнее образованно от *intelligent*, ограничено своим функционированием в литературном стиле, где оно выступает в роли эвфемизма. И если Раймон Кено (Raymond Queneau) употребляет это слово в диалоге, так это только для создания комического эффекта: один из участников диалога подозревается в том, что он не понимает смысла слова: *C'est pas permis d'être aussi inintelligent que toi, tu sais ce que ça veut dire «inintelligent», espèce de con?* [Queneau 2008: 147]

Хотя *inintelligent* отвечает своим семантическим содержанием условиям, которым должен был бы удовлетворять центральный член нашей струк-

туры, прилагательное *inintelligent* – слишком маркировано своим употреблением в качестве эвфемизма, чтобы оно было связано в языковом сознании говорящего автоматически и регулярно с понятием глупости.

Лексема *bête* является единственной единицей концептуального поля *глупости*, которая может обладать положительной коннотацией. При обращении к ребёнку или другу выражение *ma grosse bête* обладает положительной аффективностью, выражая снисхождение (ср. *дурашка* в русском языке).

К единицам ближайшей зоны смыслового поля относятся слова *sottise, sot, imbécillité, stupidité, idiotie*. В числе выражений, лишённых этической оценки (*imbécile, idiot, crétin*), выделяется группа слов, в содержании которых данная оценка кажется более или менее очевидной. Это утверждение подтверждается наличием семы *доброты* у следующих слов, выступающих в роли эвфемизмов: *benêt, innocent, simple*.

Дальняя периферия включает в себя языковые единицы с невысокой частотностью, как однозначные, так и многозначные. В эту группу слов в отличие от предыдущих вошли преимущественно лексем со стилистическими и эмоционально-экспрессивными ограничениями (*niaiserie, bagatelle*). В дальнюю периферию входят также слова, указывающие на отношение человека к чему-либо (*frivolité, simplicité, crédulité, naïveté*); лексем, обозначающие то, что не оправдывается здравым смыслом (*folie, absurdité*).

Единицы крайней периферии характеризуются низкой частотностью. Большинство многозначных лексем входит в поле *глупость* не в основном значении: *futilité* в значении ‘ничтожество, пустяк’, *fadaise* в значении ‘пошлость, нелепость’. Большинство слов имеют яркие стилистические и эмоционально-экспрессивные семы. К крайней периферии относятся устаревшие слова, поскольку они малоупотребительны или же употребляются не в основном значении (например, лексем *sosot, zig* в значении ‘глуповатый человек’ ограничены употреблением в разговорной речи). К данной группе слов относятся также лексем, которые в основном значении входят в другую

лексико-семантическую группировку: *fadaise, perle, propos, blague, simplicité d'esprit* и другие.

Анализ способов языковой репрезентации является продуктивным методом исследования концептов, но поскольку концепты не имеют жёсткой структуры, а слово своим значением обычно представляет в языке лишь часть концепта, его содержание не может быть раскрыто в окончательном объеме. Совокупность дополняющих друг друга методик позволяет выявить различные признаки концепта. Получить о концепте более полное представление, выявить дополнительные присущие ему признаки можно путём изучения пословиц, поговорок, афоризмов, анекдотов.

2.2. Анализ паремий, объективирующих концепт *глупость*

Своеобразие природы и структуры концепта таково, что для исследования его лингвокультурного содержания помимо анализа семантики ключевого слова, именующего концепт, синонимов, антонимов ключевой лексемы, необходимо обратиться к паремиологии той или иной лингвокультуры. Под паремиологией принято понимать пословицы и поговорки языка. Использование пословиц и поговорок в качестве рабочего материала по выявлению признаков концепта обусловлено тем, что являясь носителями житейской логики, моральных правил и норм, паремии обобщают народный опыт и передают отношение данного этноса к миру в целом. Паремиологическая картина мира как составная часть ЯКМ является одним из значимых источников интерпретации концепта в плане реализации его национально-культурной специфики, поскольку именно в устойчивых речевых высказываниях и закрепляется весь познавательный и культурный опыт этноса [Хроленко 2000: 28].

Не случайно многие учёные, исследующие культурные концепты, обращаются к паремиологическому фонду языка как источнику, материалу для анализа [Алефиренко 2009; Карасик, Шаховский 1998; Попова, Стернин 2001; Телия 1996; Тильман 1999; Толстая 1999; Calvet 1997; Lévi-Strauss 2008; Maloux 2006; Rey 1989; Suzzoni 2006; Visetti, Cadiot 2006].

Пословицы и поговорки, по нашему мнению, наиболее образно, аргументировано и лаконично фиксируют особенности менталитета народа, что объясняется их прецедентностью и их целостностью, лёгкой воспроизводимостью в коммуникации: пословицы и поговорки – это «готовые» к употреблению самостоятельные тексты.

В.Н. Телия считает пословицы «мощным источником интерпретации, поскольку они есть по традиции передаваемый из поколения в поколение язык веками сформировавшейся обыденной культуры, в котором в сентенциальной форме отражены все категории и установки этой жизненной философии народа – носителя языка» [Телия 1996: 241].

Как языковые знаки ситуаций пословицы и поговорки выполняют кумулятивную функцию. Они, согласно утверждению О.А. Дмитриевой, «вызывают в сознании носителей языка определённую сумму сведений, которая, с одной стороны, определяет логическую конструкцию выражения, а с другой – обуславливает границы употребления данного выражения, связь с определёнными жизненными ситуациями, явлениями истории и культуры народа» [Дмитриева 1997: 67]. Паремии особенно чётко и образно отражают те области человеческого бытия и сознания, которые связаны с осознанием человеком собственной сущности, закономерностей человеческого бытия, с восприятием законов социума и осмыслением его традиций, с осмыслением таких, важнейших для человека и общества ценностных категорий, как жизнь, смерть, судьба, здоровье, счастье, любовь и т.д.

К сказанному выше следует добавить мнение исследователя пословиц, поговорок Н. Барли, утверждающего, что «в основе большинства паремий лежат элементы, репрезентирующие оценку содержания с культурной точки зрения ...» [Барли 1984: 136].

В своей диссертации Е.В. Бабаева пишет о том, что в пословицах и поговорках отражен «традиционный и несколько консервативный взгляд на вещи, присущий, как правило, крестьянскому сословию», а значит, они «не могут обеспечить всей полноты представлений» [Бабаева 1997: 144]. Однако

мы полагаем, что необходимо обратиться к анализу данного языкового пласта, поскольку, во-первых, часть пословиц и поговорок по-прежнему употребительна, часть из них трансформирована (например, *Леди с дилижанса – пони легче* и *Баба с возу – кобыле легче*); во-вторых, если рассматривать конкретный концепт, вербализованный в той или иной культуре, отношение того или иного признака в динамике его развития, то необходимо интерпретировать и «золотые зерна, сокровища мудрости народной» [Жигулёв 1986: 4].

Следует отметить назидательный, «рекомендательный» характер подачи информации, который позволяет рассматривать паремии не только как кладезь житейской мудрости, но и как вполне функциональный на сегодняшний день свод установлений по обустройству общества и межличностных отношений. Рекомендации, заключённые в паремиях, прошли не один век «проверки на прочность» и, несмотря на изменения, происходящие в жизни общества, являются универсальным источником познания народной морали и народного мышления.

Пословица не исчезла, так как она «*appartient au domaine de la tradition et qu'il n'a pas besoin d'être vérifié par les faits pour traverser les siècles. La tradition porte en elle-même le principe de sa perpétuité*» [Suzzoni 2006: 190]. (дословно: Пословица относится к традициям и не нуждается в проверке, чтобы пройти через века). Пословица сохраняется и противостоит критике, так как она популярна. Согласно А. Рей (Rey) пословица – «*une parole ancienne, stable, usée*», но «*une parole collective, enracinée dans une histoire dépouillée de toute anecdote*» [Rey 1989: 9].

Очевидно, что сфера употребления пословиц значительно изменилась в настоящее время, а критерии устности или связи с крестьянской средой уже не являются определяющими для этого жанра.

Более того, оказалось, что опыты по созданию связного текста из пословиц по примеру «Комедии пословиц» Адриена де Монлюка возможны и сегодня. Примером может служить следующая статья-фарс, почти целиком состоящая из пословиц: «*Un proverbe est un court énoncé exprimant la vérité de bon sens.*

A l'aide de dictons, maximes et autres sentences résumons les, dix-huit ans de la vie mouvementée des valeurs techno. Sachant qu'au royaume des borgnes les aveugles sont rois. D'abord. La fortune sourit aux audacieux. La patience est la vertu des ânes. Il y a un dieu pour les ivrognes. Qui n'avance pas recule. C'est un aveugle qui conduit un autre. L'habitude est une seconde nature. L'occasion fait le larron. Plus on est de fous, plus on rit. L'appétit vient en mangeant. Qui ne risque rien n'a rien. Ensuite. Les jours se suivent et ne se ressemblent pas. On ne fait pas d'omelette sans casser d'oeufs. Il ne faut pas mettre la charrue devant les boeufs. On ne chante pas triomphe avant la victoire» [LaTribune 10/09/2001]. Данный факт свидетельствует о перемещении традиционного фольклора в городскую среду, а также о его приспособлении к условиям нового информационного общества [Бровкина 2006: 10].

Существует довольно подробно разработанная фольклористикой классификация паремиологических памятников на пословицы, поговорки, приметы и т.д. Однако для целей нашего исследования это не имеет принципиального значения, ибо во всех разновидностях паремиологических источников духовный мир их авторов-носителей отображался в равной степени, что и дает нам право привлечения всех их в качестве источника. Потому выражение «пословицы и поговорки» употребляется в качестве единого термина, иногда заменяемого термином «паремии», подчёркивая тем самым их общность и единство.

Пословицы и поговорки общепринято считать дополнительным источником культурно-национальной интерпретации, ввиду того, что они отражают типовые ситуации и отношения между объектами [Пермяков 1988: 19]. Их типичность оказывается характерной для истории, явлений быта, традиций и обычаев, верований и суеверий народа. Это позволяет обозначить пословицы как прототипы ситуаций, связанных с определённым культурным концептом.

Кроме того пословицы и поговорки несут в себе ярко выраженную оценку. Как отмечает В.И. Карасик, оценка связана с предпочтением, которое человек делает, характеризуя предметы, качества, события, и является проявлением ценностных принципов, практикуемых в деятельности национально-

культурной общности [Карасик 1996: 3]. Следовательно, развёрнутая структура пословиц и поговорок может стать сигналом о ценностной значимости явлений.

В результате сплошной выборки из словарей русского и французского языков [Даль 2007; Мокиенко 2010; Снегирёв 2010; Словарь русских пословиц и поговорок 2002; Уваров 2009; Dictionnaire des proverbes et dictons 2011; Dictionnaire des proverbes, sentences et maximes 2006] нами был составлен корпус паремий (318 единиц в русском языке и 256 во французском), в которых выражается отношение к *глупости*. Критерием отбора единиц является смысловая значимость и соотнесённость значений пословиц и поговорок с явлением *глупости* в русской и французской лингвокультурах. Существование большого количества пословиц и поговорок, объективирующих исследуемый концепт, является подтверждением ранее высказанного тезиса о том, что концепт *глупость* входит в круг важнейших ценностных концептов социума, в частности, русского и французского.

Проанализировав русские и французские пословицы, содержащие концепт *глупость*, мы выделили следующие признаки данного концепта.

1. Общая характеристика умственных способностей человека ясно мыслить:

1.1. Низкий уровень умственной способности к познанию действительности.

Глупого человека невозможно образумить. Подчёркивается бесполезность учения дурака, его неспособность к делу, неумелость и невосприимчивость к обучению: *Неразумного учить – в бездонную кадку воду лить. Дурака учить – что мёртвого (горбатого) лечить. Дурака учить – решетом воду носить. Дурака учить – что на воде писать. Учить дураков – не жалеть кулаков. С дураком говорить – стену молотить*. Опыт человечества показывает абсурдность и нелогичность совершения таких действий, как *носить воду решетом, лечить мертвого, воду лить в бездонную кадку* и т.д. Именно

знание о неразумности действий подобного рода обеспечивает выводное знание – тщетности попыток изменить глупца, статичность его характеристик.

Следующие пословицы: *Дурака крести, а он в воду лезет. Дурака озолоти, а он будет всё то же нести* (что ни делай с дураком, он всё равно поступит так, как захочет) – единицы с «комплексным знанием», так как актуализацию получает сема «дурак – упрямый человек».

Интересным является тот факт, что как в русском, так и во французском языковом сознании тупость и глупость нередко ассоциируются с ослом, ср.: *Осел на осле, дурак на дураке; Un âne chargé d'or ne laisse pas de braire.* (Осла озолоти, а он будет все то же нести); *A laver la tête d'un âne on perd sa lessive* (Заставь дурака богу молиться, он и лоб расшибёт).

Пословица нередко противопоставляет учёность, грамотность неучёности, безграмотности и даже безумию. *Лучше учение, нежели безумие. Ученье – красота, а неученье – сухота. Без ума голова – котёл.* Глупых, «безумных» невозможно встретить среди грамотных, учёных: *Безумен учения не любит* или *Безумен с учёным не пирует.*

Ссылаясь на русского врача и психолога Ю.Ю. Токарского, А.А. Дуров отмечает, что образование не просветляет, а усугубляет глупость дурака, «ложится фундаментом его самоуверенности, так что равно плохо сказываются на дураке и ученье, и неученье». Причину этого Ю.Ю. Токарский видит в отсутствии у дурака сомнения в собственных поступках. Сомнение, как известно из учения Аристотеля, есть печать мудрости [Дуров 1996: 36-37].

Но даже учёность от глупости не спасает. Бывает и так: *учён, да не свершён*, а иногда и *из учёного глуп бывает*. Народная пословица верно говорит, что: *с умом можно и найти, и потерять.*

1.2. Неспособность к выполнению элементарных действий.

Нередко паремии построены на выборе элементарного, простейшего действия, которое дураку оказывается не под силу выполнить: *Дурак на руке пальцев не перчитёт. Дурак на трёх свиней корму не разделит. Заставь дура-*

ка богу молиться, он весь лоб расшибет. *Le fou se coupe de son couteau* (Глупец может порезаться своим ножом).

2. Неадекватность восприятия действительности:

2.1. Буквальное понимание явлений, принятие одного предмета за другой отражено в следующей пословице: *Дураку хоть плюй в глаза, а он: это божья роса*. Глупцу свойственно непреходящее состояние радости от всего, что окружает, даже весьма сомнительного, но особенно от похвалы, яркого и пестрого. *Рад дурак, что пирог велик. Любо дураку, что дыра / чирей на боку. Похвали дурака, а он и рад. Всяк дурак красному рад*. Возможно, это происходит по тому, что дурак живёт в мире собственных фантазий и видит окружающий его мир по-своему.

Во французском языке: *Quand le sage désigne la lune, l'idiot regarde le doigt* (дословно: Когда мудрец показывает на луну, глупец смотрит на палец). Глупец не понимает настоящий смысл вещей, обращая внимание на те характеристики, которые находятся на поверхности.

2.2. Несоответствие действий, поступков реальным объективным обстоятельствам, фактам.

Критерием глупости являются дела, поступки, действия человека. С точки зрения обычных людей, поступки глупцов лишены всякого рационального объяснения: *Умный плачет, а глупый скачет. Где умному горе, там глупому веселье*. Глупым человеком признан тот, кто совершает неумные, неразумные поступки, делает пустое: *Fol est qui cherche ce qui ne se peut trouver* (Глуп тот, кто ищет то, что нельзя найти). *Fol est qui pour le futur donne le présent* (Глуп тот, кто за будущее отдаёт настоящее). *Fol est qui se fait brebis entre les loups* (Глуп тот, кто притворяется овечкой среди волков).

Глупый человек не сообразуется в своих поступках с тем, что принято, разумно: *Дураку семь вёрст не крюк. Посади дурака за стол, он и ноги на стол*. Дураки законов не знают и не подчиняются им: *Дураку закон не писан*.

Согласно Ф. Лу (F. Loux) и П. Ришару (P.Richard) глупость «*menace un peu tout le monde, elle traduit la rupture de l'harmonie entre l'homme et l'univers*

et se manifeste par des comportements quotidiens ne correspondant pas aux normes usuelles» (дословно: глупость угрожает почти всем, она отражает нарушение гармонии между человеком и вселенной и проявляется в повседневном поведении, не соответствующем обычным стандартам) [Loux, Richard 1978: 139]. Примером фиксации такого поведения служат следующие пословицы: *Après la fête, le fou reste* (После праздника глупец остаётся) или *Qui jette ce qu'à ses mains tient, à ses pieds, pour fol se contient* (Глупец тот, кто бросает к ногам то, что держит в руках).

3. Характеристика практического ума человека:

3.1. Неспособность оценивать ситуацию, быть успешным.

Следующие пословицы характеризуют особенности глупого поведения человека по признаку бесполезности: *Les gens sages conservent leurs amis, les fous perdent* (Умные берегут друзей, глупые теряют). Возможно, это происходит потому, что умные люди умеют регулировать свои взаимоотношения, прощают обиды. Глупые же несдержаны и обидчивы, тем самым люди не хотят иметь с ними ничего общего. *La patience et la vertu des ânes* (Терпение – достоинство ослов). Только «осёл» будет долго терпеть и не пытаться ничего изменить. *Quand on n'a pas bonne tête, il faut avoir de bonnes jambes.* – Дурная голова ногам покоя не даёт.

В русском языковом сознании ум ассоциируется со скромностью, а глупость – с бестактностью и бесцеремонностью, например, *Глупый ищет большого места, а умного и в углу видать*, т.е. умный, образованный человек в отличие от глупца сразу обращает на себя внимание окружающих.

3.2. Неспособность не быть обманутым в силу отсутствия знаний и опыта (наивность, доверчивость).

Les gens le disent, les fous le croient (Люди говорят, глупцы верят). *Beaucoup promettre et rien tenir fait fol en espérance* (Люди обещают и не держат своего слова, а дурак надеется). Люди обычно стараются не иметь дела с теми, кто их обманул, дурак же в силу своей наивности продолжает верить всем обещаниям. *Les papiers portent tout, les fous croient tout* (Бумага всё вы-

несет, глупцы верят всему). Можно многое написать на бумаге, но это никогда не превратится в реальные дела.

Дурак – растяпа потому, что позволяет другим пожинать плоды своего труда: *Дураки о добыче спорят, а умные её делят. Дурак дом построил, а умница купил. Les fous inventent les modes, les sages les suivent* (Глупые придумывают моду, а умные ей следуют).

4. Речевая деятельность как объективный показатель интеллектуального развития:

4.1. Неумение строить речевую деятельность.

Французские и русские пословицы вербализуют представление о том, что о глупом человеке люди узнают по его речам: *У дурака что на уме, то и на языке. Осли узнают по ушам, медведя – по когтям, а дурака – по речам. L'âne se reconnaît aux oreilles et le fou au parler* (Осли узнают по ушам, глупца по речам). *La langue du fou est sa ruine* (Язык глупца – его погибель).

В пословицах делается акцент на видимые и значимые признаки данных объектов (животных, дурака). Так, отличительным признаком осла являются уши, медведя – когти, дурака – его речь.

De fol juge brève sentence (У глупого судьи короткий приговор), т.е. непродуманный.

4.2. Болтливость как чрезмерное проявление речевой деятельности.

Авторы энциклопедического словаря отмечают, что «мудрость, как образовательная категория, осуществляет перевод мысли из формы понятия в форму понимания, а поскольку понимание осуществляется всегда в словах, но, в первую очередь, энергетически, мудрость всегда тяготеет к немногословности, краткости, в конечном счёте, – к молчанию» [ЭСК 1997: 273].

Во французских и русских пословицах концептуализируется представление о связи глупости и многословия: *У короткого ума длинный язык. Дурного не спрашивай: сам скажет. Дурак кричит, умный молчит. Глупый болтает, умный думает. Умён дурак, когда молчит. Сравните: Fol semble sage quand il se tait.* – Меньше говори, умнее будешь. Количественная характери-

стика речевой деятельности становится показателем интеллектуального развития. *Un tonneau vide donne bien plus de son qu'un tonneau plein* (От пустой бочки больше шума). Глупцы обычно говорят намного больше, чем умные люди, так как не задумываются ни о том, что было сказано, ни о том, что скажут, в отличие от тех, кто обращает своё внимание на содержательную сторону своего высказывания.

В то же время во французском языке существуют пословицы с противоположным значением: *On se tait plus par jugement que bêtise*. – Молчание не является признаком незнания.

Вот норма, которая касается всех, как умных, так и глупых: «*Celui qui se tait et écoute, même s'il est insensé, est considéré comme intelligent, car rien ne peut satisfaire les hommes autant que celui qui les laisse parler, pensent que celui qui les écoutent est d'accord avec ce qu'ils disent et qu'ils trouvent tout cela très intéressant (ils sont donc presque aussi intelligents qu'eux!)*» (дословно: Тот, кто молчит и слушает, даже если он глуп, считается умным, так как ничто не радует человека больше, чем тот факт, что его слушают. Люди думают, что слушающие согласны с ними и интересуются их словами (они такие же умные, как и я!) [Loux, Richard 1978: 34].

Тем не менее, истинный мудрец не тот, кто всегда молчит, а тот, кто взвешивает свои слова, избегая праздных слов и ненужных объяснений.

5. Темпоральные характеристики. Глупость – явление, имеющее временные параметры:

5.1. Глупость как постоянная, устойчивая характеристика (если был глупым, то им и останешься).

В русском языковом сознании, как и во французском, сформировано представление о том, что глупость – это постоянное качество человека, которое не поддаётся исправлению, излечению: *Кому бог ума не дал, тому кузнец не прикуёт. Глупому сыну и родной отец ума не пришьёт*. Ср.: *La sottise est un mal incurable*. – Глупость неизлечима. *L'ivresse passe, mais la sottise jamais*. – Пьяница проспится, дурак – никогда. Если был глупым, то им и останешься.

ся, дурака и глупого изменить невозможно. *L'homme quand il est sot tout jeune, pour vieillir ne devient point sage. Celui qui boit boira, celui qui est sot le sera.* – Тот, кто пил, будет пить, кто был дураком, тот им и останется. *Quand on est bête, c'est pour longtemps. Sot on l'est toute sa vie.* – Дурак дураком и останется. *Quand on est mort, c'est pour longtemps, quand on est bête, c'est pour toujours.* – Если умер – это надолго, если дурак – это навсегда.

Таким образом, глупцы приобретают особый статус в обществе: ему позволено то, что не позволено другим. Они приравниваются к детям и пьяницам, т.е. к тем, чье неразумие принимается, признаётся и кодифицируется: *Il y a trois sortes de personnes qui ont la liberté de tout dire: les enfants, les fous et les ivrognes* (Все могут говорить дети, глупцы и пьяницы).

5.2. Глупость – повсеместное, вневременное явление.

В несколько гиперболической форме текст пословицы иногда констатирует, что глупость – это повсеместное явление. Примечательно, что гипербола отмечена на материале двух языков: *Il est des sots de tout pays.* – Дураки не переведутся. *Сколько дней у бога впереди, столько и дураков. Дураков не сеют, не жнут, сами рождаются.* Последние две пословицы несут лингвострановедческую информацию, так как пахота, посев и жатва – необходимые элементы сельскохозяйственной деятельности русского крестьянина.

К данной группе мы также относим пословицы, в которых говорится о том, что простодушие, наивность, а иногда и недалёковидность могут проявиться даже у умного человека: *Il n'est si sage qui ne fasse des sottises.* – На всякого мудреца довольно простоты. *На всяк час ума не напасёшься.*

Важными для понимания человеческой сущности являются пословицы, характеризующие глупость, а вместе с ней и всякое неразумие, отклонение от морали и этики, как качество, присущее каждому. *Chacun est fou à sa façon* (Каждый по-своему глуп). *Médecin, prêtre et fou, nous le sommes tous un peu* (Мы все немного врачи, священники и глупцы).

По мнению В.Б. Ширшикова, данное представление было заимствовано из библейских повествований, свидетельствующих о всеобщей греховности и

испорченности человеческого рода. В этой связи *глупость* как качество индивидуума (неважно постоянное или временное) предстаёт в виде универсальной константы, характеризующей и накладывающей свой отпечаток на все бытие человека [Ширшиков 2005: 103].

6. Глупость – явление, имеющее некоторые атрибуты:

6.1. Неадекватность физических данных (внешняя непривлекательность).

Quand la maison est trop haute, il n'y a rien au grenier (Чердак высокого дома пуст). – *Велика Федора, да дура*. Высокий рост человека выступает показателем низких умственных способностей.

Если *ум* в русских паремиях имеет свою материальную локализацию в голове (речь идет об области лба и висков: *Голова без ума, что фонарь без свечи*), то *глупость* – это скорее характеристика человека, которая выражается через описание большой по размеру головы: *Голова с пивной котел, а ума ни ложки. Мозговина (голова) с короб, а ума с орех. Велик баклан (голова), да есть изъян. Голова с печное чело, а мозгу совсем ничего. Голова с лукошко, а мозгу ни крошки*.

Смысловый компонент «голова какместилище ума/пустая голова как показатель отсутствия ума» оказался более актуальным в русских паремиях. Во французском языке такие пословицы менее частотны, ср.: *Grosse tête et petit cou, c'est le commencement d'un fou*. (Большая голова и короткая шея – начало дурака). *Grosse tête, peu de sens*. – *Голова, что чан, а ума ни на канустный кочан*.

Homme roux est très sage ou très fou (букв. Рыжий или очень мудрый или очень глупый). Рыжий цвет – символ огня, горящего в аду, символ греха, и, как следствие, символ опасности [Dictionnaire des symboles 1982: 83].

Le coq sans crête est un capon, l'homme sans barbe est un sot (букв. Петух без гребешка – трус, мужчина без бороды – глупец). Согласно Dictionnaire des symboles борода – символ мужественности, смелости, мудрости. Борода считалась украшением мужского лица. За ней тщательно ухаживали, душили.

Неухоженная и растрёпанная, она считалась признаком сумасшествия [Dictionnaire des symboles 1982: 107].

6.2. Гипертрофированное проявление чувств (смех).

Беспричинный смех объявляется признаком глупости: *A la bouche du sot le rire abonde. Au rire on connaît le fou. – Смех без причины – признак дурачины. Le sot rit et pleure sans savoir pourquoi* (Глупец смеётся и плачет без причины). *Plus on est de fous, plus on rit* (Чем больше дураков, тем больше смеха). В русском языке: *Дураку всё смех на уме. Дураку всё смешно.*

В.Н. Назаров считает, что «смех “русского дурака” уподобляется плачу, а плач смеху»: *Из дурака плач смехом прёт; Дурацкий смех – не смех, а плач.* Он отмечает, что люди смеются «над чужим в себе: бог смеётся над животным в человеке» [Назаров 1993: 178].

7. Группа аксиологических признаков:

7.1. Концептуальные признаки с отрицательной оценкой глупости.

7.1.1. Глупость как качество, представляющее опасность.

Любая форма общения с глупым – угроза для других. Глупость, как и любое другое негативное качество, легко передаётся от одного человека к другому. Русский национальный менталитет отмечает заразительность глупостью: *Дурак, кто с дураком свяжется. В умной беседе быть – ум прикупить, а в глупой и свой растерять. С пьяным под руку – хмельным назовут, а с глупым в речи – дураком почтут.*

Отметим, что «опасность», которую представляет дурак, не следует понимать в строгом смысле этого слова, хотя очевидно, что «степень риска» здесь гораздо выше: *Козла бойся спереди, лошадь сзади, а дурака со всех сторон.* Единственным способом совладать с глупцом считается физическая расправа: *Умный слова боится, а глупый – плети. Велик да глуп – так больше бьют.* Хотя и эта мера признаётся как малоэффективная: *Про всех дураков не напасёшься кулаков. Не вольна в дураке и дубинка.*

Данный признак отражен в пословицах французского языка следующим образом: *Avec les fous, le feu et la poudre, il ne faut pas badiner* (С дурака-

ми, огнем и порохом не шутят). *Du fou et de l'insensé, éloigne-toi si tu veux être sage* (Если хочешь быть умным, избегай глупцов). *Mieux vaut un sage ennemi qu'un sot ami. Sot ami c'est un ennemi* (Не бойся врага умного, а бойся друга глупого). И как следствие: *Bonne journée fait qui de fou se délivre* (Хороший день у того, кто избавился от дурака) или *Avec un fou, prendre les jambes à son cou* (Увидев дурака, убегай со всех ног).

7.1.2 Глупость – отрицательное явление в жизни человека.

В русском языковом обществе глупость лежит в сфере «бедственного», «жалкого», «тяжёлого», «неблагоприятного» и имеет отрицательно-коннотативную окраску, эксплицируемую метафорами «беда, несчастье»: *Простота хуже воровства. Глупость – не порок (а несчастье). Дурак рождается – всему свету беда*. Она скорее ассоциируется с неким горестным событием, постигшим человека неожиданно и лишаящим человека элементарных средств существования (*Глупостью не прокормишься. Глупый разум по миру пускает*), чем с позором (*Чужой дурак – смех, а свой дурак – стыд*) или физическим недостатком. Любая другая ипостась человека приветствуется: *Лучше слыть озорником, чем дураком*. С другой стороны, глупость врождённая более желаемая, нежели тупость умника: *Учёный дурак хуже природённого*.

Во французском языке данный признак на нашем материале представлен следующими единицами: *Il vaut mieux être mauvais que sot* (Лучше быть плохим, чем глупым). *Sot ami c'est un ennemi* (Глупый друг – это враг). *Vieux, pauvre et fou sont trois maux qui ne plaisent pas* (Не любят старых, бедных и глупых).

7.2. Концептуальные признаки с положительной оценкой глупости:

7.2.1. Глупость – качество человека, которому везёт.

Глупому, недалёкому человеку, простаку без особых усилий удаётся достичь того, чего другие добиваются большими трудами и затратами. Концептуализируется представление о том, что дурак и глупый – счастливики: *Дурак спит, а счастье у него в головах стоит*. Находясь «у Бога за пазухой»

глупцу живется легче и везёт чаще, хоть он и не прикладывает к этому никаких усилий: *Дураку везде счастье*.

Несмотря на то, что глупость, в принципе, осуждается, на Руси всегда преобладало особое, как бы трепетное отношение к её «носителю» дураку: *Слепому да глупому вечная память. Малому да глупому всё с рук сходит*.

В пословицах русского языка чётко прослеживается связь человека с Богом, возможно потому, что дураки считались на Руси божьими людьми, особо приближёнными к Богу: *На дурака у Бога милости много. Умный сам по себе, а дураку Бог на помощь. Дураку и бог простит. Дурак - божий человек. На дураке и бог не ищет*. Счастье посылает дураку Бог, т.е. дурак занимает особое место перед Богом среди остальных людей. На Руси считалось, что и ум человека зависит от Бога. Именно Бог может дать ума, или, наоборот, забрать: *Кому бог ума не дал, тому кузнец не прикует*.

Возможно, учитывая божественное, высшее начало, понимание ума как дара свыше, русские люди в пословицах достаточно лояльны к глупым людям, хотя ранее отмечалось неоднозначное отношение к глупости, поскольку глупый, соответственно, не виноват в том, что Бог не дал ему ума, следовательно, глупость – явление, вызывающее жалость и прощение.

Е.М. Мелетинский объясняет данный феномен двояко: «во-первых, компенсацией обездоленного, “обиженного богом”, и во-вторых, проявлением иронического отношения к герою» [Мелетинский 2005: 195].

Во французских пословицах глупого оберегает капризная судьба-фортуна: *A fou fortune. La fortune rit aux sots*. – Дуракам счастье.

Число пословиц, объективирующих концепт *глупость* и содержащих лексему *Бог*, в русском языке несоизмеримо превосходит количество таких пословиц во французском языке. Это показывает отношение всего народа к религии, так как пословица – отображение народной мудрости, устоев, сложившихся веками. Верование в Бога было неотъемлемой частью жизни каждой русской семьи. Традиции, основанные на религии, свято почитались на Руси и передавались из поколения в поколение, от отца к сыну.

7.2.2. Глупость – особый ум.

В пословицах раскрывается имплицитная сторона характера дурака – его сообразительность, ум, хитрость. Паремии закрепляют народный опыт, признающий бесполезность каких-либо мер исправления глупца, его «невписанность» в человеческий стандарт и поэтому особую силу: *Против умного остережешься, а против глупого оплошаешь. И глупый умного одурачит. Дурак завяжет – умный не развяжет.*

Примечательно, что идентичную концептуализацию указанный фрагмент действительности получает на материале двух языков, что позволяет говорить о его универсальном восприятии носителями как русской, так и французской лингвокультурных общностей.

«Французский» глупец способен дать умному дельный совет: *De fou on apprend sens. Un fou avise bien un sage. Un sot peut bien avoir une bonne idée – И глуп иногда молвит слово в лад. Le sage peut apprendre d'un fou* (Мудрец может научиться у глупого). Возможно, имеется ввиду тот факт, что умные учатся на ошибках глупцов.

Глупый имеет необычное видение природы вещей, тем самым проявляет свой особый ум, например: *Un fol fait enrager un sage. En faisant les sots on apprend toujours quelque chose* (Притворяясь глупцом, всегда можно научиться чему-нибудь).

Отмечается пропорциональное соотношение количественной и качественной характеристики в пословичном материале двух языков. Последний показатель позволяет рассматривать соответствующие единицы как полные эквиваленты: *Один дурак, а умных пятерых ссорит. Дурак в воду камень закинет, десятеро умных не вытащат. = Un fol émeut ce que quarante sages ne pourraient apaiser.* Различие, наблюдаемое в образной основе пословичных изречений (*десятеро – quarante*), связано с экстралингвистическими факторами и не ведёт к смысловой разноплановости, так как два числительных выражают значение «множества».

Свойственная людям диалектичность сознания позволяет существовать и пословицам с противоположным значением, говорящим об отсутствии прагматической пользы ума. Отсюда предупреждение о том, что умственные усилия не обязательно приносят пользу: *Глупому счастье, а умному ненастье. В умницы попал, а из дураков не вышел.*

«Умный дурак – специфически русский тип, потому, что вероятно, только русский человек способен подсмеиваться над своими недостатками, не видя в этом никакого ущемления своему достоинству. Но русский дурак – не дурак вовсе, поскольку на самом деле он – инверсия мудрецу» [Колесов 2006: 202]. С этим утверждением перекликается другое суждение: «Иван-дурачок сидит в каждом русском, и нельзя его ни спрятать, ни извести. Да было бы и глупо отказываться от глупости, если мы в ней умнее умного» [Гирёнок 1998: 381].

Идея умудрённой глупости – одна из универсалий культуры и мировой философии. Сократ с его «знаю, что ничего не знаю», учение Лао-цзы, известный трактат Эразма Роттердамского, образы мудрого и только дурачащегося шута в мировой литературе свидетельствуют, что «умное» и «глупое» – сугубо конвенциональные определения и что никто не бывает всё время умным или всё время дураком. Более того, «культ умного, рационального несёт большие опасности духовному развитию, ибо препятствует расширению границ сознания. И ещё неизвестно, что больше рождает чудовищ – сон разума или его культ» [Булычев 2006: 108].

Авторы «Энциклопедии символов, знаков, эмблем» приводят свидетельства в пользу осознания глупости как блага, золота. Признавая амбивалентность глупости, М. Бахтин полагает, что глупость – это «вольная праздная мудрость, свободная от всех норм и стеснений официального мира, а так же от его забот и серьёзности» [Бахтин 1965: 283].

7.2.3. Глупость – необходимое условие существования ума.

Формируется на материале русского языка следующими пословицами: *На дураках белый свет держится. Не будь дураков на свете не стало б и*

разума. Необходимость в глупых людях очевидна, без дураков мир был бы скучен (дурак как необходимое условие существования ума): *A barbe de fol apprend-on à raire. Les fous font les noces, les sages les mangent. Les fous font les festins, les sages les mangent. Les fous troublent l'eau et les sages pêchent.* Простоватостью глупцов пользуются мудрецы: пируют их явствами, ловят рыбу в приготовленном ими месте.

7.2.4. Глупость – не самое плохое явление в жизни человека.

Положительная сторона глупости – неосознание жизненных проблем и трудностей: *Без ума житье – рай. Умный плачет, а глупый скачет.*

Данный признак отражен и в пословицах французского языка: *Il vaut mieux folie que mélancolie.* В языковой ментальности француза меланхолия – большое зло.

8. Группа социально обусловленных признаков:

8.1. Глупость – гендерно маркированное явление.

Глупость женщины проявляется в её неспособности мыслить и поступать логично: *La femme est sage à l'impromptu et folle à la réflexion* (Женщина умна в импровизации и глупа в размышлении). Она может вдохновлять, но не дать мудрый совет: *Demandez aux femmes des inspirations, ne leur demandez pas de conseil* (Просите у женщин вдохновения, но не спрашивайте у них совета). Указывается на связь красоты и отсутствия умственных способностей: *Beauté et folie, sont souvent en compagnie*, поэтому женщина часто воспринимается лишь как объект созерцания, «услада взора», но слушать её не стоит: *Les filles sont à regarder et non à écouter.* Недалёкость, ограниченность женского ума отражается в таких пословицах, как: *Pourceaux, femmes et abeilles ne peuvent être détournés* (Свиней, женщин и пчел невозможно отговорить); *La femme est un animal à cheveux longs et à idées courtes* (Женщина – животное с длинными волосами и короткими мыслями). И как следствие: *Faim, pluie et femme sans raison, chassent l'homme de la maison* (Голод, дождь и глупая жена гонят мужчину из дома).

Концептуальный признак *поведение, свидетельствующее об отсутствии ума* актуализирован в целом ряде и русских поговорок. Отрицательно оценивается женское непостоянство как следствие ее слабого интеллекта: *Пока баба с печи летит, семьдесят семь дум передумает. Бабы хоромы недолго живут. Женские умы - что татарские сумы (переметны).*

Женские выводы и рассуждения нелогичны и непоследовательны: *У бабы семь пятниц на неделе. Меж бабым «да» и «нет» не проденешь иголки.* Отмечается также женская взбаломошность: *Бабий ум - бабье коромысло: и криво, и зарубисто, и на оба конца. Женских прихотей не перечесть.* Но необходимо отметить наличие выражений, которые положительно выводят оценивают ум женщины: *Женский ум лучше всяких дум. Умная жена - как нищему сума: все сбережёт.*

8.2. Глупость – возрастно маркированное явление.

Данная группа пословиц характеризует человека по возрастному признаку и соответствия или несоответствия умственных способностей человека его возрасту.

Борода выросла, а ума не вынесла. Борода велика, а ума ни на лыко. Борода до пояса, а разуму ни волоса. Борода с локоток, а ума с ноготок. В этих пословицах ум сопоставляется с бородой, где борода – символ почтенного возраста. Видимо, нередко бывают случаи, когда *Борода – что ворота, а ума – с малой прикалиток.*

При всём уважении к опыту старости пословица предпочитает ему учёность. При этом в пословице утверждается, что учиться необходимо смолоду: *К мягкому воску чисто печать воображается, а учение во младости крепко вкореняется.* Пословица даже категорична: *Мудрость старости честнее.* Бывает, что и до старости человек ума не наживает: *До старости дожил, а ума не нажил.* И пословица с сожалением говорит о тех, кто *вырос, а ума не вынес, кто ростом с тебя, а разумом – с теля.* Ум связывается с возрастом, и потому не столько с учением, сколько с жизненным опытом и мудростью.

В русских и французских пословицах выражается взаимосвязь и взаимозависимость времени и уровня интеллекта: *Старые дураки глупее молодых. Молодость глупа, старость тупа*. Общий категоричный тон высказывания приводит к гиперболизации значения пословицы. Причина в том, что пословицу интересуют не частности, а закономерности и стереотипы. *Il y a folie à tout âge* (Глупцом можно быть в любом возрасте). *Qui jeune est fou, vieil en a les frissons. Les années font plus de vieux que de sage* (Года делают нас глупее, а не мудрее).

В следующих пословицах прослеживается сочувственное и одновременно снисходительное отношение к носителю свойства, вызванного юным возрастом, который позволяет рассчитывать на интеллектуальное развитие в будущем: *Глупый да малый что ни увидит, то и просит. Малый что глупый, а глупый что малый. Глупый да малый всегда говорят правду*.

Таким образом, возрастные признаки интеллектуальных способностей человека неоднозначны, одна группа паремий указывает на вневозрастные характеристики ума, другая утверждает наличие возрастных ограничений способности к учению, приобретению знаний.

9. Факторы, способствующие появлению данного качества:

9.1. Глупость, приобретённая вследствие влюблённости.

Quand Dieu veut un fou, il fait un jeune marié (Если бог хочет сделать человека глупым, он его женит).

Примеры русских пословиц, которые можно было бы отнести к этой группе, в нашем материале отсутствуют.

9.2. Взаимосвязь материального положения и интеллектуальных способностей.

Данный признак представлен во французском языке на нашем материале одной единицей: *L'argent fait fou les gens* (Деньги сводят людей с ума). Русский менталитет менее категоричен, пословицы, описывающие данный признак носят противоречивый характер. С одной стороны вербализуется знание о прямой связи умственных способностей с материальной обеспечен-

ностью: *У дурака, что на уме, то на гуме* (т.е. пусто). С другой: *Денег много, а разума нет. Голова пуста, да туга сума. Умён, да скуден – и глуп, да богат. Богатый на деньги, голь на ум. Счастье едет в карете, а с умом идёт пешком.*

Отдельно от выделенных признаков следует указать многочисленный пласт русских пословиц и поговорок, в которых описывается ироничная картина, когда собираются вместе два дурака: *Дурак с дураком съедутся, инно лошади одуреют. Дурак с дураком сходились, друг на друга дивились. Два дурака, да у каждого по два кулака. Дурак на дурака нашёл, и вышло два. Дурак с дураком сходились, а оба никуда не годились. Связался дурак с дураком, не разрубишь их и топором. Дурак на дураке едет, дураком погоняет.* Во французском языке: *A sot auteur sot admirateur. Un sot trouve toujours un sot qui l'admire* (Глупец всегда находит другого глупца, который им восхищается).

В результате анализа концепта *глупость* на материале пословиц и поговорок русского и французского языков нами были выделены следующие когнитивные признаки и слои данного концепта (см. таблицу №2).

Анализ паремиологически объективированных когнитивных признаков концепта *глупость* показывает, что историческое сознание народа осознаёт и концептуализирует в паремиях преимущественно негативные характеристики исследуемого концепта, что не противоречит основному содержанию концепта в общенациональной концептосфере. Данное обстоятельство является ещё одним аргументом в пользу признания паремиологической зоны интерпретационного поля самостоятельной когнитивной сферой, отражающей преимущественно исторические представления о русском языке.

Примечательным для французского языка является тот факт, что антонимом к *fou (sot)* (глупец, глупый) в паремических единицах употребляется лексема не *intelligent* (умный), а *sage* (мудрый). Ср: *Les fous sont plus utiles aux sages que les sages aux fous.* – *Дураку вред – умному навет.* Лексема *intelligent* не встретилась ни в одной рассмотренной нами паремической единице.

Означивание и выражение концепта *глупость* осуществляется пословицами о *дураке* в русском языке и пословицами о *глупом человеке* во французском. Большая часть прецедентных текстов пословичного характера в русском языке образуются вокруг понятия *дурак* как носителя разнообразных негативных характеристик интеллекта человека. Негативное отношение говорящего к глупости эксплицируется, таким образом, через высказывания о *дураке*. Большинство из них не являются высказываниями прескриптивного характера, а выражают констатацию факта: *На дураках воду возят. Дуракам закон не писан.*

Число пословиц, объективирующих концепт *глупость* и содержащих лексему *Бог*, в русском языке намного превосходит количество таких пословиц во французском языке.

Данные анализа паремий позволяют говорить, что концептуализация мира носителями русского и французского языка в целом схожа.

В языковом сознании русских и французов *глупость* является характеристикой низких умственных способностей человека, проявляется в несоответствии действий, поступков реальным объективным обстоятельствам, фактам (*Умный плачет, а глупый скачет. Где умному горе, там глупому веселье. Fol est qui cherche ce qui ne se peut trouver. Fol est qui pour le futur donne le présent*).

В паремиологической зоне доминируют когнитивные признаки *низкий уровень умственной способности к познанию действительности (Дурака учить – решетом воду носить); неспособность оценить ситуацию (Les gens sages conservent leurs amis, les fous perdent)*.

В гораздо меньшей степени в паремиологическом фонде концептуализированы такие наблюдения, как *неумение строить речевую деятельность (У дурака что на уме, то и на языке. L'âne se reconnaît aux oreilles et le fou au parler); неспособность не быть обманутым (Les gens le disent, les fous le croient. – Люди говорят, глупцы верят)*.

Признак *неадекватность физических данных* более актуален для рус-

ского человека, для французов большую значимость имеет *несоответствие действий, поступков общепринятым нормам поведения*.

Обращает на себя внимание более терпимое отношение к глупым людям в русском языковом сознании (*С дурака меньше спросу. На дурака обижаться грех. На дурака суда нет*), что, возможно, связано с признанием *распространённости глупости среди людей (Дураки не переведутся)*.

В сознании французов *глупость* часто не осуждается, играя особую роль – роль создания трудностей для умного человека, что показывает тупиковую ситуацию для «нормального» человека: *Дурак в воду камень закинет, десятеро умных не вытащат. = Un fol émeut ce que quarante sages ne pourraient apaiser*. Часто можно проследить нравоучительный характер некоторых паремий: *Ne fais pas d'un fou un messenger!* (Дурака пошлешь, за ним и сам пойдешь). А количество дураков на свете отражает пословица: *Si tous les fous avaient un bonnet blanc, on croirait qu'il a neige* (Если бы все дураки носили белые шапки, то всем казалось бы, что шёл снег).

Полученные данные дают также представление о причинно-следственных отношениях концепта *глупость* с другими концептами, которые относятся к суперконцепту *человек – бедность/богатство, речь* и др.: «бедный, потому что глупый», «глупый, потому что болтливый» и т.п. Аналогичные данные получены Т.А. Леонтьевой [2003] и Е.Л. Березович [2004] при анализе русской диалектной лексики.

Однако нельзя не отметить, что среди анализируемых пословиц и поговорок обнаруживаются единицы, противоречащие друг другу по смысловому содержанию (например, *У дурака, что на уме, то на гуме. – Денег много, а разума нет. Du fou et de l'insensé, éloigne-toi si tu veux être sage. – Le sage peut apprendre d'un fou*), и являются причиной противоречивости концептуальных признаков. Такая противоречивость естественна для концепта, в том смысле, что оказывается характерной чертой концептуальных признаков, функционирующих вне базового слоя концепта. Они оказываются специфическими, поскольку характеризуют (или формируют) интерпретационное поле концеп-

та (по И.А. Стернину). И.А. Стернин отмечает динамичность и подвижность интерпретационного поля концепта [Стернин 2001: 61], что проявляется в приобретении, частичном видоизменении или полном изменении признаков.

Причина неоднозначных оценок, возможно, кроется в неких закономерностях национального сознания или во множественности жизненных ситуаций, в которых применимы разные фрагменты знания и накопленного народного опыта. В.Н. Телия объясняет противоречивость утверждений, содержащуюся в паремиях следующим образом: «язык может отражать и доминирующие в той или иной культурной среде и в то или иное социальное время факты группового или корпоративного, а не только общенародного самосознания» [Телия 1996: 235]. Иначе говоря, пословицы создаются в разных социальных группах, они по-разному могут и истолковываться.

Другой исследователь, Е.В. Бабаева, разделяет точку зрения В.Н. Телия. Парадоксальность паремий, по мнению Е.В. Бабаевой, можно объяснить «неоднородностью субъектов, выступающих в качестве носителей оценочных норм, наличием различных мотивировок оценки и оценочных стереотипов» [Бабаева 1997: 157].

Проведённый анализ языкового материала позволяет сделать вывод, что в русской и французской пословичной картине мира концепт *глупость* включает следующие характеристики: глупец – это тот, кто своим поведением и интеллектуальной деятельностью нарушает норму, разрушает социальные стереотипы и поэтому оценивается неодобрительно. *Глупость* предстаёт синонимом простоты и неопытности, при этом часто является пожизненной характеристикой, приносящей счастье. Непохожесть глупца на всех остальных особенна – она опасна, поскольку её природа необъяснима.

Подтверждение тому, что за концептом *глупость* в сознании русских и французов стоят богатые по содержанию толкования, можно найти не только в пословицах, но и в авторских текстах, которые стали образцами мысли, сгустками мудрости, «интеллектуальным достоянием нации» [Телия 1999: 14] и в целом отражают мнение национально-языкового коллектива.

2.3. Концепт *глупость* в афоризмах

Мы часто судим о людях: одного называем добрым, другого – злым, одного – глупым, другого – умным. А этого нельзя делать. Человек течёт, как река. Он каждый день тот же и не тот же: был глуп, стал умён; был зол, стал добр, и наоборот. Нельзя судить человека. Ты осудил, а он уже другой.
Л.Н. Толстой

Выявление культурно-национального своеобразия и ценностной составляющей концепта невозможно без анализа афоризмов, репрезентирующих данный концепт. Афоризмы представляют собой продукты языкового народного сознания, являются материализацией опыта поколений и отдельных представителей данной культуры и обладают способностью аккумулировать экстралингвистическую информацию.

В афоризмах так же, как в пословицах, поговорках и фразеологизмах, выражена система ценностей конкретного социума. По мнению исследователей [Берков 2005: 3; Крейдлин 1989: 204–206], в афоризмах чётко оформлены культурные ценности и их доминанты. При анализе языкового материала важно учитывать тот факт, что афоризмы как культурно-языковой феномен соотносятся, главным образом, с носителями наиболее образованной части народа. В отличие от пословиц и поговорок они известны не каждому члену сообщества. Ими пользуются, их знают преимущественно носители элитарной культуры (если не трактовать афоризмы расширительно).

Мы согласны с мнением О.А. Дмитриевой, утверждающей, что «в пословице прослеживается ориентация на адресата любого статуса, тогда как афоризм в виде краткого словесного построения воспринимают не все, а только те, кто имеет достаточный жизненный опыт» [Дмитриева 1994: 174].

В обзорной статье, посвященной афоризмам, Н.Т. Федоренко и Л.И. Сокольская справедливо замечают: «В представлении одних людей афоризм – это глубокая, поучительная мысль в краткой образной форме; в представлении других – это парадоксальное суждение в изощренном стиле, тяготеющее прежде всего к оригинальности» [Федоренко, Сокольская 1990: 7]. Сами

же Н.Т. Федоренко и Л.И. Сокольская предлагают считать афоризмами «краткие, глубокие по содержанию и законченные в смысловом отношении суждения, принадлежащие определённому автору и заключённые в образную, легко запоминающуюся форму» [Федоренко, Сокольская 1990: 3].

В филологии нет единого понимания афоризмов. Это языковое явление граничит с родственными ему феноменами – пословицами, поговорками, притчами, крылатыми словами и выражениями, фразеологизмами, эпиграммами, что является причиной сложности его чёткого и однозначного определения [Пермяков 1988; Федоренко, Сокольская 1990].

Афоризмы, как и пословицы, по праву называют самодостаточными, автосемантическими текстами [Дмитриева 1994: 171–180]. При этом степень самодостаточности афоризмов и пословиц различна. О.А. Дмитриева полагает, что в случае с пословицей мы имеем дело с полной автономностью, а в случае с другим видом прецедентного текста – афоризмом – «прослеживается некоторая привязанность к контексту» [Дмитриева 1994: 173].

Сопоставляя афоризмы с паремиями, учёные указывают на их некоторые различия. Так, В.И. Карасик полагает, что афоризмы обычно не содержат метафорических переносов. Часто они звучат как парадоксы, что не характерно для пословиц и поговорок. «В отличие от пословицы афоризм требует осмысления, его структура часто включает сложные и нетривиальные суждения в сжатой форме» [Карасик 2002: 421].

Признак обязательного авторства афоризма, выделенный выше, некоторыми исследователями ставится под сомнение. Так, например, в «Краткой литературной энциклопедии» не указывается принадлежность афоризма определённому автору (КЛЭ, 1962–1975. – цит. по: [Федоренко, Сокольская 1990: 9]). В.П. Берков замечает, что в ряде афоризмов автор неизвестен. Это, по его мнению, отнюдь еще не значит, что данный тип суждений не должен быть включен в класс афоризмов [Берков 2005: 5]. Заметим, что ряд исследователей подразделяют афоризмы на авторские и неавторские, индивидуальные и массовые, народные и книжные [Федоренко, Сокольская 1990: 11].

Согласно Н.Т. Федоренко и Л.И. Сокольской, афоризмы обладают свойством назидательности и поучительности, что их сближает с паремиями. Различие же, на взгляд этих ученых, состоит в тематике указанных прецедентных текстов. «Подавляющее число пословиц носит морально-практический характер, тогда как тематика афоризмов многогранна», – утверждают исследователи [Федоренко, Сокольская 1990: 7, 32].

М. Малу (M. Maloux) в введении к «Dictionnaire des proverbes, sentences et maximes» пишет, что «la sentence diffère du proverbe en ce qu'elle a un sens moins vulgaire et une forme plus abstraite; le proverbe éclaire la vie pratique, la sentence fait réfléchir» [Maloux 2006: 9] (дословно: афоризм отличается от пословицы тем, что у него менее заурядный смысл и более абстрактная форма; пословица освещает практическую жизнь, афоризм заставляет думать).

Таким образом, сила афоризмов заключается в совершенстве подобранных выражающих слов и в умелом возведении актуальных частных явлений жизни в общие принципы, в доминирующие идеи. Им присуща также и воспитательная функция, поскольку они расширяют мир духовных запросов людей, формируют их моральные убеждения. Но поучение в афоризмах происходит не механически: в силу лаконичности они побуждают читателя к собственному размышлению, являются своеобразным катализатором мысли, ускоряя процесс возникновения ассоциаций и идей.

Методом сплошной выборки мы установили список афоризмов, включающий 240 единиц в русском языке и 218 во французском. Источником послужили специальные словари и справочники [Душенко 1993; Королькова, Ломов, Тихонов 2005; На языке Вольтера 2006; Серов 2005; Федоренко, Сокольская 1990; Берков, Мокиенко, Шулежкова 2005; Dictionnaire des citations de langue française 1995; Dictionnaire des citations françaises 2001; Dictionnaire des proverbes, sentences et maximes 2006]. Ценностные представления русских и французских писателей и мыслителей в отношении изучаемого концепта образуют совокупность сложных контрастивных оценок, которые могут быть сведены к следующим семантическим блокам и их формирующим, уточ-

няющим группам.

1. Общая характеристика умственных способностей человека ясно мыслить:

1.1. Низкий уровень умственных способностей к познанию действительности.

Глупым признается человек, не желающий идти по длительному и весьма непростому пути к знаниям, требующему от человека значительных интеллектуальных усилий и терпения: *Гордец не любит наставленья, глупец не любит просвещенья* (Н.М. Карамзин). Для глупца характерно непризнание интеллектуального развития: *Не тот глуп, кто не знает, но тот, кто знать не хочет* (Г. Сковорода).

На глупого упрянца не стоит тратить времени, сил. Эксплицируется знание, признающее бесполезность каких-либо мер исправления глупца: *Не сердитесь на дураков, они будут жить еще долго, к ним следует относиться, как к дурной погоде* (М. Горький).

Повторение своих действий, которые в прошлом не привели к ожидаемым результатам, неспособность воспринять и осмыслить жизненный опыт, извлечь из него уроки, является проявлением глупости и находит своё отражение в следующих афоризмах: *Если вы делаете глупости на каждом шагу, стойте на месте* (Б. Трушкин). *Глупость – есть многократно повторяемая ошибка* (К. Кушнер). *L'expérience ne nous empêche jamais de faire une bêtise: seulement, elle nous empêche de la faire gaiement* (F. De Croisset).

1.2. Глупость – неспособность к выполнению элементарных действий.

Данный признак отсутствует на нашем материале как в русском, так и во французском языке.

2. Неадекватность восприятия действительности.

2.1. Буквальное понимание явлений, приписывание свойств одного предмета другому отражается в следующих афоризмах: *Rien n'est plus sot que de traiter avec sérieux des choses frivoles; mais rien n'est plus spirituel que de*

faire server les frivolités à des choses sérieuses (P. Valéry). Умный считает, что он такой же, как все, глупый – что все такие же, как он (В. Туровский).

2.2. Несоответствие действий, поступков реальным объективным обстоятельствам, фактам.

Умственная посредственность всегда отличается пассивным консерватизмом и противопоставляет натиску новых идей тупое сопротивление инерции... слепой фанатизм и дешёвый скептицизм одинаково часто встречаются в людях ограниченных (Д.И. Писарев). *Глупость делает даже добро с исключительно злым умыслом* (Г. Малкин). *La bêtise consiste à vouloir conclure* (G. Flaubert) (Глупость – это желание сказать заключительное слово). *La bêtise insiste toujours* (A. Camus) (Глупость всегда настаивает на своём).

3. Характеристика практического ума человека.

3.1. Неспособность оценивать ситуацию.

Причина проявления глупости в данном ракурсе сводится к недостатку знаний, образованности, либо неумению применить полученные знания и умения: *Величайшая слабость ума заключается в недоверчивости к силам ума* (В.Г. Белинский).

Некоторые думают, что стоит только обозвать всех дураками, чтобы прослыть умным (В. Ключевский). Глупцы не понимают, что интеллект человека оценивается по его поступкам, поведению. При этом обращается внимание на ограниченность мышления: *Les esprits médiocres condamnent d'ordinaire tout ce qui passe leur portée* (F. de La Rochefoucauld) (Посредственные умы осуждают по обыкновению всё, что выше их понимания).

3.2. Неспособность не быть обманутым в силу отсутствия знаний и опыта (наивность, доверчивость).

Данный признак отсутствует в афоризмах обоих языков.

4. Речевая деятельность как объективный показатель интеллектуального развития:

4.1. Глупость – неумение строить речевую деятельность.

Причинами, вызывающими появление данного качества, является косность ума, заторможенность или неповоротливость мысли: *Легкомысленный человек, не знающий истины, изъясняется абстрактно, высокомерно и неточно* (Г.С. Сковорода). Человек, который знает истину или обладает точным знанием, будет говорить кратко и только по существу.

4.2. Болтливость – чрезмерное проявление речевой деятельности.

В афоризмах французского языка частотным является смысловой компонент *речь* (чаще – устная, реже – письменная) / *язык как средство предъявления интеллектуальных способностей человека*. Качественные характеристики высказанного слова или его отсутствие становятся показателем уровня интеллектуального развития: *La bêtise a deux manières d'être: elle se tait ou elle parle; La bêtise muette est supportable* (H. de Balzac) (У глупости есть два типа бытия: она молчит или она говорит; немая глупость переносима). *On souhaite la paresse d'un méchant et le silence d'un sot* (N. de Chamfort) (Желают, чтобы злой человек был ленив, а дурак молчалив). *Comme c'est le caractère des grands esprits de faire entendre en peu de paroles beaucoup de choses, les petits esprits au contraire ont le don de beaucoup parler, et de ne rien dire* (F. de La Rochefoucauld) (Отличие большого ума от малого заключается в том, что в первом случае говорят многое малым количеством слов, во втором говорят много, при этом не говорят ничего).

Выражения могут передавать негативное отношение, вызванное тем, что речь предшествует мысли или не согласована с ней. Важность первичности мышления над другими видами действий отмечается в следующих афоризмах: *Un homme d'esprit dit une chose sans y penser; un sot la dit sans la penser* (J.-B. de Laborde). *Вся разница между умным и глупым в одном: первый всегда подумает и редко скажет, второй всегда скажет и никогда не подумает* (В.О. Ключевский). *C'est une grande misère que de n'avoir pas assez d'esprit pour bien parler, ni assez de jugement pour se taire* (J. de La Bruyère) (Очень плохо, когда человек не умеет хорошо говорить и у него нет достаточно ума, чтобы молчать).

5. Темпоральные характеристики: глупость – явление, имеющее временные параметры:

5.1. Глупость как постоянная, устойчивая характеристика (если был глупым, то им и останешься).

Только умный может попасть в глупое положение, ибо глупец находится в нем всю жизнь (Г.С. Сковорода). *Souvent on appelle la vie les bêtises que l'on a fait* (J. Chardonne) (Часто жизнью называют глупости, которые были сделаны). *On n'arrête pas le progrès dit-on. La bêtise non plus* (Y. Courrière) (Нельзя остановить прогресс и глупость).

5.2. Глупость – повсеместное, вневременное явление.

Глупости приписывается широкая распространенность среди людей: *Сильна наша глупость, и бесчисленны ее убежища; и у самых умных людей ещё отведены для неё уютные уголки* (Д.И. Писарев). *Похоже, что бесконечность глупости – это только её начало* (Л.С. Сухоруков).

Глупость есть повсеместное явление, это качество, присущее каждому человеку: *У человека два спутника: собственная тень и собственная глупость* (В. Георгиев). *Люди кажутся друг другу глупыми преимущественно оттого, что хотят казаться умнее* (Л.Н. Толстой). *La bêtise humaine est la seule chose qui donne une idée de l'infini* (E. Renan) (Человеческая глупость – единственное, что заставляет думать о бесконечности). *La plus subtile folie se fait de la plus subtile sagesse* (M. Montaigne) (Наиболее тонкие глупости делаются из наиболее тонкой мудрости). *Nous sommes tous obligés, pour rendre la réalité supportable, d'entretenir en nous quelques petites folies* (M. Proust) (Чтобы выносить реальность, мы все вынуждены делать маленькие глупости).

Возможно, это происходит потому, что глупость является отчасти субъективной оценкой, и ум, и глупость часто могут иметь похожие или одинаковые признаки, например: *Ничему не удивляться, говорят, есть признак большого ума; по-моему, это в равной же мере могло бы служить и признаком большой глупости* (Ф. Достоевский).

«*Quiconque veut parler de la bêtise ou tirer quelque profit de tels propos doit partir de l'hypothèse qu'il n'est pas bête lui-même; c'est-à-dire proclamer qu'il se juge intelligent, bien que cela même passe généralement pour une marque de bêtise*» [Musil 2000: 299] (дословно: тот, кто хочет говорить о глупости, должен быть уверен в том, что он сам не является глупцом; уверенность в собственном уме часто является признаком глупости).

Афоризм *Умный тем отличается от дурака, что, когда оба разозлятся, умный становится дураком, а дурак умным* (В. Ключевский) характеризует глупость как черту, неконтролируемую человеком.

Достаточно активное использование в современной русской речи выражения *горе от ума* (по названию комедии А.С. Грибоедова), даёт оценку уму как качеству, которое препятствует жизненному успеху.

6. Глупость – явление, имеющее некоторые атрибуты:

6.1. Неадекватность физических данных.

Данный признак отсутствует на нашем материале в афоризмах обоих языков.

6.2. Гипертрофированное проявление чувств (смех).

Нет ничего глупее глупого смеха (В. Георгиев).

Данный признак отсутствует в афоризмах французского языка.

7. Группа аксиологических признаков:

7.1. Концептуальные признаки с отрицательной оценкой глупости.

7.1.1. Глупость – качество, представляющее опасность.

Любая форма общения с глупым – угроза для остальных. С ним не стоит иметь дело, так как он представляет определённую опасность: *Глупость делает даже добро с исключительно злым умыслом* (Л.С. Сухоруков). *Надо остерегаться двух вещей: собственной глупости и чужой мудрости* (Ю. Зеленецкий), так как собственная глупость может навредить самому человеку, в равной степени как и чужая мудрость. *Услужливый дурак опаснее врага* (И.А. Крылов). *J'aime mieux les méchants que les imbéciles, parce qu'ils se reposent.* (А. Dumas fils) (Я предпочитаю злых людей дуракам, потому что

они отдыхают). *Le seul danger c'est la bêtise ou l'incompétence* (I. Huppert) (Единственная опасность это - глупость или некомпетентность).

7.1.2. Глупость – отрицательное явление в жизни человека.

Негативное отношение к глупости передается афоризмом И. Тургенева *Нет ничего тягостнее сознания только что сделанной глупости.*

Глупость стоит в одном ряду с таким понятиями как лень: *La bêtise c'est de la paresse* (J. Brel) и является антонимом доброты: *La bonté ne mène jamais à la bêtise* (J. Renard); *Celui qui a bon coeur n'est jamais sot* (G. Sand) (Тот, у кого доброе сердце, никогда не бывает глупым).

7.2. Концептуальные признаки с положительной оценкой глупости:

7.2.1. Глупость – качество человека, которому везёт.

Концептуализируется представление о том, что дурак и глупый – счастливики. Взаимосвязь счастье-глупость, раскрывается в следующих афоризмах: *Если «горе – от ума», то дуракам и тут везёт* (И. Герчиков). *Только глупцу жизнь кажется простой!* (М. Горький). *Dieu aide toujours aux fous, aux amoureux et aux ivrognes* (M. de Navarre) (Бог всегда помогает глупым, влюблённым и пьяницам).

7.2.2. Особый ум.

В следующих афоризмах отмечается, что в ряде случаев глупость помогает выйти из затруднительных ситуаций: *Il arrive quelquefois des accidents dans la vie d'où il faut être un peu fou pour se bien tirer* (F. de La Rochefoucauld) (Бывают случаи в жизни, выпутаться из которых может помочь только глупость). *C'est une constatation que sont obligés de faire quelquefois certains hommes: que de sots ont facilement ce qu'ils n'ont pas* (P. Léautaud) (Некоторые вынуждены констатировать: что дураки имеют легко то, чего нет у них). Возможно, это происходит потому, что: *La raison pourquoi les sots réussissent ordinairement dans leurs entreprises, c'est que, ne sachant et ne voyant jamais quand ils sont importuns, ils ne s'arrêtent jamais* (Ch. Montesquieu) (Причина, почему дураки обычно успешны в своих делах в том, что, не зная и не понимая свою назойливость, они никогда не останавливаются).

Глупый имеет особое видение природы вещей, тем самым проявляет свой особый ум, особую мудрость, например: *Если дурак живет чужим умом, то он не так уж глуп* (Б. Крутиер). *Случай – то, чего боится умный и на что рассчитывает глупец* (Г. Малкин). *Самый непобедимый человек – это тот, кому не страшно быть глупым* (В.О. Ключевский). Человек, который признаёт, что попал в глупую ситуацию, может признать свою ошибку, извлечь опыт, и тем самым не допустить возможность повторения данной ошибки в будущем.

В представлении русских и французов ум соседствует с глупостью: *Видимо, нет на свете такой глупости, которую бы умные не осятели своим примером* (А. Бестужев-Марлинский). *Глупость – это всего лишь разновидность ума* (В. Афонченко). *Самые большие глупости мы совершаем обдуманно* (К. Кушнер). *Люди часто путают взволнованную глупость с бурлящим умом* (Ф. Искандер). *Ум – место созревания глупости* (Г. Малкин). *Qui vit sans folie n'est pas si sage qu'il croît* (F. de La Rochefoucauld) (Тот, кто живёт без глупости, не так умен, как он думает). *Il n'est si sage qui ne fasse des sottises* (J. Renard). *Quand on court après l'esprit, on attrape la sottise* (Ch. Montesquieu) (Когда гонятся за разумом, ловят глупость). И наконец: *«Les imbéciles réussissent généralement dans la tâche qu'ils ont entreprise : ce qui prouve d'abord qu'ils ne manquent pas d'intelligence»* [Rosset 1997: 146] (дословно: Дураки обычно преуспевают в делах. Это является доказательством того, что они не лишены ума).

7.2.3. Глупость – необходимое условие существования ума.

Данный признак формируется на материале русского и французского языков следующими афоризмами: *Даже глупости находят умное применение* (К. Кушнер). *Les sots sont ici-bas pour nos menus plaisirs* (J.-B. Gresset). Необходимость в глупых людях очевидна, без дураков мир был бы скучен.

Американский исследователь О. Клэпп в статье «Дурак как социальный тип» утверждает, что дурак, несмотря на низкий статус этой роли, исключительно важен для социального процесса в группе: «fool-making is a con-

tinual social process, it is safe to say that every group must have a fool» [Klapp 1949: 157]. Ролевая сущность дурака заключается в его противопоставлении герою по всем важнейшим качествам – правильному поведению, красоте, изяществу, сообразительности и т.д. [Карасик 2009: 252].

7.2.4. Глупость – не самое плохое явление в жизни человека.

Во французских афоризмах выражается меньшая категоричность по отношению к глупости: *Если обладать умом – не добродетель, то не обладать им – не порок* (D. Diderot). Допускается, при желании, право делать глупости, например: *Il ne faut jamais faire que les sottises qui nous plaisent* (P. Mérimée) (Всегда нужно совершать только те глупости, которые нам нравятся). Для совершения глупости необходимо обладать умениями, то есть не все в состоянии делать глупости в силу склада своего характера: *Il faut savoir faire les sottises que nous demande notre caractère* (N. Chamfort) (Надо уметь делать глупости, которые требует наш характер).

Приводится разграничение глупости и дури: *Il y a des sottises bien habillées comme il y a des sots très bien vêtus* (N. Chamfort) (Есть нарядные глупости, как и хорошо одетая одетая дурь).

Умному никогда не скучно, пока он способен на глупости (Г. Малкин). *Если человек глуп, у него обязательно должны быть и другие симпатичные качества* (М. Генин).

8. Группа социально обусловленных признаков:

8.1. Глупость – гендерно маркированное явление.

Глупость также может быть обусловлена гендерной дифференциацией объекта оценки. Объектами оценки являются женщины, поступки и суждения которых наделяются глупостью со стороны мужчин только потому, что они являются женщинами: *Когда исчерпаны все варианты глупости, женщину оседают новые* (А. Давидович).

В афоризмах затрагивается также тема соотношения женской красоты и ума: *Глупость составляет особенную прелесть хорошенькой женщины»* (Н.В. Гоголь). *У нас женщины тем и сохраняют свою красоту, что никогда*

ничего не думают (А.Н. Островский). *La bêtise est souvent l'ornement de la beauté* (Ch. Baudelaire) (Глупость - часто украшение красоты). *Je n'ai jamais eu de chance avec les femmes. Il est toujours arrivé un moment où leur bêtise a dépassé mon amour* (P. Léautaud) (Мне никогда не везло с женщинами. Всегда наступал момент, когда их глупость превосходила мою любовь).

Но в то же время: *Глупая красота – не красота. Взглядишь в тупую красавицу, всмотришь глубоко в каждую черту лица, в улыбку её, взгляд – красота её превратится мало-помалу в поразительное безобразие* (И.А. Гончаров).

8.2. Глупость – возрастно маркированная характеристика, что видно из следующих примеров: *Всё меньше глупостей мы делаем с годами, но качество при этом их растёт* (М. Мамчич). *Les vieux fous sont plus fous que les jeunes* (F. de La Rochefoucauld). Возможно, это происходит потому, что с возрастом уменьшаются способности достаточно быстро и адекватно оперировать получаемой информацией и так же быстро и адекватно применять предполагаемый приобретённый жизненный опыт.

Но: *Les jeunes feraient surement moins de bêtises si on leur montrait qu'en les commettant, ils n'inventent rien* (B. Poirot-Delpech). В приведённых примерах поведение объекта речи расценивается как глупое, что является результатом отсутствия жизненного опыта, характерного молодому поколению. Прослеживается взаимосвязь и взаимозависимость уровня интеллекта и возраста.

9. Факторы, способствующие появлению данного качества:

9.1. Глупость как следствие влюбленности.

Причиной глупости может также являться страсть, влюбленность, любовь, от которой глупеют. Под данную категорию может попасть любой, кто влюбляется, теряет от этого рассудок, и в результате ведёт себя абсурдно. О специфичности восприятия глупости во французской культуре можем судить именно по наличию афоризмов, где концепт *глупость* пересекается с концептом *любовь*: *Aimer c'est bien là le mot qui a fait dire le plus de bêtises* (J. Renard) (букв. Любить, именно это слово заставляет говорить больше всего глупо-

стей). *Amoureux on le dit ne fait que des bêtises* (R. Lalonde) (букв. Говорят, что влюблённые делают только глупости). Но в то же время: *L'amour ôte l'esprit à ceux qui en ont et en donne à ceux qui n'en ont pas* (D. Diderot) (букв. Любовь забирает разум у тех, у кого он есть и даёт его тем, у кого этого нет).

Примеры русских афоризмов, которые можно было бы отнести к этой группе, в нашем материале отсутствуют.

9.2. Взаимосвязь материального положения и интеллектуальных способностей.

Примеры отсутствуют как на материале русского, так и на материале французского языка.

В результате проведённого анализа мы приходим к выводу, что большинство афоризмов о глупости носят алетичный характер, т.е. констатируют факт или явление, которому иногда даётся нравственная оценка, в некоторых высказываниях присутствует ирония, они сходны по своей структуре.

Соотношение когнитивных признаков концепта *глупость* на материале афоризмов русского и французского языков отражено в таблице №3.

В афористической зоне доминируют когнитивные признаки *низкий уровень умственной способности к познанию действительности, неспособность оценить ситуацию (Величайшая слабость ума заключается в недоверчивости к силам ума), признание распространённости глупости среди людей (Похоже, что бесконечность глупости – это только её начало. La bêtise humaine est la seule chose qui donne une idée de l'infini)*.

В гораздо меньшей степени в афоризмах концептуализированы такие наблюдения, как *возрастные характеристики (Всё меньше глупостей мы делаем с годами, но качество при этом их растёт. Les vieux fous sont plus fous que les jeunes); относительный негативный характер данного явления (Если «горе – от ума», то дуракам и тут везёт. Le sot a un grand avantage sur l'homme d'esprit: il est toujours content de lui-même)*.

При анализе афоризмов в обоих языках остались невыраженными признаки: *неспособность к выполнению элементарных действий, неспособность*

не быть обманутым, неадекватность физических данных, взаимосвязь умственных способностей с материальным положением.

Концепт *глупость* – недостаточное развитие ума – отрицательно оценивается в русской и французской культурах, при этом во французских афоризмах глупость воспринимается как несоответствие действий, поступков объективной реальности (*La bêtise consiste à vouloir conclure*), в русской подчёркивается особая «мудрость» глупца (*Самый непобедимый человек – это тот, кому не страшно быть глупым*).

Во французских афоризмах характеристики концепта *глупость* передают меньшую категоричность в отношении к глупости: *Если обладать умом – не добродетель, то не обладать им – не порок* (Д. Дидро). Допускается, при желании, право делать глупости, например, *Il ne faut jamais faire que les sottises qui nous plaisent* (Р. Mérimée) (дословно: Всегда нужно совершать только те глупости, которые нам нравятся).

Анализ афоризмов с точки зрения выражения в них ценностных характеристик концепта *глупость* позволил выявить связь данного концепта с другими концептами. Подтверждается своеобразие взаимосвязи концепта *глупость* с такими концептами, как *разум, ум, знание* (*Если дурак живёт чужим умом, то он не так уж глуп. Il y a plus de fous que de sages, et dans le sage même, il y a plus de folie que de sagesse. Знание – сила, глупость – мощь!*).

2.4. Концепт *глупость* в анекдотах

Самое смешное – это лишь лёгкое преувеличение того серьёзного, что окружает нас в реальной жизни.
Ч. Чаплин

Выбор анекдота в качестве объекта исследования обусловлен актуальностью лингвокультурного подхода в современной лингвистике. В рамках данного исследования выполнен лингвокультурный анализ анекдотического текста с целью выявления специфики национального характера, менталитета, языковой картины мира и системы ценностей через анализ задействованных в нем лингвистических средств, а также тех стереотипов, на которых он ба-

зируется. Юмор охватывает многие стороны жизни человека и является одним из условий нормальной жизнедеятельности человеческого общества. «Изучение юмора как элемента культуры способствует пониманию как собственной, так и чужой культуры, разницы в трактовке образов самого себя и других» [Кулинич 1999: 5].

Мы исходим также из предпосылки, что анекдотический текст является одним из видов коллективного общения людей между людьми, внешним выражением их эмоций и внутреннего состояния, о чём свидетельствует большой объём публикаций анекдотов в сборниках, средствах массовой информации и глобальной сети Интернет.

Анализ культурологических концепций [Бахтин 1965; Гришаева 1998; Карасик 2009; Курганов 2002; Кулинич 1999; Шмелёва, Шмелёв 2002; Blanchet 1991; Escarpit 1987; Lefort 2002; Raskin 1985; Zazzo 1983] показывает, что юмор является разновидностью комического отношения к действительности, сущность которого состоит в критическом переворачивании ценностей, актуальных для той или иной лингвокультуры.

Анекдот – это короткий связный текст, соответствующий критерию как грамматической и синтаксической, так и смысловой связанности, производимый говорящим намеренно, со специальной целью рассмешить слушающего, понятный слушающему, производимый в определённой ситуации, в которой уместно рассказывание анекдота, и связанный интертекстуальными связями с другими анекдотами и стереотипами анекдотического пространства [Шмелёва 2002: 26].

В отличие от русского языка, во французской традиции происходит разграничение литературных и фольклорных разновидностей жанра. Так, во французском языке, термин *anecdote* обозначает анекдот литературный, в то время как термины *blague (f) / histoire (f) drôle* служат для обозначения анекдота фольклорного.

По мнению Г.Г. Слышкина анекдоты являются текстами, концентрирующими в себе бытовую оценочность. Именно они закрывают ту нишу, ко-

торуую оставляют после себя постепенно уходящие из коммуникации порождения аграрного общества – пословицы и поговорки. Утилитарные ценности не эксплицируются в виде сентенций, но имплицитно инкорпорируются в состав смеховых текстов. Таким образом, снимается значительная доля ответственности говорящего за провозглашаемую ценность («это шутка и ничего более»), открываются возможности для конформистского отказа от ценности, если она противоречит картине мира адресата [Слышкин 2004: 167].

Этого мнения придерживаются и французские лингвисты: «l’histoire drôle est en quelque sorte un genre qui autorise ce qui dans un autre cadre ne le serait pas. C’est une plaisanterie; ce n’est donc pas sérieux ou comme disent les enfants: «c’est pour rire, pas pour de vrai». Enfin, on est souvent dans l’ordre du propos rapporté et ce propos s’inscrit dans un monde particulier, celui de la plaisanterie: de ce fait, l’individu qui raconte une histoire ne se trouve pas fortement impliqué dans le propos [Lefort 2007: 5]. (Букв. Анекдоту позволено то, что не позволено другим жанрам. Это шутка, следовательно, это не серьёзно, или как говорят дети: «это для удовольствия, а не по-настоящему»).

По терминологии А. Бланшет (A. Blanchet) мы имеем дело с «un message qui se caractérise par sa double opacification: le locuteur ne fait pas référence à son univers de croyances (opacification énonciative) et la question du rapport à la réalité ne se pose pas (opacification référentielle). Dans ce type de communication, le jeu est poussé à l’extrême. L’initiateur du jeu fait preuve d’une fausse mauvaise foi dans une situation où il y a connivence et complicité» (дословно: с сообщением, которое характеризуется двойной непрозрачностью: говорящий не ссылается на свой мир взглядов (повествовательная непрозрачность) и вопрос отношения к реальности не возникает (референциальная непрозрачность). В этом типе коммуникации общения игра доведена до крайности. Инициатор игры показывает ложную веру в ситуацию, где есть сговор и соучастие) [Blanchet 1991: 73].

Анекдот и паремию связывает несколько общих признаков, среди которых особенно очевиден малый объём текста. Анекдот находится на стыке

паремии и нарратива. Все паремии кратки и афористичны. Но, в отличие от паремий, анекдот, несомненно, несентенциозен; в нём нет «морали». По мнению Е.М. Мелетинского, в анекдоте акцент ставится не на морализующей идее, «а на самом парадоксе, на выворачивании наизнанку логики обыденной реальности» [Мелетинский 1990: 27].

В анекдоте, как уже подчёркивалось выше, главное не производимое им зачастую комическое впечатление. В анекдоте «берётся житейский случай, и в результате высвечивается достоверность нелепого, реальность невероятного». Анекдот всегда оперирует «фантастичностью каждодневного, немислимостью происходящего на глазах: он демонстрирует и при этом выявляет логику странностей и нелепостей быта» [Курганов 2002: 54].

Мы придерживаемся мнения, что юмор – явление общечеловеческое и в то же время глубоко национальное. Смех всегда национально маркирован, обусловлен культурой того или иного этноса. Анекдот – жанр, в котором смех проявляет себя наиболее явственно, – может быть признан «маркером национальной идентичности» [Копылкова 2006: 20], или «графой в языковом паспорте» [Финкельберг 1994: 20].

Самые характерные и проливающие свет на многие стороны жизни народа анекдоты – это анекдоты о глупости. Они показывают, кто находится в центре культуры, а кто – на периферии, и что культура тех, на кого направлены анекдоты, подчинена культуре рассказчиков анекдотов и производна от неё [Кулинич 1999: 44].

Материалом для исследования послужили тексты современных русских и французских анекдотов, выявленные в результате сплошной выборки из сборников анекдотов и из интернет сайтов анекдотов [Это просто смешно! 1994; Белов 2005; Воронцов 2010; Душа компании 2007; URL:<http://www.anekdot.ru>; URL:<http://www.babuin.hl.ru/anekdot/083-001.shtml>, <http://www.blablagues.net>], в результате нами был составлен корпус примеров (294 единицы в русском языке и 287 во французском), в которых выражается отношение к *глупости*.

1. Общая характеристика умственных способностей человека ясно мыслить:

1.1. Низкий уровень умственной способности к познанию действительности.

Новые русские, внезапно разбогатевшие полукриминальные и часто безграмотные молодые упитанные люди, вызывающие всеобщую неприязнь вследствие несправедливо нажитого богатства и ухарского купеческого поведения, выступают устойчивыми персонажами анекдотов, обыгрывающих стереотипы в представлениях о бизнесменах. Характерными чертами *новых русских* являются их низкий интеллектуальный, культурный и моральный уровень. Их ценности полностью смещены.

В ювелирном магазине «новый русский» выбирает себе золотой нательный крест. Продащица: «Что Вы желаете?» «Новый русский»: «Мне вон ту цепь и крест, килограмма на четыре». – «Вот этот?» – «Да, только без гимнаста».

Герой анекдота не знает, кто распят на кресте, и не понимает, что значит крест для христианина, рассматривая его только в качестве предмета украшения. Анекдоты о *новых русских* (нуворишах) коррелируют с существующими у разных народов историями о «новых богатых» или «богатых глупцах».

Но не только *новые русские* являются носителями глупости.

Едет мужик по Москве в такси и видит памятник Пушкину. «Это кто?» - «Пушкин». – «Это тот, кто “Муму” написал?» - «Нет, “Муму” написал Тургенев». – «Ничего не понимаю: “Муму” написал Тургенев, а памятник – Пушкину!»

В этом тексте гипертрофируется невежество человека, который знает только один хрестоматийный текст – «Муму» и считает, что Пушкин, самый известный русский писатель, и должен быть автором этого произведения.

Пошёл как-то раз доктор Ватсон за грибами и ничего не нашёл. Приходит домой весь расстроенный, пожаловался Холмсу и попросил объяснить причину неудачи. Холмс ответил: «Элементарно, Ватсон! Не сезон сейчас – февраль на дворе».

При этом недостаток интеллектуальных способностей Ватсона подвергается карнавальной гиперболизации. «Из недогадливого человека (какой он

у Конан Дойля и в фильме), он превращается в круглого дурака» [Лурье 1989: 81], и сверхглупость Ватсона становится смысловым центром многих анекдотов.

Чукча говорит жене: «Не знаешь, почему про нас говорят, что мы такие /стучит по дереву/? Жена: «Стучат». Чукча: «Сиди, я сам открою».

Последняя фраза этого анекдота стала прецедентной для русских, её употребляют для характеристики *глупости*, неспособности понять простые вещи. В анекдоте национально-специфическим для русской лингвокультурной среды является отождествление глупости с деревом. Этнонимы употребляются уже во вводной части анекдота для чёткого определения участников анекдотического пространства.

В следующих анекдотах высмеиваются заторможенность, медлительность как качества, связанные с *глупостью*.

Un fou et deux personnes normales arrivent au Paradis. Il doivent monter un escalier de 100 marches sans rire une seule fois. Mais à chaque marche on entend une blague très drôle. La première personne commence, mais à la septième marche, elle pouffe et doit recommencer. La seconde personne, elle, pouffe de rire à la dixième marche. Le fou monte l'escalier et éclate de rire à la quatre-vingt dix-neuvième marche.

- Pourquoi ris-tu si près du but ?

- Je viens de comprendre la blague de la première marche.

Или:

Два наркомана, обкурившись, лежат на кровати. Звонок в дверь... Через полчаса один другому: «Кажется, в дверь звонят...» Через полчаса другой первому: «Может, пойти, открыть дверь?..» Через полчаса первый: «Ну, сходи, открой...» Через полчаса второй встаёт, медленно идет к двери, открывает... На пороге, облокотившись о дверной косяк, стоит третий наркоман: «Ох-х! Не успел позвонить, уже дверь открывают!»

1.2. Неспособность к выполнению элементарных действий.

Сложные отношения *новых русских* с числительными обыгрываются во многих анекдотах, например:

Новый русский звонит по мобиле секретарше. «Слушай, сколько в одном миллионе нулей? Шесть?» «Ну, вот, видишь, - обращается он к своему партнёру по переговорам, - я же тебе говорил, что в двух миллионах двенадцать».

В русских анекдотах реализуется стереотипное представление, что гаишники глупы и невежественны, неадекватно оценивают ситуацию, в погоне за деньгами способны оштрафовать за любое «правонарушение», даже за несостоявшееся.

Сержант Петренко оштрафовал проезжающий мимо каток за отсутствие запаски и лысую резину.

Среди работников ГАИ провели тест на сообразительность. Суть теста: в металлической тытлке вырезаны отверстия различной формы (квадрат, круг, треугольник и т.д.), в них нужно вставить соответствующие металлические тела. По результатам теста работники ГАИ разделились на две группы:

- 1. Тупые,*
- 2. Очень сильные.*

Вместо ожидаемого результата «умный / глупый» в анекдоте пародируется результат: «тупые / очень сильные».

Или, к примеру, радость матери дочери, умеющей произносить своё имя:

Deux mères discutent...

- Ma petite fille est tellement intelligente que même si elle est en deuxième année, elle peut épeler son nom dans les deux sens!

- Ah oui et quel est-il son nom ?

- Anna !

2. Неадекватность восприятия действительности:

2.1. Буквальное понимание явлений, принятие одного предмета за другой. Происходит отождествление предметов по внешним, случайным, несущественным признакам.

Так, характерная особенность героя анекдотов про чукчу – глупость, неспособность понять то, что известно всем, а также буквальное понимание словесного текста:

Чукча звонит в справочное бюро Аэрофлота и спрашивает: «Сколько времени самолет летит до Москвы?» - «Минуточку». – «Спасибо!»

Чукча спрашивает у таксиста, сколько он должен заплатить по счётчику «Три пятьдесят» – «Раз пятьдесят, два пятьдесят, три пятьдесят, а больше чукча не даст».

«Едет чукча в трамвае. Водитель: «Следующая остановка "8-го Марта"...» Чукча: «Ой, а раньше никак нельзя?!..»

Глупцы знают или помнят предметы по внешним и случайным, даже временным признакам, а когда нет этих признаков, перестают узнавать:

Le directeur d'un asile de fous a deux perroquets: un rouge et un vert. Un jour, ils s'échappent et se perchent dans un arbre. Le directeur demande si un des patients peut grimper dans l'arbre. Un fou se présente, monte dans l'arbre et ramène le perroquet rouge. Ensuite, il va s'asseoir. Le directeur lui demande pourquoi il ne va pas chercher le perroquet vert. Le fou lui répond: Comme il n'est pas mur, je l'ai laissé sur l'arbre!

Даже если не происходит полного отождествления предметов и явлений, предметам и существам приписываются несвойственные им качества, в соответствии с которыми происходит парадоксальное манипулирование ими. При этом из вида упускаются те качества, которые исключают подобное манипулирование, совершенно не подходящие материалы, инструменты, место, время.

Источник комического в приведённых анекдотах – нелепость людей, похожих на нас, но ведущих себя не так, как мы. Мишени остроумия видятся рассказчикам анекдотов как комическое, искажённое отражение их самих, т.е. не что-то чуждое, незнакомое и неподдающееся пониманию, а нечто эксцентричное, двусмысленное и поэтому забавное.

2.2. Несоответствие действий, поступков реальным объективным обстоятельствам, фактам.

Чукча – природный, естественный человек Руссо, попавший в чужую для него городскую цивилизацию – является ярким примером обладателя данным качеством. Чукча кажется очень глупым лишь потому, что он в городе продолжает жить по законам тайги.

У чукчи-охотника спрашивают:

- Какая птица самая ужасная?

- Дельтаплана!

- Почему?

- Чукча выстрелил 3 раза, прежде чем он отпустил человека.

Во французском языке данный признак широко представлен в этнических анекдотах о бельгийцах.

Un Belge, sur la glace... Il sort sa scie et sa canne à pêche, et commence à découper un trou dans la glace. A ce moment-là, une voix d'outre tombe, glacée, résonnante, annonce: «IL N'Y A PAS DE POISSON ICI...» Le Belge, stupéfait, s'arrête, regarde autour de lui, ne voit personne, et continue. «IL N'Y A PAS DE POISSON ICI!» Encore une fois, il s'arrête, et tend l'oreille... Inquiet, il reprend son travail. «IL N'Y A PAS DE POISSON ICIIIIIIII!» Et le Belge: «Mais qui parle, une fois?!» «LE DIRECTEUR DE LA PATINOIRE!»

3. Характеристика практического ума человека:

3.1. Неспособность оценивать ситуацию, быть успешным.

Для глупцов очень характерно применение средств, приводящих к результату, прямо противоположным желаемым; выбор средства, примененного в других условиях, но непригодного в том или ином реальном случае; подмена намеченной цели средством, которое становится самоцелью и приводит к последствиям, прямо противоположным тому, к чему стремились.

Часто анекдоты обыгрывают парадокс – непонимание того, как пользоваться той или иной вещью, как вести себя в окружающем мире. Так в следующем анекдоте о чукче высмеивается глупость как неумение обращаться с техническими благами цивилизации:

Бегает чукча по берегу моря в шубе. Окунется-вылезет, окунется-вылезет. Подходит к нему русский:

- Ты что, чукча, делаешь?*
- Шубу стираю, однако.*
- А что, в стиральной машине не получается?*
- Получается, только голову кружит.*

Во французском языке в качестве примера можно привести следующий анекдот:

Dans un aquarium, deux poissons rouges discutent:

- A ton avis, est-ce que Dieu existe?*
- Bien sûr! Sinon qui d'autre changerait notre eau et ferait tomber la bouffe du ciel?*

Глупость, неспособность элементарно правильно наблюдать, связывать причины и следствия вызывает смех. Неправильное умозаключение словами

не высказывается, но проявляет себя в поступках, которые и служат причиной смеха.

В жизни алогизм – наиболее часто встречающийся вид комизма. Неумение связывать следствие и причины оказывается очень распространённым и встречается чаще, чем можно было бы думать. Здесь стоит вспомнить уже приведённые слова Чернышевского: «Глупость — главный предмет наших насмешек, главный источник комического» [(Чернышевский, II, 187) цит. по Проппу].

3.2. Неспособность не быть обманутым в силу отсутствия знаний и опыта (наивность, доверчивость).

Глупость может заключаться в доверчивости к очевидности факта. При этом упускается из виду, что тот же результат может быть достигнут иными средствами, нежели теми, которые выставляет напоказ хитрец и обманщик. Таким образом, в анекдотах наряду с «активной» *глупостью* изображается и «пассивная» *глупость*, т.е. внушаемость простаков, которые с лёгкостью верят всяким небылицам, исходящим из уст плутов-обманщиков.

Как показывает материал, *новые русские* агрессивны, крайне глупы и доверчивы, поэтому их легко обмануть – например, анекдот о том, как *новый русский* дует в выхлопную трубу своего покорёженного «Мерса», или анекдот о барабане Страдивари:

Купил новый русский другу за 100 тысяч баксов барабан от Страдивари, а учёные друзья ему говорят: «Слушай, тебя кинули, как лоха, Страдивари скрипки делал, а не барабаны!» Разозлился новый русский, взял с собой два джипа с братками, поехал к хозяину магазина разбираться. Приезжает довольный, говорит: «Не, ребят, всё путём, этот Страдивари для лохов скрипки делал, а для братвы – барабаны!»

Смешными оказываются не просто глупые действия персонажей, а именно взаимодействие двух «дураков», их попытки подшутить, ввести партнера в заблуждение (при этом нельзя сказать, что второй персонаж претендует на роль «плута»). В этом и в других подобных анекдотах интерес представляет ситуация розыгрыша одним дураком другого, а не просто нелепые действия глупца или обман дурака плутом.

Возможно, что серия современных анекдотов про мужа-подкаблучника берёт свое начало именно здесь. По крайней мере, нельзя утверждать, что образ мужа-тугодума, которого можно без труда обвести вокруг пальца, редко используется в анекдоте:

Муж приходит домой и видит, что его жена обнажена.

– Дорогая, почему ты нагая? Мы же с тобой собирались пойти в ресторан?

– А у меня платьев нет – уверенно отвечает жена.

– Как нет платьев? Я же тебе каждый месяц давал деньги именно на платья. С этими словами муж открывает шкаф и начинает доставать из него платья:

– А это что, не платье, а это разве не платье... здравствуй Петя... а это что, не платье, а это что, не платье....

Такие мужчины, как правило, представлены наивными глупцами, а женщины, несомненно, выигрывают в сравнении с ними, несмотря на то, что выступают в роли коварных обманщиц.

4. Речевая деятельность как объективный показатель психофизического состояния:

4.1. Неумение строить речевую деятельность.

Словарный запас чукчи в анекдотах беден, он ограничивается словарём-минимумом, состоящим из самых простых и употребительных слов; при этом он чаще всего употребляет слова и формы, уместные в разговорах с детьми (*Телефона, телефона, чукча [ц'укц'а] кушать хочет*). Выход за пределы такого словарного запаса воспринимается как маркированный и создаёт добавочный комический эффект, как в высказывании «*Тенденция, однако*», заимствованным из следующего анекдота, который стал «крылатым словом» в современной русской речи:

Сидит чукча на берегу моря и курит трубку. К нему подбегают, говорят: «У тебя олень в море упал!» Чукча невозмутимо курит трубку. Через некоторое время к нему снова подбегают, говорят: «У тебя еще один олень в море упал!» Чукча сидит, курит трубку. Через некоторое время к нему опять подбегают, говорят: «У тебя третий олень в море упал!» Чукча по-прежнему сидит, курит трубку. Наконец к нему побегают, кричат: «У тебя все олени в море попадали!» Чукча вынимает трубку изо рта и говорит: «Тенденция, однако».

Одним из проявлений глупости является неспособность высмеиваемых этнических групп освоить «правильный» язык метрополии. Вероятно, именно этим французов раздражают «неправильно» выговаривающие французские слова бельгийцы.

C'est un belge qui va dans une boulangerie.

– Alléi, Bonjour madame, j'aimerais une livre de pain.

– Vous êtes belge, lui répond la boulangère.

– Comment vous avez deviné ?

– L'accent.

Le belge sort mécontent de la boulangerie et se dit:

– Alléi, c'est décidé, je vais partir 2 ans en Suisse et comme ça, ils ne se moqueront plus!

Le belge part et revient 2 ans plus tard. Il va dans un magasin et demande avec son accent suisse:

– Bonjour Madâââme, j'aimeraiiii une livre de paiiiiinnn.

– Mais vous êtes belge ? lui répond la dame.

Le belge reprend son vieil accent et répond:

– Alléi, comment vous avez deviné?

– Mais monsieur, ici, c'est une boucherie !

Анекдоты про бельгийцев весьма популярны во Франции. Бельгийцам приписывается следующий стереотип поведения: они часто повторяют «однажды», имеют сильный акцент, глупы и обожают жареную картошку.

Стремление сообщить анекдотической глупости по возможности наиболее жизненно-достоверные, правдоподобные черты, попытки приписать свойства маловероятной или вовсе невероятной глупости особому народу, у которого-де всё возможно и ничему не следует удивляться, привели к появлению в фольклоре «глупых народов» [Юдин 2006: 110].

4.2. Болтливость.

– Софа, с кем ты там болтаешь больше часа? - спрашивает муж, высовываясь из окна.

– Это Роза Моисеевна, она так спешит, что не может даже на минутку зайти к нам!

Примеры на материале французского языка отсутствуют.

5. Темпоральные характеристики: глупость – явление, имеющее временные параметры:

5.1. Глупость как постоянная, устойчивая характеристика (если был глупым, то им и останешься).

Примеры отсутствуют в обоих языках.

5.2. глупость – повсеместное, вневременное явление.

Примеры отсутствуют в обоих языках.

6. Глупость – явление, имеющее некоторые атрибуты:

6.1. Неадекватность физических данных (внешняя непривлекательность). Прослеживается связь с концептом *нелепое*. Данный концепт связан с соревновательностью внутри социума, в свою очередь восходящей к биологической борьбе за выживание. К. Гроос отмечал, что основа комического заключается в нелепости, вызывающей приятное чувство собственного превосходства [Гроос 1899: 56]. Концепт *нелепое* реализуется в анекдотах о людях с физическими недостатками (дистрофиках, карликах, толстяках и т. п.) [Слышкин 2004: 44].

Дистрофик за обедом смотрит в тарелку с макаронами и говорит жалобным голосом:

- *Сестра! Опять на ужин трубы!*

Юмористический эффект строится на гиперболизации худобы.

Во французском языке в следующем анекдоте большая голова является признаком глупости.

Chez le marchand de légumes, Toto pleure.

- *Qu'as tu mon garçon?*

- *Papa m'appelle «grosse tête».*

- *Mais c'est pas vrai mon gars, ta tête n'est pas si grosse que ça. Pour te consoler je vais t'offrir quelques légumes.*

- *Merci, m'sieur.*

- *C'est rien, allez, donne-moi ta casquette, que j'y mette mes 5 kg de pommes de terre.*

6.2. Глупость – гипертрофированное проявление чувств.

Примеры отсутствуют на материале русского и французского языков.

7. Группа аксиологических признаков:

7.1. Концептуальные признаки с отрицательной оценкой глупости.

7.1.1. Глупость – качество, представляющее опасность.

Довольно часто анекдоты содержат мотив неблагополучия или опасности для героя-антагониста. Можно привести следующий пример:

Геолог идет по тундре: видит — на склоне сопки лежит атомная бомба, на ней сидят двое чукчей и пилят её ножовкой. Геолог: «Что вы делаете? Она же взорвётся!». Чукчи в ответ: «Ничего, пусть. У нас вон там ещё одна есть».

Множество анекдотов о глупости имеет местом действия самолёт, вертолёт, космический корабль, подводную лодку. Это вполне объяснимо, так как сложная техника стала частью жизни современного общества, а глупость и ошибки людей, управляющих ею, несут угрозу и разрушение другим людям. В подобных анекдотах глупцы получают в руки управление сложными системами, в результате – несчастье, катастрофа, хаос.

Примером разрушительных последствий алогичных абсурдных действия является следующий анекдот:

Au secours! – hurle un homme tombé à l'eau. Je ne sais pas nager!!! Et alors? – Lui répond un matelot, accoudé à la rambarde du bateau. Moi non plus, je ne sais pas.

7.1.2. Глупость – отрицательное явление в жизни человека.

Примеры отсутствуют в нашем материале.

7.2. Концептуальные признаки с положительной оценкой глупости.

7.2.1. Глупость – качество человека, которому везёт.

Примеры отсутствуют в обоих языках.

7.2.2. Глупость – особый ум.

Как было отмечено выше, чукчу считают глупым потому, что в городе он продолжает жить по законам природы, но по-своему он хитёр и умён. Особенно ярко это проявляется в анекдотах о том, как чукча воспринимает бредовые советские лозунги и реалии – например, анекдот о том, что всё у нас в стране делается *во благо человека* и чукча знает *этого человека*.

Комический эффект анекдота создаётся многозначностью прецедентного высказывания *«Всё во имя человека, всё для блага человека»*, в котором

существительное «человек» употребляется в значении любой человек, но в анекдоте понимается как конкретный человек, глава государства.

Во французском языке:

L'intelligent et le stupide font un jeu dont voici les règles:

Chacun d'eux va poser des énigmes à l'autre; si le stupide ne sait pas répondre, il paye 1 F à l'autre; si c'est l'intelligent qui ne sait pas répondre, il paye 100 F parce qu'il est intelligent et c'est plus équitable.

L'intelligent commence:

– Qu'est-ce qui a 4 pattes et qui miaule?

– Je sais pas, tiens voilà 1F.

– Qu'est-ce qui a 4 pattes et qui aboie?

– Je sais pas, tiens voilà 1F.

– Allez, dis quelque chose, toi aussi, demande l'intelligent au stupide.

– Euh... Bon, qu'est-ce qui a 8 pattes le matin et 4 le soir?

L'intelligent réfléchit, réfléchit, il réfléchit pendant une heure mais ne trouve pas. Il se trouve contraint de donner sa langue au chat:

– Je ne sais pas. Tiens voilà tes 100 F... Mais alors c'était quoi la réponse ?

– Je sais pas... tiens voilà 1F.

В данном анекдоте глупость пересекается с сообразительностью, хитростью.

7.2.3. Глупость – необходимое условие существования ума.

Примеры отсутствуют в нашем материале.

7.2.4. Глупость – не самое плохое явление в жизни человека.

Примеры отсутствуют в нашем материале.

8. Группа социально обусловленных признаков:

8.1. Глупость – гендерно маркированное явление.

Блондинки – одни из самых глупых существ на свете, если верить в анекдоты про блондинок. Трудно сказать, что делает их такими – цвет их волос или сама природа, но их анекдотический образ ассоциируется с незнанием, невежеством и отсутствием элементарной логики.

Une blonde rencontre une de ses copines blondes:

– Je viens d'avoir un test de grossesse.

– C' était dur les questions?

По большому счету название «блондика» чаще используется именно для обозначения не очень умной женщины, чем для обозначения женщины со светлым цветом волос.

– Дорогой, ты о чём думаешь?

– Ни о чём...

– Ой! И я ни о чём!!!

– Тебе легче... У тебя мозгов нет.

В следующем примере обыгрывается сочетание красоты и глупости у женщин:

Встречаются два молодых человека – Никак не могу найти себе девушку, они либо умные, но страшные, либо красивые, но глупые. – Ну как, бывают же какие-то исключения из правил? – Да, бывают, это тупые уродины.

В этом анекдоте пропущен вариант совмещения двух плюсов (ум и красота), поскольку подразумевается, что такое сочетание невозможно.

Но не только женщины могут быть объектом насмешек. Следующие примеры показывают, что данное качество присуще обоим полам:

Quelle est la différence entre le cerveau d'un homme et une olive? – La couleur.

или

– *Pourquoi les blagues sur les blondes sont-elles si courtes?*

– *Pour que les hommes les comprennent.*

8.2. Глупость – возрастно маркированное явление.

Концепт *глупость* раскрывается в анекдотах данной группы через категории «плохая память», «неспособность адекватно оценивать окружающую действительность».

Так, преклонный возраст членов Политбюро был постоянной темой политических анекдотов.

Брежнев товарищам по партии:

– *Товарищи! Я настаиваю на выводе товарища Громыко из состава Политбюро... Товарищ Громыко полностью впал в детство – вчера взял с моего стола резинового зайчика, и так и не отдал!*

Анекдоты о «тупых» и «умных» группах тесно связаны с ролью их членов внутри обществ и основаны на конкуренции. Мишенью острот часто

выступают социальные группы, обладающие значительной политической властью, особенно если эта власть основана на политической монополии или на однопартийной системе. Эта глупость проявляется не только в политических ситуациях, но и в повседневной жизни.

Звонит Чукча в Политбюро ЦК КПСС. «Алло, я хочу стать членом Политбюро. Что для этого нужно?» Ему отвечают: «Вы что, идиот?» - «А это обязательно?»

Комический эффект анекдота основывается на нарушении вопросно-ответной формы диалога. Обычно вопрос: «*Вы что, идиот?*» воспринимается как оскорбление, однако чукча реагирует на него уточняющим вопросом: «*А это обязательно?*».

Анекдоты про тупость правителей – «форма протеста против подавления и дискриминации, неподцензурный способ выражения общественного мнения. Страх должен быть уравновешен смехом» [Кулинич 1999: 49].

Г.Г. Слышкин говорит о функционировании концепта *претенциозное*, которое основано на компенсации невозможного в культуре официальной. Всё, что в обыденной жизни воспринимается как высокое, в смеховых текстах подвергается снижению, замене на противоположность. Например, атрибуты власти в официальной культуре – мудрость и сила, в смеховой – глупость и бессилие. Подобные тексты всегда построены по модели «переход от высокого к низкому» [Слышкин 2004: 45].

Во французском языке данный признак широко представлен в анекдотах о пожилых людях, например:

Dans le train, le contrôleur dit à une vieille dame:

– *Votre billet est pour Bordeaux. Or ce train va à Nantes.*

– *Ca c'est ennuyeux, grommelle la voyageuse.*

– *Et ça arrive souvent au chauffeur de se tromper comme ça ?*

В текстах анекдотов данной тематики происходит переворачивание ценного для французского языкового сознания параметра аксиологической единицы – ум – *lucidité* (ясность ума).

9. Факторы, способствующие появлению данного качества:

9.1. Глупость, приобретённая вследствие влюбленности.

Примеры отсутствуют в обоих языках.

9.2. Взаимосвязь материального положения и интеллектуальных способностей.

Примеры отсутствуют в обоих языках.

Отдельно можно выделить анекдоты как о свехрьяных пьяницах, так и о неудачливых трезвенниках, т.е. те случаи, когда алкоголь является причиной глупого поведения.

Deux ivrognes déambulent dans les rues de Paris . Soudain, l'un d'eux aperçoit un agent de police.

– Pardon, Monsieur... hips... l'agent. Le 72 est déjà passé?

– A cette heure-ci, il n'y a plus de bus, voyons! répond sèchement le policier. Allez, circulez!

– Et le 86, il est passé?

– Je vous dis qu'il n'y a plus de bus!

– Il est passé, alors?

– Oui! le 86 est passé! et le 72 aussi!

– Et le 27?

– Le 27 aussi! et le 12, et le 32! Je vous dis de circuler! Il n'y a plus de bus!!

Alors l'ivrogne se tourne vers son copain:

– Viens mon pote. On peut traverser.

Отметим, что в большинстве анекдотов пьянство не получает отрицательной оценки, а выглядит лишь как курьёзное поведение.

Двое алкашей сидят в луже и спорят:

– Мы на луне!

– Нет, мы не на луне!

– Мы на луне!

– Нет, мы не на луне!

– А вон, смотри, за нами луноход приехал.

Как видно, любовь к спиртным напиткам существует не только в России. Однако во Франции (в отличие от России) существует так называемая «культура питья». Так, в течение двадцати лет во Франции было создано множество законов, контролирующих распитие спиртных напитков. Например, был принят закон, запрещающий продавать алкоголь по сниженным це-

нам или предлагать его бесплатно (речь идет о рекламных кампаниях или акциях по продвижению нового продукта). В России «культура питания» пока не выработалась, соответственно, поведение человека по отношению к выпивке никак не контролируется, что вызывает недоумение со стороны иностранцев, являясь причиной мифов о том, что русские – самая пьющая нация в мире [Хрущева 2009: 125].

Поскольку анекдот – всегда нарушение общепринятых норм (моральных, этических, религиозных, идеологических), следовательно, анекдотов больше на те темы, о которых не принято говорить в слух (секс, критика правительства (при тоталитарном режиме):

Когда американцы высадились на Луне, Брежнев вызвал в Кремль наших космонавтов и сказал:

- Американцы на Луне, надо их переплюнуть. Мы решили послать вас на Солнце.

Космонавты заволновались:

- Готовы выполнить любое зада...! Но мы же все там сгорим!

- Вы что думаете, в правительстве дураки сидят? Полетите ночью!

Необходимо отметить, что любая классификация условна. Жизнь всегда сложнее схемы, поэтому почти любой анекдот можно отнести к нескольким классам.

Количественный состав когнитивных признаков, отражённых в анекдотах, представлен в таблице №4.

Сопоставительный анализ русских и французских анекдотов позволил установить наиболее частотные признаки исследуемого концепта: *глупость – низкий уровень умственных способностей к познанию; буквальное понимание явлений; принятие одного предмета за другой* (более актуально для французского языка); *несоответствие действий, поступков общепринятым нормам* (более актуально для русского языка).

Следует отметить, что русские и французы имеют несколько совпадающих характеристик, таких как *отрицательное отношение к глупости, признание связи глупости с возрастом, а также с гендерными различиями.*

Основные различия состоят в следующем: 1) в русском корпусе анекдотов фигурируют примеры, в которых *неадекватность физических данных* выступает в качестве одного из признаков глупости, во французском языке такие примеры малочисленны; 2) признаки *буквальное понимание предметов* и *неспособность оценивать ситуацию* более актуальны для французского языка; 3) в русских анекдотах видна относительная *положительная оценка глупости*; 4) в русских анекдотах *неспособность не быть обманутым* является важным признаком глупости, во французском языке данный признак не выявлен.

Таким образом, *глупость* в анекдотах представляет собой набор нарушений элементарных логических правил, парадоксальный разрыв естественного соответствия субъекта, объекта и предиката и выпячивание противоречий между ними, одновременно отождествление между собой по второстепенным или мнимым признакам разнородных предметов, существ и действий. Можно сказать, что именно абсурдные парадоксы являются специфической чертой анекдотического жанра.

Однако смеховое сознание в большей мере привлекает не внешняя, а внутренняя нелепость. Очень большое количество анекдотов посвящено различным видам глупости и их носителям. Так, в анекдотах о чукче часто высмеивается глупость как неумение обращаться с техникой и прочими благами цивилизации, в анекдотах о работнике ГИБДД – глупость как неумеренная жадность, в анекдотах о наркоманах – глупость как заторможенная реакция на действительность, в анекдотах о блондинках – невежество, в анекдотах о бельгийцах – неспособность освоить «правильный» язык.

Результаты анализа приведённого материала показывают, что анекдот фокусирует в себе типичные образцы поведения, которые поддаются статистическому анализу. Тем самым подтверждается идея М.М. Бахтина о карнализации ценностей общества как необходимом механизме социального развития. Типичные герои анекдотов могут быть смоделированы по аналогии

с персонажами волшебной сказки, как это было сделано В. Я. Проппом в его классической работе «Морфология волшебной сказки» [Пропп 2001: 106].

Профанизация сакрального есть подтверждение его значимости. Иначе говоря, если некоторая идея не переживается, то она становится малозначимой, не актуальной для общества. Разумеется, профанизация осуществляется не только через осмеяние, но осмеяние является наиболее естественной формой проверки жизненности той или иной официальной идеи или ценности. На основании этого тезиса мы считаем, что анекдот как жанр речи – это наиболее распространенный способ социальной оценки ценностей. В этом смысле анализ анекдотов имеет значимость не только для лингвистики, но и для социологии и культурологии [Карасик 2002: 257].

Важно отметить, что выделенные признаки концепта *глупость* по данным анекдотов лишь частично коррелируют с признаками низких умственных способностей, устанавливаемыми в лексической семантике, в значении пословиц и афоризмов в русском и французском языках. Так, на материале анекдотических текстов нам не удалось установить признаки, выявляющие *темпоральные характеристики* глупости, описывающие глупость как *необходимое условие существования ума*, как *везение*, взаимосвязь *глупости* и *любви*, *глупости* и *материального положения*. Факт такого несовпадения требует осмысления и проверки на более представительном материале, касающемся других концептов, но предварительно, можно утверждать, что дискурсивные признаки концептов являются взаимодополняющими по отношению к признакам, выделяемым на основе анализа лексики и паремиологии.

Возможно, это объясняется спецификой анекдота как жанра современного фольклора, которая заключается в усложнении (по сравнению с традиционным фольклором) структуры нормативного основания ценностной модели мира, что опять же связано с особенностями субъекта оценки – рефлексирующим сознанием интеллигенции. Если в традиционном фольклоре указанная структура двоична («норма/антинорма»), то в анекдоте она приобре-

тает троичность: «норма/стереотип/антинорма». С некоторым допущением можно сказать, что система стереотипов в традиционном фольклоре не выходит за пределы нормы, лежащей в основе представления ценностной модели. Объектом обсуждения там становится непосредственно «антинорма» как система нарушения нормы (=стереотипов). В анекдоте стереотипы формируются на основании «антинормы», поэтому непосредственно «антинорма» в анекдоте обсуждению не подвергается. Так, в среде бытования анекдота традиционное представление о семейных ценностях, о нормах существования семьи сохраняется, но одновременно в силу специфики социальных условий стереотипным становится нарушение этих норм [Тубалова, Эмер 2005: 286].

Анекдот как жанр современного фольклора отражает ценностную картину мира, соответствующую реальному времени жизни социума. Это отличает его от системы традиционного фольклорного мировидения, устойчиво ориентированного на традицию, на традиционные объекты оценивания, воспринимающего норму как неизменную, постоянную величину.

Выводы по Главе 2

Лингвокультурный концепт *глупость* отражает специфику русской и французской картин мира и русского и французского языкового сознания и имеет множественное языковое выражение, в частности в пословицах, афоризмах, анекдотах русского и французского языков, которые служат своеобразным инструментом для измерения культурных доминант в языке.

Проведенное исследование концепта *глупость* позволяет сделать вывод о том, что представления об интеллекте человека, характеризующиеся сложностью, многоплановостью и неоднозначностью, являются одними из ключевых как в русской, так и во французской картине мира.

Объективация концепта *глупость* проявляется в системе ядерных и периферийных признаков. Ядерные признаки раскрывают сущностные свойства концепта и являются константными, так как содержатся во всех его актуализациях. Содержательный минимум концепта *глупость* выражается как «ог-

раниченные умственные способности». Эти способности конкретизируются в следующих направлениях: 1) неспособность правильно воспринять текст, слова; 2) неспособность правильно оценить ситуацию; 3) неспособность формировать собственные мысли или усваивать чужие; 4) регулярность проявления свойства или ситуативность.

Языковые данные, почерпнутые нами из паремий, афоризмов, анекдотов, выступивших, помимо лексических номинантов, источником для описания концепта *глупость*, свидетельствуют о сходстве и различиях в исследуемых культурах.

Концепт *глупость* – недостаточное развитие ума – отрицательно оценивается в русской и французской культурах, при этом во французских пословицах глупость воспринимается как достаточно серьёзный недостаток, в то время, как в русской паремиологии отмечается широкое распространение глупости и необходимость принимать глупцов такими, какие они есть (глупцы иногда говорят правду).

Как показал анализ эмпирического материала, русские афоризмы вариативно дублируют отношение к глупости, выраженное в русских пословицах, французские афоризмы менее категоричны в оценке этого качества, подчёркивая положительные стороны глупости.

Общее выражается в том, что:

– компоненты концептов *глупость* / *bêtise* в русском и французском языках образуют относительную структурную симметрию: слова-репрезентанты сопоставляемых концептов имеют сходные понятийные признаки, зафиксированные в лексикографических источниках (*глупость* – отсутствие интеллектуальных способностей самого человека, результаты его интеллектуального труда – объекты (абстрактные и конкретные), его действия и поступки));

– в русских и французских паремиях, афоризмах обнаруживается оппозиция порицания глупости и снисходительного отношения двух социумов к низкому уровню умственных способностей;

– оба концепта широко представлены в анекдотах, где глупость представляет набор нарушений элементарных логических правил.

Национально-специфические особенности проявляются:

1) в составных элементах структуры концептов, что связано со значительным объёмом содержания концептов *глупость* и *bêtise* в русском и французском языках;

2) в различиях объёма когнитивных признаков концептов *глупость* и *bêtise* (на материале пословиц в русском языке представлен 21 признак, во французском – 22, на материале афоризмов соответственно – 17 и 16, на материале анекдотов – 14 и 12) в силу того, что культурные доминанты языка устанавливаются по признаку количества ценностно-маркированных суждений, а отсутствие или незначительное число пословиц, афоризмов или анекдотов на определённую тему свидетельствует о неактуальности этой темы для ценностной картины мира данного народа.

Национально-культурная специфика концепта *глупость* в русском и французском языках обусловлена различными интра- и экстралингвистическими факторами (культурологическими, историческими, религиозными) и проявляется в разном отношении народов к одним и тем же явлениям.

Таким образом, проведённое исследование позволило выявить большой потенциал вербальных реализаций концепта средствами двух языков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основная цель исследования заключалась в выявлении общих и различных черт в реализации концепта *глупость* в двух ЯКМ (русской и французской), и, как следствие, в понимании данного концепта представителями исследуемых лингвокультур.

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы.

ЯКМ – исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отражённая в языке совокупность образов, понятий, стереотипов, представляющих собой знания определённого народа об окружающем мире, которые на уровне сознания хранятся в виде концептов. Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой ККМ шире, чем ЯКМ, поскольку язык не в состоянии отразить всё богатство содержания концептосферы, так как далеко не все концепты имеют языковое выражение.

В соответствии с особенностями лингвокультурологического и лингвокогнитивного рассмотрения концепта в данном исследовании под термином *концепт* мы принимаем следующее определение: *концепт* – базовая единица культуры, междисциплинарное, многоаспектное образование, соединяющее в себе элементы сознания, действительности и языкового знака.

Критериями культурной значимости концепта служат прецедентность, культурная разработанность поля концепта, частотность и востребованность репрезентирующих его языковых единиц в синхронном функционировании языка. Концепт *глупость* соответствует критериям, определяющим понятие лингвокультуремы. Благодаря оценочной природе содержания концепта *глупость*, исследование данной категории открывает прямой доступ к изучению ценностных установок русского и французского лингвокультур.

На основе анализа словарных дефиниций в качестве имени концепта в диссертации для русского языка была выбрана лексема *глупость*, для французского – *bêtise* как наиболее употребительные наименования, достаточно обобщённые по своей семантике, стилистически нейтральные слова. Данные ключевые слова являются многозначными и дают достаточно богатый материал для когнитивной интерпретации.

По данным толковых словарей, концепт *глупость* имеет широкие образную и понятийную сферы. В большинстве своём концепт *глупость* в русской ЯКМ связан с отрицательной коннотацией и служит для характеристики с негативной стороны как интеллектуальных способностей самого человека, так и результатов его интеллектуального труда – объектов (абстрактных и

конкретных), его поведения. Глупым считается всё, что выходит за рамки установленных норм и стереотипов и поэтому оценивается неодобрительно. Таким образом, можно говорить практически о «совпадении» сем в словах *глупость* и *bêtise* как в их основном значении, так и в производных.

Интерпретация говорящими понятий глупого человека, поведения, поступка отличается эмотивно-оценочным варьированием, охватывающим значения отрицательного и неотрицательного плана. Эмотивно-оценочные смыслы ‘сочувствующее’, ‘жалостливое’, ‘снисходительно-насмешливое’ свидетельствуют о специфических чертах русской языковой картины мира, тогда как негативные коннотации являются универсальной характеристикой ценностной парадигмы любого социума.

Этимологический анализ лексем *глупость/bêtise*, входящих в ядро концепта *глупость*, показал, что в русском языке представление о несоответствии человека общим суждениям берёт своё начало в физических недостатках, далее в неспособности воспринимать и только в современном языке связано с низкими интеллектуальными способностями человека. Во французском языке в качестве прототипа выступает животный мир, олицетворяя собой бесознательное, неконтролируемое начало.

Деривационный анализ показывает различную структуру и несовпадение семантики производных в анализируемых языках при значительном количественном несовпадении производных единиц (35 – в русском языке и 22 – во французском). Например, во французском языке большее количество существительных, наречие представлено одной единицей, в русском языке единицы распределены по частям речи приблизительно одинаково. В русском словообразовательном гнезде фиксируется больше эмотивно-оценочных существительных: *глупыш*, *глупенький*. Наличие довольно продолжительного ряда однокоренных слов ещё раз является подтверждением значимости концепта *глупость* в русской и французской лингвокультурах.

Афоризм и пословица, описывающие нравственный мир человека, могут рассматриваться как ценностные суждения морально-этического содер-

жания, в потенциале выступающие как оценочные тексты. Оценочный характер афоризмов и пословиц обусловлен их кумулятивной и директивной функциями. Основное отличие между объективацией аксиологического концепта в афоризмах и пословицах состоит в том, что пословицы ориентируют на давно сформировавшиеся традиционные ценности, обеспечивающие человеку спокойную жизнь в обществе ему подобных. Ценности эти имеют либо утилитарно-практический характер, либо основаны на религиозных заповедях. Афоризмы, представляя собой обобщение, отражение отдельных сторон действительности, результат индивидуального жизненного опыта, обращают внимание человека на существование «вечных» ценностей, которые носят не утилитарно-практический, а более абстрактный и возвышенный характер. Анекдот более тривиален, чем афоризм, сфера анекдота значительно уже, поскольку анекдот в большей степени ориентирован на освещение запретных тем. Возможно, именно этим и объясняется различная количественная представленность признаков концепта *глупость* на материале пословиц, афоризмов, анекдотов.

Сопоставительный анализ французских и русских пословиц, афоризмов и анекдотов на материале концепта *глупость* показал, что, несмотря на значительную оценочную вариативность между пословицами, афоризмами и анекдотами, в сравниваемых языках существуют системы гибких, но устойчивых смысловых корреляций применительно к ценностной картине мира.

Анализ концепта *глупость* позволил заключить, что глупость в русской и французской лингвокультурах оценивается как константное явление, не поддающееся исправлению, которое широко распространено, может передаваться от одного человека к другому и представляет опасность для окружающих.

Глупость неотделима от таких характеристик личности, как чрезмерное усердие, бедность, болтливость, смешливость, беспомощность. Обращает на себя внимание более терпимое ценностное отношение к глупым людям в

русском языковом сознании (*С дурака меньше спросу; На дурака обижаться грех; На дурака суда нет*).

Осуждается и отсутствие ума, и его излишек; теоретическому знанию предпочитают практические навыки, а уму – сообразительность. Ум является не столько характеристикой интеллектуальных способностей человека, сколько оценкой его поведения: поступков, действий, деятельности и их успешности, что, в свою очередь, проявляется и в отношении к глупости. Следовательно, глупец не тот, у кого недостаёт ума, а тот, кто воплощает собой отклонение от привычных норм поведения. Но существует и позитивное отношение к глупому человеку, которое, вероятно, связано с его удачливостью (*Дуракам везёт. Дураку везде счастье. A fou fortune*), искренностью и правдивостью (*Только ребёнок да дурак правду скажут*).

Сопоставив признаки исследуемого концепта, исходя из паремиологического, афористического материала и анекдотов на базе двух языков, мы можем говорить, с одной стороны, об актуальности данного концепта для русской лингвокультуры, а с другой стороны, о сближении понимания исследуемого концепта представителями двух лингвокультур (русской и французской).

Результаты исследования показали, что распределение концептуальных признаков данного концепта осуществляется следующим образом (таблица №5). Ядро концептуального поля глупости составляют категории субъективной оценки: слой *общая характеристика умственных способностей ясно мыслить, неадекватность восприятия действительности*, а также сегмент *отрицательная оценка глупости*, отражающие оценку конститутивных признаков интеллекта – способностей к пониманию и рассуждению; ближняя периферия включает категории рациональной оценки слой *характеристика практического ума человека* и признак *неумение строить речевую деятельность*, отражающие оценку всей совокупности характеристик интеллектуальных способностей человека; дальнюю и крайнюю составляют остальные частные оценочные категории признак *болтливость*, слой *глупость – явление*

ние, имеющее некоторые атрибуты, слой, включающий группу социально обусловленных признаков, которые отражают оценку отдельных проявлений интеллекта.

Результаты проведённого исследования показали, что категории оценки интеллектуальных способностей человека обладают специфической структурой, между которыми не существует чётких границ.

В настоящей работе неизолированность исследуемого концепта рассматривается в качестве его главного свойства. Периферийные области концепта *глупость* находятся на пересечении с другими концептами внутреннего мира человека («добродота», «знание», «память», «хитрость» и т.п.).

Таким образом, регулятивный лингвокультурный концепт *глупость* – значимый фрагмент русской и французской культур, сложное ментальное образование, которое обладает определённой структурой и связан с важнейшими ценностными ориентирами поведения. Концепт *глупость* отражается в языковых единицах разного типа, характеризуется национальной спецификой, в нём могут быть выделены определённые признаки, частично совпадающие во французской и русской ЯКМ. Благодаря оценочной природе содержания концепта *глупость*, исследование данного концепта открывает прямой доступ к изучению ценностных установок русского и французского лингвокультурного сообщества.

Исходя из полученных результатов, мы считаем, что можно говорить о существовании одного концепта, находящего свою реализацию в двух лингвокультурах. Это подтверждается следующими фактами:

– наличие одинаковых интегральных сем в словах синонимического ряда *глупость* в двух языках;

– существование общих признаков, характеризующих концепт *глупость* в двух языках, что объясняется антропоцентризмом семантики, схожими взглядами людей на окружающий мир и самих себя, общностью мифологических представлений и источников заимствования;

– наличие в двух языках слов, этимологическая общность которых не вызывает сомнений: *crétin* (фр.) – *кретин* (рус.), *imbécile* (фр.) – *имбецил* (рус.), *idiot* (фр.) – *идиот* (рус.).

Разница в реализации и восприятии концепта, проявляющаяся в количественном показателе и в наличии или отсутствии различающихся признаков, в их иерархии, обусловлена разницей в языке и культуре представителей двух народов.

Богатство средств языковой репрезентации концепта *глупость* в русском и французском языках подтверждает его значимость для русского и французского менталитета и является дополнительным свидетельством экспрессивно-оценочной окрашенности семантики языков в целом.

Перспективы данного исследования мы видим в дальнейшем изучении лингвокультурных концептов, в расширении корпуса исследовательского материала (в частности, учёт языкового воплощения концептов в кинотекстах, в компьютерном общении, в художественных текстах), а также в построении целостной лингвокультурной теории, синтезирующей изучение культурных концептов и типажей лингвокультуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н.Ф. Проблема вербализации концепта: Теоретическое исследование. – Волгоград: Перемена, 2003. – 96 с.
2. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке: Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 416 с.
3. Алефиренко Н.Ф. Фразеология и паремиология. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
4. Алефиренко Н.Ф. Энтоэпидемический концепт и внутренняя форма языкового знака // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 70-81.
5. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного описания // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1995. – №1. – С. 37-68.
6. Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М.: Индрик, 1993. – С. 3-6.
7. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
8. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
9. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 267-279.
10. Бабаева Е.В. Культурно-языковые характеристики отношения к собственности (на материале немецкого и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1997. – 210 с.
11. Бабушкин А.П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание. – Воронеж: Изд-во Ворон. ун-та, 2001. – С.52-57.
12. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: ВГУ, 1996. – 103 с.

13. Базылев В.Н. Мифологема скуки в русской культуре / В.Н. Базылев // RES LINGVISTIKA. Сборник статей. К 60-летию профессора В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1999. – С. 130-147.
14. Балакин С.В. Деривационный потенциал концепта «игра» и его языковая реализация: дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2008. – 210 с.
15. Барли Н. Структурный подход к максиме // Паремиологические исследования. – М.: Наука, 1984. – С.127-149.
16. Бахвалова Т.В. Характеристика интеллектуальных способностей человека лексическими и фразеологическими средствами языка (на материале орловских говоров). – Орёл: ОГПИ, 1993. – 130 с.
17. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М.: Художественная литература, 1965. – 525 с.
18. Березович Е.Л. К этнолингвистической интерпретации семантических полей // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 2004. – №6. – С. 3-24.
19. Берестнев Г.И. О «новой реальности» языкознания // Филологические науки. – 1997. – №4. – С. 48.
20. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. – 123 с.
21. Болдырев Н.Н. Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – №4. – С. 17-27.
22. Борисенкова Л.М. Когнитивные аспекты словообразования (на материале немецкого языка). – М.: ИЯ РАН, 2007. – 244 с.
23. Бровкина Е.Е. Пословицы как продуктивные единицы языка и фольклора: на материале французского языка: дис. ... канд. филол. наук. – Курск, 2006. – 167 с.
24. Брутян Г.А. Язык и картина мира // НДВШ. Философские науки. – 1973. – № 1. – С. 108-111.
25. Булычев Ю.Ю. Христианская философия нации и проблемы русского культурного самосознания. – СПб.: СПбГПУ, 2006. – 260 с.

26. Вайсгербер Й.Л. Язык и философия // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1993. – №2. – С. 144-124.
27. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 2001а. – 230 с.
28. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. – М.: Языки славянской культуры, 2001б. – 272 с.
29. Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосмос). – М.: Индрик, 1998. – 240 с.
30. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик. – М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 1999. – 84 с.
31. Вильмс Л.Е. Лингвокультурологическая специфика понятия «любовь» (на материале немецкого и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1997. – 214 с.
32. Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1959. – 314 с.
33. Винтгенштейн Л. Философские работы. – М.: Гнозис, 1994. – 213 с.
34. Войтыла-Свежовска М., Толстая С.М. Терминология аграрной обрядности как источник реконструкции древней духовной культуры // Славянский и балканский фольклор. – М.: Наука, 1989. – С. 207-229.
35. Воркачѳв С.Г. Вариативные и ассоциативные свойства телеономных линвоконцептов. – Волгоград: Парадигма, 2005. – 214 с.
36. Воркачѳв С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентричной парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – №1. – С. 64-73.
37. Воркачѳв С.Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели). – Волгоград: Перемена, 2003. – 164 с.

38. Воркачѳв С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2004. – 236 с.
39. Воркачѳв С.Г. Постулаты лингвоконцептологии // Антология концептов. – М.: Гнозис, 2007. – С.10-13.
40. Воробьев В.В. Лингвокультурология. – М.: Изд-во Российского Университета дружбы народов, 2008. – 340 с.
41. Воронцов В.А. Игры ума: Афоризмы, анекдоты, толковый словарь для толковых. – М.: АСТ, 2008. – 256 с.
42. Выготский Л.С. Мышление и речь // Собр. соч. – М.: Педагогика, 1982. – 348 с.
43. Гирѳнок Ф. Пато-логия русского ума (Картография дословности). – М.: Аграф, 1998. – 416 с.
44. Гроос К. Введение в эстетику. – Харьков-Киев: Южнорусское книгоиздательство, 1899. – 180 с.
45. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: Гнозис, 2008. – 288 с.
46. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 322 с.
47. Демьянков В.З. Теория прототипов в семантике и прагматике языка // Структуры представления знаний в языке. – М.: ИНИОН РАН, 1994. С. 32-86.
48. Дмитриева О.А. Конститутивные признаки афоризмов // Языковая личность: проблемы значения и смысла. – Волгоград: Перемена, 1994. – С. 171-180.
49. Дмитриева О.А. Культурно-языковые характеристики пословиц и афоризмов: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1997. – 189 с.
50. Дуров А.А. Трансформация традиционного образа дурака в прозе В.М. Шукшина: дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 1996. – 256 с.

51. Железнова Ю.В. Лингвокогнитивное и лингвокультурное исследование концепта «Семья»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 2009. – 27 с.
52. Заикина С.В. Понятие страха в сопоставительной перспективе // Лингвистические парадигмы: традиции и новации. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 85-89.
53. Залевская А.А. Текст и его понимание. – Тверь: Изд-во ТвГУ, 2001. – 156 с.
54. Здановская Л.Б. Концепт «строительство (стройка) / construction»: особенности реализации в русской и английской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 210. – 216 с.
55. Зинченко В.П., Зусман В.Г., Кирнозе З.И. Межкультурная коммуникация. Системный подход. – Нижний Новгород: НГЛУ, 2003. – 192 с.
56. Канцельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л.: Наука, 1972. – 216 с.
57. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград: Перемена, 1996. – С. 3-16.
58. Карасик В.И., Прохвачева О.Г., Зубкова Я.В. Иная ментальность. – М.: Гнозис, 2005. – 352 с.
59. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 75-80.
60. Карасик В.И., Шаховский В.И. Об оценочных пресуппозициях // Языковая личность: вербальное поведение. – Волгоград: РИО, 1998. – С. 3-13.
61. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
62. Карасик В.И. Языковые ключи. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.
63. Кармин А.С., Новикова Е.С. Культурология. – СПб.: Питер, 2005. – 464 с.

64. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: КомКнига, 2006. – 264 с.
65. Касевич В.Б. Буддизм. Картина мира. Язык. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. – 288 с.
66. Кильдибекова Т.А., Гафарова Г.В. Теоретические основы и принципы составления функционально-когнитивного словаря. – Уфа: РИО БашГУ, 2003. – 300 с.
67. Кирнозе З.И. Межкультурная коммуникация и национальная концептосфера. Лингвострановедение: методы анализа, техника обучения. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 222 с.
68. Ковшова М.Л. Как с писаной торбой носиться: Принципы когнитивно-культурологического исследования идиом // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 164-173.
69. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 624 с.
70. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языка. – М.: КомКнига, 2006. – 128 с.
71. Кондратьева О.Н. Концепты внутреннего мира человека в русских летописях (на примере концептов душа, сердце, ум): дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2004. – 205 с.
72. Копылкова Е.А. Анекдот как средство переживания национальной идентичности: на материале анализа еврейских анекдотов: дис. ... канд. психол. наук. – Москва, 2006. – 23 с.
73. Костюнина Е.Е. Структура языкового концепта «владение» в английском языке: дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2002. – 232 с.
74. Кошелев А.Д. О языковом концепте «долг» // Логический анализ языка. Языки этики. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 119-124.
75. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. – Волгоград: Перемена, 2001. – 495 с.

76. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
77. Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. – М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
78. Крейдлин Г.Е. Структура афоризма // Проблемы структурной лингвистики. 1985–1987. – М.: Наука, 1989. – С.196-206.
79. Крияк О.А. Социокультурный концепт «воровство» в русском и английском языковом сознании : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2009. – 26 с.
80. Кубрякова Е.С. Когнитивная лингвистика и проблемы композиционной семантики в сфере словообразования // Известия АН. Серия литературы и языка. Том 61. – 2002. – №1. – С. 13-24.
81. Кубрякова Е.С. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
82. Кубрякова Е.С. Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем // Язык и структура представления знаний: Сб. науч.-аналит. обзоров. – М.: ИЯЗ РАН, 1992. – С. 4-38.
83. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 56-63.
84. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
85. Кузнецова Н.В. Словообразовательные структуры ядерных лексем концепта «жизнь»: дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2010. – 181 с.
86. Кулинич М.А. Лингвокультурология юмора. – Самара: СамГПУ, 1999. – 176 с.

87. Курганов Е. Анекдот-Символ-Миф. Этюды по теории литературы. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2002. – 128 с.
88. Куссе Х. Парадоксы оправдания в религиозном дискурсе // Логический анализ языка. Языки этики. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 271-281.
89. Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М.: ИЯРАН, 1993. – С. 16-22.
90. Леонтьева Т.В. Интеллект человека в зеркале русского языка: дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2003. – 296 с.
91. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Изв. АН. Сер. Литература и язык. – 1993. – №1. – С. 3-10.
92. Лосский Н.О. Характер русского народа. – М.: Ключ, 1990. – 98 с.
93. Лукашевич Е.В. Модель концепта: психолингвистический и когнитивный аспекты // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты. – Бийск, 2004. – С. 45-48.
94. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики). – Новосибирск: Наука, 1986. – 229 с.
95. Лурия А.Р. Язык и сознание. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 320 с.
96. Лурье В.Ф. Анекдоты о Шерлоке Холмсе и докторе Ватсоне 1989. <http://www.ruthenia.ru/folktee/>
97. Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. – Архангельск: Изд-во Поморского госун-та, 1997. – С. 11-35.
98. Маковский М.М. Системность и асистемность в языке: опыт исследования антиномий в лексике и семантике. – М.: КомКнига, 2006. – 212 с.
99. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. – М.: Наследие, 1997. – 207 с.
100. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2001. – 208 с.

101. Мелетинский Е.М. Герой волшебной сказки. – М.-СПб.: Академия Исследований Культуры, Традиция, 2005. – 240 с.
102. Мелетинский Е.М. Историческая поэтика новеллы. – М.: Наука, 1990. – 279 с.
103. Мензаирова Е.А. Актуализация концептов «любовь» и «женщина» в песенном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 2010. – 19 с.
104. Михалёв А.Б. Семантические прототипы // Язык и действительность: Сборник научных трудов памяти В.Г.Гака. – М.: ЛЕНАНД, 2007. – С. 383-388.
105. Назаров В.Н. Феноменология мудрости: Образы мудреца в истории культуры. – Тула: Изд-во Тул. пед. ин-та, 1993. – 332 с.
106. Нерознак В.П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. – Омск: Изд-во Омск. пед. ун-та, 1998. – С.80-85.
107. Никитин М.В. Развернутые тезисы о концептах // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов: Тамб. гос. ун-т: ИЯ РАН, 2004. – №1. – С. 53-64.
108. Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании. – М.: Наука, 1985. – 118 с.
109. Новикова Н.С., Черемисина Н.В. Многомирие в реалии и общая типология языковых картин мира // Филологические науки. – 2000. – №1. – С. 40-49.
110. Павилёнис Р.И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.
111. Падучева Е.В. К структуре семантического поля «восприятие» (на материале глаголов восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. – 2001. - №4 – С. 23-44.

112. Панченко Н.Н. Средства объективации концепта «обман» (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград: Перемена, 1999. – 23 с.
113. Пеппель Л. Фигура умолчания в политическом дискурсе // Логический анализ языка. Языки этики. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 306-312.
114. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. – М.: Наука, 1988. – 234 с.
115. Пименова М.В., Кондратьева О.Н. Концептуальные исследования. Введение. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 176 с.
116. Пименова М.В. Методология концептуальных исследований. – Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2003. – С. 100-105.
117. Пименова М.В. Типология структурных элементов концептов внутреннего мира (на примере эмоциональных концептов) // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 82-90.
118. Подлесова О.А. Концепты эмоциональных состояний в лингвокогнитивном и лингвокультурном аспектах: на материале английского языка: дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2009. – 180 с.
119. Покровская Я.А. Отражение в языке агрессивных состояний человека (на материале англо- и русскоязычных художественных текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1998. – 22 с.
120. Попова З.Д. Из истории когнитивного анализа в лингвистике // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С.7-17.
121. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007б. – 314 с.
122. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистики. – Воронеж: Истоки, 2001. – 191 с.
123. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж: Истоки, 1999. – 150 с.

124. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. – Воронеж: Истоки, 2007а. – 61 с.
125. Попова З. Д. Язык и сознание: теоретические разграничения и понятийный аппарат // Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. – Воронеж: ВГУ, 2002. – С. 8-49.
126. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В.И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 6-89.
127. Потебня А.А. Из лекций по теории словесности. – М.: Высшая школа, 1997. – 254 с.
128. Потебня А.А. Слово и миф. – М.: Правда, 1989. – 624 с
129. Потебня А.А. Теоретическая поэтика. – М.: Высшая школа, 1990. – 342 с.
130. Проскуряков М.Р. Концептуальная структура текста: лексико-фразеологическая и композиционно-стилевая экспликация: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2000. – 38 с.
131. Прохвачева О.Г. Лингвокультурный концепт «приватность» (на материале американского варианта английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2000. – 24 с.
132. Почепцов Г.Г. Языковая ментальность: Способ представления мира // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1990. – № 6. – С. 110-112.
133. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 2001. – 144 с.
134. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. – М.: Лабиринт, 2007. – 256 с.
135. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. – М.: Русские словари, 2008. – 416 с.
136. Рахилина Е.В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – Т. 59. – 2000. - № 3. - С. 3-15.

137. Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика. – Воронеж: Истоки, 2004. – 80 с.
138. Рудакова А.В. Объективация концепта "быт" в лексико-фразеологической системе русского языка: дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2003. – 213 с.
139. Рузин И.Г. Возможности и пределы концептуального объяснения языковых фактов // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1996. – №5. – С.45-52.
140. Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект / РАН. Ин-т языкознания. – М.: Academia, 2005. – 640 с.
141. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с.
142. Серебренников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка. – М.: Наука, 1983. – 319 с.
143. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. – М.: Наука, 1988. – 242 с.
144. Склярская Г.Н. Метафора в системе языка. – СПб.: Наука, 1993. – 152 с.
145. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: дис. ... док. фил. наук. – Волгоград: Волгоградский гос. пед. ун-т, 2004. – 322 с.
146. Снегирёв И. Русские народные пословицы и притчи. – М.: Эксмо, 2010. – 576 с.
147. Соловьёва Н.И. Актуализация лингвокультурного концепта «бык» в испанской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. фил. наук. – Москва, 2009. – 20 с.
148. Соломоник А. Семиотика и лингвистика. – М.: Молодая Гвардия, 1995. – 352 с.
149. Соснин А.В. Средства вербализации концепта «Лондон» в английском культурном пространстве: Монография / А.В. Соснин. – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – Н. Новгород: ООО «Стимул-СТ», 2011. – 280 с.

150. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Академия проект, 2001. – 973 с.
151. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 248 с.
152. Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 58-65.
153. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 26-52.
154. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – с. 13-24.
155. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
156. Тильман Ю.Д. «Душа» как базовый культурный концепт в поэзии Ф.И. Тютчева // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 203-212.
157. Тихонова В.Я. Концепт «борьба» в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2005. – 238 с.
158. Толстая С.М. Славянские народные представления о смерти в зеркале фразеологии // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 229-234.
159. Топорова Т.В. Семантическая структура древнегерманской модели мира. – М.: Радикс, 1994. – 154 с.
160. Трипольская Т.А. Эмотивно-оценочная лексика в антропоцентрическом аспекте: дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 1999. – 437 с.

161. Тубалова И.В., Эмер Ю.А. Ценностная картина мира традиционного и современного фольклора // Картины русского мира: аксиология в языке и тексте. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – 354 с.
162. Убийко Н.И. Типологизация концептов в современном языкознании. – М.: Наука, 1999. – С. 15-31.
163. Уфимцева А.А. Лексическое значение: принцип семасиологического описания лексики. – М.: Едиторал УРСС, 2002. – 168 с.
164. Финкельберг Н. Д. Теория семантических доминант (на материале арабского литературного языка): автореф. дис. ... док. филол. наук. – М., 1994. – 20 с.
165. Хроленко А.Т. Лингвокультуроведение. – Курск: ГУИПП «Курск», 2000. – 168 с.
166. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 184 с.
167. Хрущёва Е.А. Национально-культурная основа анекдота (сопоставительный анализ английского, французского и русского языков): автореф. дис. ... кандидата филологических наук. – Москва, 2009. – 19 с.
168. Худяков А.А. Концепт и значение // Языковая личность: культурные концепты. – Архангельск-Волгоград: Перемена, 1996. – С. 97-103.
169. Чернейко Л.О., Долинский В.А. Имя СУДЬБА как объект концептуального и ассоциативного анализа // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. – С. 85-102.
170. Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 320 с.
171. Ширшиков В.Б. Лексикографическая и текстовая репрезентация концептов ограниченной ментальной способности человека в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2005. – 200 с.
172. Шмелёв А.Д. Проблемы семантического анализа лексики. – М.: Наука, 1973. – 279 с.

173. Шмелёв А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.
174. Шмелёва Е.Я., Шмелёв А.Д. Русский анекдот: Текст и речевой жанр. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 144 с.
175. Шпет Г.Г. Внутренняя форма слова. Этюды и вариации на тему Гумбольда. – М.: КомКнига, 2006. – 217 с.
176. Юдин Ю.И. Дурак, шут, вор и чёрт. Разыскания в области филологии, истории и традиционной культуры. – М.: Лабиринт, 2006. – 336 с.
177. Юровицкая Л.Н. Английский лингвокультурный концепт «Сомнение» и способы его языковой манифестации: дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2005. – 171 с.
178. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М.: Гнозис, 1994. – 344 с.
179. Balestra R. Z'animaux. Un bestiaire pour l'imaginaire. – Paris: FAPE, 2004. – 75 p.
180. Blanchet A. Dire et faire dire. L'entretien. – Paris: A. Colin, 1991. – 173 p.
181. Cadiot P. Métaphore prédicative nominale et motifs lexicaux // Langue française 134. – Mai 2002. – P. 38-58.
182. Calvet L-J. La tradition orale. – Paris: PUF, 1997. – 128 p.
183. Caron J. Précis de psycholinguistique. – Paris: PUF, 1989. – 264 p.
184. Delbecque N. Linguistique cognitive. Comprendre comment fonctionne le langage. – Bruxelles: De Boeck-Duculot, 2006. – 348 p.
185. Delmas C. Comletude, cognition, construction linguistique. – P.: Presses Sorbonne Nouvelle, 2006. – 256 p.
186. Dubois D. Les catégories sémantiques «naturelles»: prototype et typicalité // Sémantique et cognition: Catégories, prototypes, typicalité. – Paris: PUF, 1993. – P. 15-27.
187. Escarpit R. L'humour. – Paris : PUF, 1987. – 127 p.

188. Fuchs C. Polysémie, interprétation et typicalité: l'exemple de «pouvoir» // *Sémantique et cognition: Catégories, prototypes, typicalité*. – Paris: CNRS, 1993. – P. 161-170.
189. Jackendoff R. *Semantics and Cognition*. – England: Cambridge, The MIT Press, Massachusetts, 1983. – 283 p.
190. Gaudin F. Terminologie: L'ombre du concept // *Meta*. – 1996. V. XXL. – №4. – P. 604-621.
191. Klapp O. E. The fool as a social type // *American journal of Sociology*. – 1949. – Vol. 55, № 2. – P. 157-162.
192. Kleiber G. Prototype et prototypes: encore une affaire de famille // *Sémantique et cognition: Catégories, prototypes, typicalité / Sous la direction de Daniel Dubois*. – Paris, 1993. – p. 103-129.
193. Lefort B. «Dans une histoire drôle, où est le sujet ?», *Semen* [En ligne], 14 | 2002, mis en ligne le 30 avril 2007, consulté le 20 novembre 2011. URL : <http://semen.revues.org/2526>
194. Lemmens M. *De la sémantique structurale à la typologie sémantique: vers une sémantique basée sur l'activité langagière*. – Lille: Université Lille, 2005. – 129 p.
195. Le Ny J.-F. *Science cognitive et compréhension du langage*. – Paris: PUF, 1989. – 256 p.
196. Le Ny J.-F. *Éléments de psycholinguistique cognitive: des représentations à la compréhension // La linguistique cognitive*. – Paris: Ophrys, 2004. – P. 155-170.
197. Lévi-Strauss C. *La pensée sauvage*. – P.: Gallimard, 2008. – 395 p.
198. Loux F., Richard P. *Sagesses du corps, la santé et la maladie dans les proverbes français*. – Paris: Maisonneuve et Larose, 1978. – 345 p.
199. Musil R. *De la bêtise*. – P.: Allia. - 58 p.
200. Otman G. *Les représentations sémantiques en terminologie*. – Paris: Masson, 1996. – 216 p.

201. Raskin V. *Semantic Mechanisms of Humor* – Dordrecht: Reidel, 1985. – 211 p.
202. Rey A. Préface in Montreynaud F., Pierron A., Suzzoni F.: *Dictionnaire de proverbes et dictons*. – Paris: Dictionnaires Le Robert, 1989. – P. 9-18.
203. Zazzo R. «Préface», in Bariaud F., *La genèse de l'humour chez l'enfant*. - Paris: PUF, 1983. – P. 7-12.
204. Suzzoni F. Proverbes de langue française. Présentation in Montreynaud F., Pierron A., Suzzoni F.: *Dictionnaire de proverbes et dictons*. – Paris: Dictionnaires Le Robert, 2006. – P. 3-7.
205. Vignaux G. *Les sciences cognitives. Une introduction*. – Paris : Ed. La découverte, 1992. – 360 p.
206. Visetti Y-M., Cadiot P. *Motifs et proverbes, essai de sémantique proverbiale*. – Paris: PUF, 2006. – 370 p.
207. Victorri B *Les grammaires cognitives // La linguistique cognitive*. – Paris, Technip Ophrys Editions, 2004. – P. 73-98.

СЛОВАРИ

1. Александрова З.Е. *Словарь синонимов русского языка: Практический справочник: Ок. 11 000 синоним. рядов. – 11-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., Дрофа, 2001. – 568 с.*
2. Белов Н.В. *Анекдоты. Шутка за шуткой*. – М.: Харвест, 2005. – 160 с.
3. Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. *Большой словарь крылатых слов русского языка*. – М.: «Русские словари, Астрель, АСТ», 2005. – 760 с.
4. *Большой академический словарь русского языка. Т. 6. / РАН, Ин-т лингвист. исслед.; гл. ред. К.С. Горбачевич; ред.: Л.И. Балахонова; В. П. Фелицына. – М., СПб.: Наука, 2007. – 658 с.*

5. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.
6. Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник. – М.: Русский Язык-Медиа, 2007. – 816 с.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: [В 4 т.]. Т.1. А-З. – М.: Цитадель, 1998. – 699 с. Д
8. Денисов П. Н. Словарь сочетаемости слов русского языка: около 2500 словарных статей / Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. – М.: АСТ: Астрель, 2006. – 816 с.
9. Душа компании. Анекдоты, шутки, тосты. – М.: Рипол Классик, 2007. – 192 с.
10. Душенко К. Большая книга афоризмов. – М.: Эксмо, 2006. – 1056 с.
11. Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. – М.: Дрофа, Русский язык, 2000. – 1233 с.
12. Жигулёв А.М. Сокровища мудрости народной // Русские народные пословицы и поговорки. – Устинов: Удмуртия, 1986. – С. 3-20.
13. Королькова А.В. Словарь афоризмов русских писателей. – М.: Рус. яз.–Медиа, 2005. – 627 с.
14. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. Около 70 тысяч пословиц. – М.: ЗАО «Олма Медиа Групп», 2010. – 1024 с.
15. На языке Вольтера. Liberté, Egalité, Fraternité. Французские изречения / Сост. Т.П. Понятина. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. – 413 с.
16. Новый словарь русского языка под редакцией Т.Ф. Ефремовой, соруригт © ООО «Мультимедиа технологии – Н», 2003 (ЕФ – CDROM).
17. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Оникс, 2011. – 736 с.
18. Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений: Более 4 000 статей. – М.: Локид-Пресс, 2005. – 880 с.

19. Словарь русских пословиц и поговорок / сост. Островская Е.С. – М.: Рипол Классик, 2002. – 464 с.
20. Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Астрель, 2004. – 656 с.
21. Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. С.Г. Бархударова. – М.: ГИС, 1985. – 975 с.
22. Словарь русского языка: ок. 57000 слов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. – 19-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1987. – 750 с.
23. Словарь современного русского литературного языка: в 17 тт. – Т.3 (Г-Е). – М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1950-1965. – 783 с.
24. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. – М.: АСТ, Астрель, 2008. – 944 с.
25. Толковый словарь русского языка. / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. – М.: Издательство АСТ, 1989. – 1268 с.
26. Уваров Н.В. Энциклопедия народной мудрости: Пословицы, поговорки, афоризмы, крылатые выражения, сравнения, устойчивые словосочетания, встречающиеся в русском живом языке во второй половине XX-XXI веков: 54000 изречений. – М.: Инфра-Инженерия, 2009. – 592 с.
27. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – В 4-х тт. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 1. – 588 с.
28. Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И. Афористика. – М.: Наука, 1990. – 419 с.
29. Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка: Более 5 000 слов. – Киев: Рад. шк., 1989. – 511 с.
30. Энциклопедический словарь по культурологии / Под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. А. А. Радугина. – М.: Центр, 1997. – 477 с.
31. Это просто смешно! или Зеркало кривого королевства / Анекдоты: системный анализ, синтез, классификация. – М.: Изд-во АО «Х.Г.С.», 1994. – 303 с.

32. Benac H. Dictionnaire des synonymes conforme au dictionnaire de la langue française. – Paris: Librairie Hachette, 1967. – 1026 p.
33. Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cnrtl.fr>
34. Dictionnaire de l'Académie française. Huitième édition. – Paris: Librairie Hachette, 1932-1935. – 743 p.
35. Dictionnaire des citations de langue française – Paris: Booking International, 1995. – 459 p.
36. Dictionnaire des citations françaises. – Paris: Larousse, 2001. – 660 p.
37. Dictionnaire des combinaisons des mots. – Paris: Dictionnaires LE ROBERT, 2007. – 1011 p.
38. Dictionnaire des proverbes et dictons (Florence Montreynaud, Agnès Pierron, François Suzzoni). P.: Le Robert. 2011. – 528 p.
39. Dictionnaire des symboles. – Paris. Editions Robert Laffont S.A. et Editions Jupiter, 1982 – 1060 p.
40. Dictionnaire des synonymes du laboratoire Crisco. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.crisco.unicaen.fr/cgibin/trouvebis2?requete=betise&refer=%23&proc=1831_6606b
41. Dictionnaire des Synonymes. – Paris : Hachette Education, 2008. – 631 p.
42. Dictionnaire étymologique de la langue française / Albert Dauzat. – Paris: Librairie Larousse, 1938. – 824 p.
43. Dictionnaire Hachette. – Paris : Hachette livre, 2007. – 1858 p.
44. Dictionnaire de proverbes et citations. <http://www.proverbes-citations.com>.
45. Le Grand dictionnaire. Synonymes & Contraires. – Paris: Larousse, 2004. – 1207 p.
46. Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire alphabétique de la langue française. – Paris: Dictionnaires Le Robert, 2006. – 2947 p.

47. Le petit Larousse grand format : en couleur. Paris: Hachette, 2007. – 1929 p.
48. Littré E. Dictionnaire de la langue française. – Tome 1 [A-B-Ca] – P.: Gallimard-Hachette, 1963. – 1541 p.
49. Maloux M. Dictionnaire des proverbes, sentences et maximes. – P.: Larousse / VUEF, 2006. – 628 p.
50. Petit Dictionnaire de style. Par Albrecht Reum. – Leipzig III, 1953. – 636 p.
51. Trésor de la langue française. Dictionnaires de la langue française [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lexilogos.com/francais_langue_dictionnaires.htm.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Бенуа А.Н. Жизнь художника. – Режим доступа: <http://readr.ru/aleksandr-benua-ghizn-hudoghnik-a-vozpominaniya-tom-2.html>
2. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. – М.: Азбука, 2011. – 416 с.
3. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. – Режим доступа: az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0130.shtml
4. Нагибин Ю. М. Чужое сердце. – М.: Молодая гвардия, 1969. – 350 с.
5. Новая газета, 18 марта, 2002. – Режим доступа: uisrussia.msu.ru/.../2002/19/nov_2002_19_33.htm
6. Салтыков-Щедрин М.Е. Губернские очерки. – Режим доступа: http://az.lib.ru/s/saltykow_m_e/text_0005.shtml
7. Тургенев И.С. Вешние воды. – Режим доступа: az.lib.ru/t/turgenew_i_s/text_0140.shtml
8. Чехов А.П. Пустой случай. – Режим доступа: www.mu-chekhov.ru/proizved/182.shtml
9. Queneau R. Zazie dans le métro. – Paris: Gallimard, 2008. – 260 p.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БАС – Словарь современного русского литературного языка

ЕФ – Новый словарь русского языка под редакцией Т.Ф. Ефремовой

ККМ – концептуальная картина мира

КМ – картина мира

КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов

МАС – Словарь русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой

ОЖ – Словарь русского языка под редакцией Н.Ю. Шведовой

СРЯ – Словарь русского языка под редакцией С.Г. Бархударова

ЭСК – Энциклопедический словарь по культурологии

ЯКМ – языковая картина мира

CNRTL – Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales

Номинативное поле концепта *глупость*

русский	французский
Ядро	
<i>глупость, глупый</i>	<i>bête, bêtise</i>
Ближняя периферия	
<i>бессмысленный, неграмотный, недалёкий, отсталый, ерунда, невежество</i>	<i>sottise, sot, imbécillité, stupidité, idiotie</i>
Дальняя периферия	
<i>простак, отстающий, бесхитро- стый, беззаботный, легкомысленный, беспечность, бездарность, чушь, абсурд, несуразность</i>	<i>niaiserie, bagatelle, frivolité, folie, simplicité, crédulité, naïveté</i>
Крайняя периферия	
<i>бредовый, сумасбродный, оболтус, поверхностный, ребячество, пень, чурбан</i>	<i>futilité, fadaise, perle, propos, blague, simplicité d'esprit</i>

Объективация концепта *глупость* в пословицах

Таблица №2

признаки	русский	французский
1. Общая характеристика умственных способностей человека ясно мыслить		
1.1 низкий уровень умственной способности к познанию действительности	49 (15,4%)	35 (13,6 %)
1.2 неспособность к выполнению элементарных действий	7 (2,2 %)	5 (1,9 %)
2. Неадекватность восприятия действительности		
2.1 буквальное понимание предметов, принятие одного предмета за другой	6 (1,8 %)	1 (0,3 %)
2.2 несоответствие действий, поступков реальным объективным обстоятельствам, фактам	19 (5,9 %)	48 (18,7 %)
3. Характеристика практического ума человека		
3.1 неспособность оценивать ситуацию	17 (5,3 %)	28 (10,9 %)
3.2 неспособность не быть обманутым	4 (1,2 %)	7 (2,7 %)
4. Речевая деятельность как объективный показатель психофизического состояния		
4.1 неумение строить речевую деятельность	2 (0,6 %)	3 (1,1 %)
4.2 болтливость	7 (2,2 %)	12 (4,6 %)
5. Темпоральные характеристики глупость – явление, имеющее временные параметры		
5.1 постоянная, устойчивая характеристика	13 (4 %)	15 (5,8 %)
5.2 повсеместное, вневременное явление	49 (15, 4%)	7 (2,7 %)
6. Глупость – явление, имеющее некоторые атрибуты		
6.1. неадекватность физических данных	42 (13,2 %)	5 (1,9 %)
6.2. гипертрофированное проявление чувств (смех)	7 (2,2 %)	10 (3,9 %)
7. Группа аксиологических признаков		
7.1. отрицательная оценка глупости		
7.1.1 качество, представляющее опасность	9 (2,8 %)	11 (4,2 %)
7.1.2 отрицательное явление в жизни человека	24 (7,5 %)	6 (2,3 %)
7.2. положительная оценка		
7.2.1 качество человека, которому везёт (везение)	12 (3,7 %)	7 (2,7 %)
7.2.2 особый ум	11 (3,4 %)	14 (5,4 %)
7.2.3 необходимое условие существования ума	8 (2,5 %)	13 (5 %)
7.2.4 не самое плохое явление в жизни человека	3 (0,9 %)	4 (1,5 %)
8. Группа социально обусловленных признаков		
8.1 гендерно маркированное явление	7 (2,2 %)	11 (4,2 %)
8.2 возрастно маркированное явление	12 (3,7 %)	10 (3,9 %)
9. Факторы, способствующие появлению данного качества		
9.1 любовь	-	3 (1,1 %)
9.2 деньги	10 (3,1 %)	1 (0,3 %)

Объективация концепта *глупость* в афоризмах

признаки	русский	французский
1. Общая характеристика умственных способностей человека ясно мыслить		
1.1 низкий уровень умственной способности к познанию действительности	33 (13,7 %)	24 (11 %)
1.2 неспособность к выполнению элементарных действий	-	-
2. Неадекватность восприятия действительности		
2.1 буквальное понимание предметов, принятие одного предмета за другой	15 (6,2 %)	3 (1,3 %)
2.2 несоответствие действий, поступков реальным объективным обстоятельствам, фактам	12 (5 %)	30 (13,7 %)
3. Характеристика практического ума человека		
3.1 неспособность оценивать ситуацию	12 (5 %)	15 (6,8 %)
3.2 неспособность не быть обманутым	-	-
4. Речевая деятельность как объективный показатель психофизического состояния		
4.1 неумение строить речевую деятельность	6 (2,5 %)	9 (4,1 %)
4.2 болтливость	15 (6,2 %)	15 (6,8 %)
5. Темпоральные характеристики глупость – явление, имеющее временные параметры		
5.1 постоянная, устойчивая характеристика	12 (5 %)	3 (1,3 %)
5.2 повсеместное, вневременное явление	36 (15 %)	58 (26,6 %)
6. Глупость – явление, имеющее некоторые атрибуты		
6.1. неадекватность физических данных	-	-
6.2. гипертрофированное проявление чувств (смех)	3 (1,2 %)	-
7. Группа аксиологических признаков		
7.1. отрицательная оценка глупости		
7.1.1 качество, представляющее опасность	15 (6,2 %)	3 (1,3 %)
7.1.2 отрицательное явление в жизни человека	21 (8,7 %)	5 (2,2 %)
7.2. положительная оценка		
7.2.1 качество человека, которому везёт (везение)	3 (1,2 %)	9 (4,1 %)
7.2.2 особый ум	36 (15 %)	12 (5,5 %)
7.2.3 необходимое условие существования ума	3 (1,2 %)	12 (5,5 %)
7.2.4 не самое плохое явление в жизни человека	5 (2 %)	5 (2,2 %)
8. Группа социально обусловленных признаков		
8.1 гендерно маркированное явление	9 (3,7 %)	9 (4,1 %)
8.2 возрастно маркированное явление	4 (1,6 %)	3 (1,3 %)
9. Факторы, способствующие появлению данного качества		
9.1 любовь	-	3 (1,3 %)
9.2 деньги	-	-

Объективация концепта *глупость* в анекдотах

признаки	русский	французский
1. Общая характеристика умственных способностей человека ясно мыслить		
1.1 низкий уровень умственной способности к познанию действительности	35 (11,9 %)	46 (16 %)
1.2 неспособность к выполнению элементарных действий	17 (5,7 %)	12 (4,1 %)
2. Неадекватность восприятия действительности		
2.1 буквальное понимание предметов, принятие одного предмета за другой	36 (12,2 %)	76 (26,4 %)
2.2 несоответствие действий, поступков реальным объективным обстоятельствам, фактам	48 (16,3 %)	18 (6,2 %)
3. Характеристика практического ума человека		
3.1 неспособность оценивать ситуацию	20 (6,8 %)	41 (14,2 %)
3.2 неспособность не быть обманутым	11 (3,7 %)	-
4. Речевая деятельность как объективный показатель психофизического состояния		
4.1 неумение строить речевую деятельность	15 (5,1%)	6 (2 %)
4.2 болтливость	3 (1 %)	-
5. Темпоральные характеристики глупость – явление, имеющее временные параметры		
5.1 постоянная, устойчивая характеристика	-	-
5.2 повсеместное, вневременное явление	-	-
6. Глупость – явление, имеющее некоторые атрибуты		
6.1. неадекватность физических данных	18 (6,1 %)	3 (1 %)
6.2. гипертрофированное проявление чувств (смех)	-	-
7. Группа аксиологических признаков		
7.1. отрицательная оценка глупости		
7.1.1 качество, представляющее опасность	11 (3,7 %)	15 (5,2 %)
7.1.2 отрицательное явление в жизни человека	12 (4 %)	14 (4,8 %)
7.2. положительная оценка		
7.2.1 качество человека, которому везёт (везение)	-	-
7.2.2 особый ум	18 (6,1 %)	3 (1 %)
7.2.3 необходимое условие существования ума	-	-
7.2.4 не самое плохое явление в жизни человека	-	-
8. Группа социально обусловленных признаков		
8.1 гендерно маркированное явление	30 (10,2 %)	39 (13,5 %)
8.2 возрастно маркированное явление	20 (6,8 %)	14 (4,8 %)
9. Факторы, способствующие появлению данного качества		
9.1 любовь	-	-
9.2 деньги	-	-

Концептуальное поле концепта *глупость*

русский	французский
Ядро	
<p><i>низкий уровень умственной способности к познанию действительности</i></p>	<p><i>низкий уровень умственной способности к познанию действительности</i> буквальное понимание предметов несоответствие действий неспособность оценивать ситуацию</p>
Ближняя периферия	
<p><i>повсеместное, вневременное явление</i> <i>неадекватность физических данных</i> несоответствие действий особый ум</p>	<p><i>повсеместное, вневременное явление</i> <i>неадекватность физических данных</i> гендерно маркированное явление</p>
Дальняя периферия	
<p><i>болтливость</i> <i>качество, представляющее опасность</i> <i>отрицательное явление в жизни человека</i> буквальное понимание предметов неспособность оценивать ситуацию <i>возрастно маркированное явление</i> неумение строить речевую деятельность постоянная, устойчивая характеристика гендерно маркированное явление</p>	<p><i>болтливость</i> <i>качество, представляющее опасность</i> <i>отрицательное явление в жизни человека</i> особый ум необходимое условие существования ума <i>возрастно маркированное явление</i></p>
Крайняя периферия	
<p><i>неспособность к элементарным действиям</i> <i>неспособность не быть обманутым</i> <i>гипертрофированное проявление чувств</i> <i>качество человека, которому везёт</i> <i>не самое плохое явление в жизни человека</i> <i>деньги</i> необходимое условие существования ума</p>	<p><i>неспособность к элементарным действиям</i> <i>неспособность не быть обманутым</i> <i>гипертрофированное проявление чувств</i> <i>качество человека, которому везёт</i> <i>не самое плохое явление в жизни человека</i> <i>деньги</i> постоянная, устойчивая характеристика неумение строить речевую деятельность любовь</p>